

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

МЕРИ ЛИ

18+

НА КРАЮ
ТУМАНА
I ♦ II ♦ III

Мери Ли

На краю тумана.

Полное издание

<https://litres.ru/74395148>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир поглотил туман — густой и безжалостный. Он не щадит никого: ни стариков, ни детей, ни тех, кто ещё цепляется за надежду. Для одних мгла стала проклятием, исказившим плоть и разум, для других — смертельным приговором. Они стали добычей.

Я — одна из обреченных. Моя цель — не просто выжить в этом хаосе, а отыскать хоть клочок земли, где можно перевести дух. Найти тех, с кем не придётся оглядываться, кто станет семьей. И самое трудное — уберечь в себе осколок человечности, пока туман не отнял и это.

Содержание

Книга первая	4
Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	37
Глава 4	56
Глава 5	66
Глава 6	77
Глава 7	101
Глава 8	109
Глава 9	127
Глава 10	136
Глава 11	140
Глава 12	150
Глава 13	159
Глава 14	167
Глава 15	176
Глава 16	180
Глава 17	191
Глава 18	207
Глава 19	222
Глава 20	225
Конец ознакомительного фрагмента.	234

Мери Ли

На краю тумана.

Полное издание

Книга первая

Глава 1

Как же он меня достал!

В бессильной ярости ору в подушку несколько секунд, но даже это не помогает отстраниться от громоыхания басов за окном. Этот дегенерат снова закатил вечеринку, которая не закончится, пока я не вызову копов.

Вернувшись на остров в родительский дом, я надеялась, что буду засыпать и просыпаться под шум морских волн, крики чаек, а на деле оказывается, что я засыпаю под прорастающую сквозь камень, словно колючий цветок, ненависть к Дилану Шэдоу.

Прооравшись, переворачиваюсь на спину и смотрю на потолок, через приоткрытое окно просачиваются искры веселья, которые мне придется затопить из брандспойта.

Хватаю телефон с тумбочки и ищу номер шерифа в спис-

ке контактов. Последний раз звонила ему два дня назад. Я не буду вызывать 911, ведь в соседском доме никого не убивают. И этого не происходит, только пока чаша моего терпения не начнет трескаться по швам. Если же чаша расколется, я разберу Дилана по запчастям и раскидаю их в разных краях земного шара.

Нажимаю кнопку вызова и ставлю громкую связь. Жду.

Музыка за окном становится громче, крики веселья пестрят всевозможными красками, женский визг и аплодисменты толкают чашу моего терпения на пол, она разлетается на мелкие осколки. Мысленно уже рисую картину моей кары. Она настолько реалистична, что становится жутко. Не думала, что в моей фантазии одновременно могут присутствовать бензопила и сосед.

Гудков нет и я хмурюсь.

Может, у шерифа сегодня выходной, и он решил вырубить телефон?

Скидываю холостой вызов и набираю 911, но медлю, не нажав на кнопку вызова.

Если с помощью шерифа можно быстро убить развернувшееся веселье и спокойно лечь спать, то в случае вызова патрульных, мне придется самой общаться с правоохранителями, и тогда сна мне не видать. А он мне необходим. Завтра с утра я должна отвезти тетю Лею в больницу в центре острова. Обычно этим занимается папа, но сейчас он в Мексике, пытается вызволить из тюрьмы незаконно осужденную жен-

щину. Такова работа дорожного адвоката.

Ладно.

Откидываю легкое одеяло в сторону, встаю и направляюсь из комнаты.

Музыка грохочет так, будто ее слушает тетя, врубив стереосистему на первом этаже, хотя Лея уже давно под таблетками и спит.

Спустившись, замираю на последней ступени. Плечи опускаются, и я готова волком выть. Лея, которая должна уже видеть как минимум третий сон, танцует в центре холла, с сигаретой в зубах.

– Лея, папа просил тебя не курить дома, – напоминаю я.

– Октавия, ты только послушай это! – улыбаясь просит она. – Бесподобный ритм.

Таких как тетя называют душевнобольными, мы же называем ее особенной. Она говорит, запыхавшись, что означает, тетя отплясывает тут уже не первый трек.

Подхожу и забираю сигарету, запал Леи не пропадает. Будучи в одной только ночнушке, она хватает воображаемую гитару и начинает скакать на одной ноге вокруг меня.

Вскидываю лицо к потолку.

– Господи, пожалуйста, пусть папа уже вернется домой, а я поеду обратно, в мой до ужаса скучный и однообразный колледж, – молю я.

– Колледж – это весело. Тусовки, мальчишки и умопомрачительный секс, – нырнув в воспоминания, перечисляет те-

тя. Мечтательно улыбаясь, она кладет «гитару» на пол и садится рядом с ней.

Присаживаюсь перед ней на колени и, заглянув в лицо, тут же вижу маму. Боже, они так похожи...

– Я сейчас вернусь. Подожди меня пару минут.

– Куда ты пошла? Не оставляй меня одну, – со страхом просит она.

– К соседу. Попрошу, чтобы он вырубил музыку.

На этом моменте в соседнем доме взрывается шар радостного визга. Что они там делают? Кто-то выпил бочку алкоголя, стоя на этой самой бочке вверх ногами? Или одна из парочек решила не заморачиваться и не ушла в комнату, а устроила показательное представление прямо в холле первого этажа?

– Мне нравится эта музыка, – тихо сообщает Лея.

– Нам завтра ехать к доктору, ты помнишь? – аккуратно спрашиваю я, заглядывая ей в глаза.

Лея кивает, и тут же остатки веселья покидают ее.

Тяжело вздохнув, поднимаюсь и направляюсь на выход.

Открываю дверь, запираю дом с помощью приборной панели, ввожу код, запираю жилище и агрессивно топаю по тропинке к соседнему дому.

С каждым шагом музыка становится громче. Ярость вскипает и плещется у бортов моего треснувшего терпения.

Стучу.

Жду.

Звоню.

Жду.

Тарабаню ногой.

Жду-у-у.

Никто не открывает, потому что никто ни черта не слышит. Как они еще не оглохли. Хотя... скорее всего они уже лишились слуха, ведь такие децибелы не пройдут для любителей вечеринок бесследно.

Толкаю дверь, она поддается сразу же. Естественно, ее не заперли. На этой части острова всего два дома. Остальные на другой стороне, а центр кишит жизнью, там бы у Дилана Шэдоу подобные вечеринки не прокатили.

Ищу его взглядом среди полупьяных людей, не нахожу. Зато вдоволь насмотрелась на целующиеся парочки. Кажется, что здесь собрались все местные от восемнадцати до тридцати. Я мало кого из них знаю, однажды наши с Диланом дороги разошлись, как и круг общения. Я осталась с адекватными, он примкнул к дегенератам.

И что им не сидится дома в ночь среды, черт возьми?

Врезаюсь в кого-то плечом.

– Аккуратнее! – кричит на меня рыжеволосая красотка в купальнике.

– Извини, – бросаю я не останавливаясь.

А мысленно посылаю ее домой.

Все, идите домой!

На первом этаже хозяина дома нет, на заднем дворе тоже,

в бассейне среди толпы не обнаружен.

Черт!

Где он прячется?

Снова вхожу в дом и поднимаюсь на второй этаж. Здесь намного меньше людей, что позволяет вдохнуть полной грудью. Чем Дилан привлекает столько народу?

Открываю первую дверь, пусто. За второй блюет девушка. И это не ванная комната. Обычная спальня, обычная ваза для цветов, с необычным наполнением. Захлопываю дверь и иду дальше.

И вот это для них веселье?

Фу.

Открываю третью и нахожу Дилана. Он занят. Не удивительно. Шэдоу во всю лобзается с брюнеткой в бикини. Она обвила его ногами и вгрызлась в рот так, что, надеюсь, у него будет критический недостаток кислорода.

– Шэдоу! – рывкаю я.

Им плевать. Они продолжают целоваться. Закатываю глаза и вхожу в комнату, беру бутылку воды, быстро откручиваю крышку и плескаю из нее на голубков.

Они тут же отстраняются друг от друга.

– Какого черта? – возмущается Дилан.

– Ты сдурела?! – орет девушка.

А что я должна была сделать, если вы слиплись, как собаки? Палкой бить?

– Скажите спасибо, что это вода, а не содержимое вазы из

соседней комнаты, – буюню я, смотря в голубые глаза Дилана.

– Чего? – непонимающе хмурится брюнетка.

– Не обращай на нее внимания, Ронда.

Хлесткая пощечина прилетает Дилану, и я не могу сдерживать улыбки. Хоть кто-то ему врезал. Придержу бензопилу на потом.

– За что? – ошарашенно спрашивает он, схватившись за алеющую щеку.

– Я не Рон-да, – выплевывает девушка и для полной убедительности толкает Дилана в голую грудь.

Она так сильно хлопает дверью, что та снова распаивается.

Дилан смотрит на меня, я на него.

– Ты снова лишила меня секса, – без злости говорит он, продолжая потирать щеку.

– Не моя проблема. Выруби музыку. Пусть все валят по домам, – холодно чеканю я.

Темные брови собеседника взлетают вверх.

– Я не хочу, чтобы все расходились по домам. Нам весело. Присоединяйся, – предлагает он и улыбается.

– Я вызову копов, – угрожаю я.

Он лишь пожимает плечами.

– Вызывай.

Наступив на осколок своей чаши терпения, срываюсь:

– Шэдоу, черт тебя дери, сегодня среда! Кто устраивает вечеринки в среду?

– Я.

– Только идиоты. Выруби музыку.

– Если я ее выключу и всех отправлю домой, ты составишь мне компанию? – наигранно флиртует Дилан, осмотрев меня с ног до лица. – Отличная пижама.

Я даже ничего не накинула на себя. Да и какая разница, тут больше девяноста процентов людей в купальниках и шортах.

Подхожу к Дилану близко-близко. Настолько, что понимаю, он не пил. Нет запаха алкоголя.

Его взгляд меняется. Зрачки становятся шире, а фальшивая улыбка пропадает. Теперь я смотрю на него так, будто флирт *мое* второе имя.

– Если завтра настанет конец света, – шепчу я, – и мы будем последними людьми на этом чертовом острове...

– И? – говорит он, опуская взгляд на мои губы.

– ... Я никогда не составлю тебе компанию. Ни-ког-да.

Он переводит взгляд на мои глаза, а губы тем временем рисуют кривоватую ухмылку.

– Октавия, никогда не говори никогда.

Я тоже улыбаюсь ему.

– В этом я уверена, – твердо отрезаю я.

– Не знаешь, от чего отказываешься, – шепчет он.

– Знаю. От тебя, – так же еле слышно произношу я, а потом повышаю голос и серьезно, говорю: – Выруби музыку или я сделаю это сама.

Он закатывает глаза.

– Тебя за это линчуют, – предостерегает сосед, который даже не подозревает о моих планах на его счет. Мысли о том, чтобы раскидать его запчасти до сих пор не пропали.

– Выключи, – давлю я.

– Нет.

Плевать.

Разворачиваюсь и ухожу из комнаты. Девушка в соседней перестала оскорблять вазу и улеглась рядом с ней спать. Дверь, которую я закрывала, снова распахнута. Подхожу к девушке и морщусь от вони, проверяю дышит ли она, почувствовав пульс на шее, ухожу из комнаты.

Агрессивно топаю по ступеням вниз, перешагиваю разбросанные красные стаканчики и стараюсь не наступить на тех, кто решил, что место на ступени вполне подходит для сна. Как они могут спать в этом аду?

Огромные старинные настенные часы, которые стоят целое состояние, показывают три часа ночи. Мне вставать через четыре. Выхожу из дома на задний двор. Именно здесь стоят огромные колонки. На меня никто не обращает внимания, пока я иду по лужайке, пытаюсь разыскать провод. Нахожу и даже улыбаюсь.

Один.

Два.

Три.

Со всей дури дергаю за провод, и музыка моментально

стихает. Довольная своей находчивостью, бросаю вилку и удлинитель в траву.

– Эй? – Женский визг.

– А ну верни музло! – Мужской крик.

– Кто это такая?

И еще с десятков вопросов и негодований летят мне в спину, но я гордо и молча прохожу мимо бассейна.

Валите по домам. Вечеринка закончена.

И никто меня не линчевал.

Неожиданно музыка начинает орать с новой силой. Я замираю. Все остальные рады. Визги, смех и тосты летят со всех сторон.

Как же я их ненавижу!

Медленно оборачиваюсь и вижу наглую ухмыляющуюся морду. Дилан держит то, что я только что пыталась разрушить. Вилка и удлинитель снова вместе.

Он не прекратит вечеринку, пока сам не устанет от нее. Жаль, что мне не удалось дозвониться до шерифа.

Смотря на него, вспоминаю каким он был раньше. Чета Шэдоу взяли его из детского дома, когда ему было девять лет. Мне на тот момент исполнилось шесть. Отлично помню день, когда он приехал на остров, это было пятнадцатое июня – день моего рождения. Мы с друзьями играли на территории нашего дома, а он один сидел на ступеньке своего. Дилан грустно смотрел на нас своими огромными голубыми глазами, я не выдержала и пошла к нему. Пригласила

присоединиться к нам, но он отказался. Точнее, он мне тогда ни слова не сказал. Около года я думала, что сосед немой.

Потом мы стали играть вместе на пляже. Мы дружили. Но все изменилось, когда Дилану исполнилось семнадцать. Он стал невыносимым. А теперь в двадцать один и вовсе перешел грань, где от былых теплых чувств осталась только злость и раздражение.

Выбесил.

Подхожу к аппаратуре, вырываю провода из полюбившихся гнезд и с трудом поднимаю ее, под всеобщее освистывание. Я настолько зла, что ярость помогает мне дойти до бассейна и не завалиться под весом музыкального демона. К счастью, в воде никого нет. С чувством блаженства, разжимаю пальцы, и аппаратура летит в бассейн. Брызги воды во все стороны. На меня в том числе.

Вот сейчас меня точно линчуют.

Пора сваливать.

Разворачиваюсь и уже быстрее, но не менее гордо, шагаю в дом, чтобы пройти сквозь него и выйти на тропинку, которая вернет меня к тете.

Сбиваюсь со счета, сколько раз меня успевают оскорбить и выхожу за пределы территории соседей.

Улыбаюсь, но ежусь. В наполовину мокрой пижаме как-то прохладно.

– Октавия! – кричит Дилан.

Сдерживаю первое желание, показать ему средний палец.

Оборачиваюсь на середине тропы, и жду, когда он дойдет до меня.

– Я заплачу за колонку, – говорю я.

– Не надо. Купи себе беруши на эти деньги.

Зло смотрю на него.

– Ты знаешь, что я не могу в них спать. Тетя может выйти, а я и не замечу.

На мгновение его нахальное лицо становится понимающим. Он знает, как тяжело с Леей. Когда мы были близки, я делилась с ним многим, о чем теперь бесконечно жалею. Вот бывает так, встречаешь человека и думаешь, что он – друг. А по факту – мимолетное общение.

Киваю на его дом и говорю:

– Тебя это ни к чему хорошему не приведет.

– Не читай мне нотации.

Легкий туман, который я не заметила, пока бежала в дом Дилана, стал плотнее. Надеюсь, утром его уже не будет, не люблю садиться за руль, когда погода подсовывает такие проказы.

– Ты реально могла бы к нам присоединиться, – серьезно говорит Дилан.

– Меня не интересуют вечеринки.

– Знаю, просто...

Он не договаривает, а я не интересуюсь, что Дилан хотел сказать.

– Мне надо идти и уложить тетю в постель, твоя вечерин-

ка, разбудила ее.

Он тяжело вздыхает и проводит рукой по темным волосам, взъерошивая их.

– Ты скучная, – бросает он.

– Так иди веселись, – говорю я. – Тебя ждут гости и Ронда, которая не Ронда.

Ухожу к себе, а когда поворачиваюсь, чтобы запереть дверь, то сквозь туман вижу фигуру Дилана. Он стоит там и, кажется, не собирается уходить.

Плевать на это. Пусть стоит, главное, что теперь его музыка не будет отравлять мой сон.

Тетю нахожу на кухне. Она сидит за длинным столом, который мама заказывала у итальянских мастеров, и расфокусировано смотрит перед собой.

Завтра, а точнее уже сегодня, нас ждет непростая поездка в медицинский центр. Не знаю, зачем мы делаем это каждый месяц, лечения нет. Тетя всегда будет такой. Иногда наступают моменты просветления, но в основном она находится в своем мире, о котором не суждено узнать нам – ее близким.

Сажусь рядом и беру ее за руку, глажу пальцы, пока она не замечает моего присутствия. С неподдельным удивлением Лея смотрит на меня и спрашивает:

– Где ты была?

– Ходила к Дилану.

Лея мило улыбается.

– Он такой милый мальчик. Как поживают его родители?

Этот милый мальчик уже костью в горле у меня стоит, но тете я об этом не говорю. Она до сих пор считает, что мы дружим.

– Они уехали по делам мистера Шэдоу. Какое-то собрание в Нью-Йорке. В детали я не вдавалась.

Я вообще не знаю где родители Дилана, сказала первое, что пришло в голову.

– Это хорошо. Работа – это хорошо.

– Пойдем, я провожу тебя до комнаты? – предлагаю я.

– Я немного устала.

Конечно, так скакала, что можно было свернуть себе шею. Скорее всего тетя даже не вспомнит, насколько филигранно играла на несуществующей гитаре.

Укладываю ее в постель, запираю все двери и возвращаюсь к себе. В соседнем доме слышен гомон голосов, но музыки нет, а это огромный плюс. Подхожу к окну. Легкий тюль касается ног. Обычно я не закрываю окно, но сегодня как-то по-особенному прохладно. Быстро меняю мокрую пижаму на сухую и подхожу, чтобы запереть окно. По ту сторону стекла дом, полный людей. Отсутствие музыки никак не способствовало тому, чтобы они разъехались. Возможно, оно и к лучшему. Трезвых я там не видела, а пьяным за рулем делать нечего.

Замечаю очертания фигуры на моем газоне. Приглядываюсь, но не могу понять, кто это.

Человек просто стоит. Руки опущены вниз, голова немно-

го наклонена направо. Что он тут делает? Может, это кто-то из садовников или человек, перепутавший дом, где проходит вечеринка? Второй вариант тут же отмечаю. *Все* на острове знают, что самые дикие тусовки проходят у Дилана, но это только когда его родителей нет дома.

Продолжаю изучать фигуру и понимаю, что человек смотрит на клумбу роз, когда-то посаженную мамой и Леей. Значит это садовник. Видимо, что-то не доделал днем и остался в гостевом домике на самой границе нашего участка.

Запираю окно и забираюсь в постель.

Экран мобильного сообщает, что время уже четыре утра.

Замечательно.

Последний раз бросаю взгляд на окно. Там нет ничего, кроме еще более сгустившегося тумана.

Глава 2

В десятый раз пытаюсь подавить зевок, но он все равно прорывается наружу. Несмотря на то, что я храбро отвоевала время для сна, быстро отключиться не удалось. Я постоянно думала про соседа и пыталась понять, как из милого и робкого мальчишки, которого я знала, он превратился в заносчивого засранца? Что в его жизни произошло? Не хочу признаваться в этом даже себе, но меня действительно это волнует. Мы перестали общаться, когда мне было четырнадцать, а до вчерашнего дня не разговаривали около года.

– Мы поедем мороженое? – спрашивает Лея, сидя на заднем сиденье внедорожника.

– Конечно, но только после больницы, – отвечаю я и дарю ей улыбку.

Лея – младшая сестра моей мамы, ей тридцать два. И несмотря на разницу в возрасте, в отличие от меня, она бодро проснулась и собралась быстрее. Я же как зомби ходила по дому и ругалась на туман, который стал только гуще. Чихвостила Дилана и разгульный образ жизни в целом. Ничто не помогло поднять настроение: ни свежесваренный чай, ни теплый душ. Я продолжала бубнить проклятия под нос.

Дороги почти не видно, поэтому мы едем медленно, и я даже не включаю радио, чтобы услышать приближающуюся машину. Радует, что эта дорога не пользуется особой по-

пулярностью. Она ведет только к нашим домам, до самого большого пляжа проще и быстрее добраться по другому пути. Следовательно, вероятность встретить кого-то до приезда в город минимальная.

– А кто вчера к нам приходил? – неожиданно спрашивает Лея.

Бросаю короткий взгляд в зеркало заднего вида и тут же уточняю:

– Когда?

Вспоминаю мужчину на газоне, и по рукам пробегают мурашки.

– Ночью, – буднично отвечает Лея, что-то рисуя пальцем на стекле.

– Я уже спала? – как можно спокойнее интересуюсь я, хотя внутренности стягивает тугим узлом.

Лея дорисовывает картинку, и только после этого обращает на меня внимание.

– Что? – переспрашивает она.

– Я спала, когда кто-то приходил ночью? – повторяю я и даже от вопроса становится тошно.

– Да, – беззаботно отвечает Тетя. – Но он не стал заходить, трогал входную дверь, а потом ушел. Наверное.

Я бы сейчас же остановилась на обочине, но в условиях тумана это плохое решение. Если позади будет ехать машина, водитель может не заметить нас. Только из-за чувства самосохранения продолжаю путь. Спала ли Лея этой ночью?

Кто приходил? Зачем он трогал дверь? Она стеклянная, и если стоять в холле или на последних ступенях, то отлично видно, кто за дверью.

— Он что-нибудь говорил? — продолжаю допрос, пока мысли тети не ушли дальше от ранее сказанного.

— Нет.

— А ты ему что-нибудь говорила?

— Нет. Я буду клубничное мороженое.

Вот с такой легкостью Лея переключается с одного разговора на другой. Осталось понять, действительно ли кто-то подходил к двери, или Лея это придумала. Не исключая варианта, что это был сон или мысли из прошлого прорвались сквозь преграду памяти именно сегодня.

В любом случае, сегодня же поговорю с садовниками и узнаю, оставался ли кто-нибудь вчера в гостевом доме. Если нет, то этот человек точно был с вечеринки. Решил напугать меня в отместку за музыку? Или кто-то перебрал и перепутал дома?

Голова начинает гудеть, и я стараюсь отделаться от мыслей о ночном посетителе. Чувство тревоги не проходит до самого въезда на территорию центра острова.

У нас всего один город на пятнадцать тысяч человек. Мало кто живет на окраинах, основная масса в центре. Тут размещена вся инфраструктура: полиция, три больницы, супермаркеты, салоны красоты, автосервисы и прочее необходимое.

– И посмотрим собак, – вспоминает Лея. – Джон обещал мне собаку.

Папа не в силах отказать Лее в чем-то. Он так сильно любил мою маму, что ее сестра и я – единственное, что осталось в его жизни действительно важным.

– Посмотрим на собак, – обещаю я и надеюсь, что ей не понравится какой-нибудь огромный пес.

Лею не стоит расстраивать перед приемом, она может впасть в депрессивное состояние и не будет разговаривать с врачом, а без этого, как известно, не обойтись.

На улицах, на удивление немногочленно. Сейчас все должны идти на работу, но улицы практически пусты. У больницы автомобили припаркованы как попало. Нахожу место и стараюсь поставить машину так, чтобы никому не перегородить дорогу.

– Приехали, – сообщаю я.

Глушу мотор и выхожу, прихватив с собой увесистую папку с соседнего сиденья.

Лея уже выпорхнула на волю и ждет меня. Проходим парковку и поднимаемся по ступенькам, на пути встречаем несколько человек. Когда едешь за рулем, туман кажется гуще, чем есть на самом деле. Но даже в условиях пешей прогулки я не вижу соседнего здания.

Входим в холл, киваю девушке за стойкой администратора и сообщаю фамилию доктора.

– Вас ожидают, – говорит она. – Кабинет 305.

– Спасибо.

На лифте поднимаемся на третий этаж и проходим к нужной двери. Мы и без администратора знаем, куда идти. Когда я была совсем маленькой, мама привозила сюда Лею и брала меня с собой, а теперь этим занимаемся либо папа, либо я.

Стучу и тут же открываю дверь. Доктор сидит за столом и, улыбнувшись, приветствует нас. Лея входит внутрь, а я остаюсь в коридоре. Примерно через час доктор пригласит меня и попросит не расстраиваться, но сообщит, что ничего не изменилось и Лея находится все в той же стадии, что и двадцать лет назад.

Сижу на диванчике, провожаю проходящих мимо безразличным взглядом. Хочу спать.

Снова ловлю зевок в ладонь и вспоминаю Дилана. Если бы не он, я бы выпалась и была в более приподнятом настроении.

Даже в больнице сегодня намного меньше народу. Может, в центре какой-то праздник, а я и не в курсе? Или по радио передали, чтобы местные в условиях сгустившегося тумана по возможности оставались дома? Надо было включить радио.

Достаю телефон и нажимаю на иконку интернета, хочу посмотреть местные новости, но связь на нуле, на экране бежит бесконечный круг загрузки. Убираю телефон, и в этот момент подходит девочка семи лет. Она садится на соседний диванчик и складывает ладони на коленях. Легкое жел-

тое платье, белые сандалии и слабая косичка с огромной резинкой на кончике светлых волос. Девочка смотрит по сторонам, а потом замечает, что я за ней наблюдаю.

– Маму жду, – сообщает она.

– Уверена, она скоро придет.

Девочка стеснительно улыбается, и в это мгновение воображение решает сыграть со мной злую шутку. Мне кажется, что на ее щеке, под кожей, что-то шевелится. Движение появляется и пропадает настолько неожиданно, что я не могу разобраться, показалось мне или нет.

Все это недосып и нервы из-за слов Леи про ночного гостя.

Сжимаю пальцами переносицу и растираю глаза.

Что за глупый вопрос, показалось мне или нет? Конечно, показалось.

Мне нужен кофе.

Нахожу автомат и выбираю двойной американо. Аппарат выплевывает стаканчик и наполняет его ароматом перегоревших зерен, но я все равно забираю кофе и возвращаюсь на место. Девочки нет, а вот огромная резинка не удержалась на детских волосах, свалилась на пол.

Дверь кабинета 305 открывается, когда я выпиваю половину не особо вкусного напитка.

– Октавия,ходи, – приглашает доктор.

Мы с Леей меняемся местами. Прошу ее дожидаться меня на диване, она кивает. Обещаю, что, как только я выйду, мы поедем за самым вкусным в мире мороженым.

Она остается в коридоре, а я прохожу в кабинет. Сажусь на стул и спрашиваю:

– Все, как обычно?

Доктор сжимает губы в тонкую линию и кивает.

– Лея стабильна в своем состоянии, – подбирая слова, сообщает он.

– Папа говорит, раз лекарства не помогают, может, не пичкать ими ее?

– Я взял кровь на анализы, проведу беседу с другими докторами, и в следующем месяце мы решим продолжать лечение или нет. Единственное, в чем я уверен, ей нужно продолжать пить снотворные, иначе она будет плохо спать, а из-за недостатка сна ее психоэмоциональное состояние будет только ухудшаться.

Вчера она выпила снотворные, но вырубиться не вырубилась.

– Никаких других препаратов не появилось на рынке? – интересуюсь я, бросая взгляд на дверь.

– Нет. Заболевание редкое, новые лекарства тоже появляются нечасто.

Доктор повторяет одно и то же раз в месяц. Я лишь киваю на его наставления. Лее нельзя эмоционировать. Ее нельзя оставлять одну в доме. Опасных предметов тоже не должно быть в открытом доступе. Принимать лекарства по расписанию. Правильное питание, прогулки на свежем воздухе. Разговоры, которые помогут ей не отдалиться от реальности еще

сильнее, чем есть на данный момент.

Он открывает папку и показывает ручкой на строчку, где он продлил рецепт на препараты. На его запястье сильно выступает вена и странно перекачивается под кожей. Еще раз. И еще...

– Что это? – спрашиваю я, и вена пропадает.

– Продление рецептурного препарата на еще один месяц, – поясняет он, совершенно неправильно интерпретировав мой вопрос.

Смотрю в лицо доктора и замечаю там небольшие изменения. Он выглядит старше, лицо немного осунулось, а глаза как будто впали. Ничего странного в нем нет. Просто я давно его не видела.

Не в первый раз интересуюсь этим, но все равно спрашиваю:

– Вы говорили, что заболевание Леи не передается по наследству, и изменения в ее мозгу произошли еще в утробе?

– Все верно, – кивает доктор.

Отрываю взгляд от его руки и смотрю в глаза.

– Вы в этом уверены?

Доктор прищуривается и какое-то время молча вглядывается в мои глаза.

– Октавия, что-то не так? – спрашивает он.

Да все не так.

Проклятый сосед со своей вечеринкой и недосып сделали из меня параноика, который видит то, чего на самом деле нет

и быть не может. Представляете, у вас под кожей только что что-то шевелилось. А еще я видела подобное у маленькой девочки. Я не могу сказать об этом вслух, ведь доктор быстро поставит мне какой-нибудь диагноз.

– Нет. Просто решила уточнить, – отвечаю я как можно более беспечно. Ведь желания попасть под прицел психиатра у меня нет.

Забираю папку, прощаюсь и выхожу в коридор.

Не успеваю осознать, что происходит, как в меня врзается мужчина, и мы со всего маху падаем на белый кафель. Из-за удара локтем вскрикиваю. Руку прошибает электричеством. Мужчина скатывается с меня, поднимается и бежит дальше.

Принимаю сидячее положение и зло смотрю ему вслед. Никакой культуры общения. Он не просто толкнул меня, а сшиб с ног! Неужели было сложно сказать: «Извините, это вышло случайно»? Нет же, он вскочил и побежал *обратно*. Почему обратно, а не в ту сторону, куда несся сломя голову?

Собираю разлетевшиеся листы под собственное бубнение. Я стала слишком часто бубнить. Отсутствие адекватного собеседника сказывается.

Выпрямляюсь, морщусь от остаточной боли в локте и ягодицах. Иду к диванчику, на котором, к счастью, сидит Лея. Уже дважды я выходила из кабинета и не находила ее здесь. В больнице знают Лею в лицо и не выпускают из здания, но даже это не способствует поддержанию нервной системы в

норме в момент, когда я не нахожу ее там, где оставила.

Подхожу к тете, она не встает, хмурясь, смотрит вслед сбежавшему мужчине.

– Зачем он здесь бежит? – спрашивает она.

– Не знаю.

– Странно.

Если даже Лея считает это странным, то оно точно таковым является.

Спускаемся на первый этаж и становимся свидетелями, как женщина и сотрудница с административной стойки громко ругаются. Впервые вижу такое. В этом центре обычно все тихо и мирно, а сегодня все сошли с ума. Может быть, какой-то ретроградный меркурий всему виной, я не знаю.

Входные двери разъезжаются, и мой настрой на мороженое окончательно вянет. Туман стал беспроглядным настолько, что теперь я не вижу большую часть парковки, не говоря уже о соседнем здании.

Лея удивительно молчалива.

– Ты как? – спрашиваю я, пока мы спускаемся по ступеням.

– Ничего не меняется? – еле слышно спрашивает она.

Лея в себе.

Моменты просветления настолько стремительно заканчиваются, что я не спешу огорчить ее и нагло вру:

– Улучшение есть.

Она останавливается и поворачивается ко мне.

– Правда?

Боже, как редко я вижу этот чистый взгляд. Теперь она еще больше похожа на маму, от этого сердце сжимается, и я понимаю, что всегда буду по ней скучать.

– Да.

– Это, – начинает Лея и нахмурившись замолкает, она смотрит мне за спину, от этого становится жутко, и я тоже оборачиваюсь. – Что там?

Вглядываюсь во все глаза. Сегодня настолько необычный день, что я не удивлюсь, если из тумана выйдет динозавр.

– Туман, – отвечаю я.

Кроме него, я ничего не вижу.

Лея спускается и идет туда, где что-то привлекло ее внимание.

Я молча следую за ней, нам все равно нужно идти в этом направлении. Машина припаркована и ждет нас, а я мечтаю сесть за руль и уехать домой.

Лея останавливается у лежащего на боку мотоцикла. Сначала я не понимаю, что она там увидела, а потом замечаю кровь на руле и капли, ведущие от упавшего транспортного средства.

Авария?

Не похоже.

Мотоцикл цел, на нем нет ни единой царапины.

Лея поворачивается ко мне и предполагает:

– Из носа кровь пошла.

– Может быть, – пожав плечами, монотонно проговариваю я.

– У тебя.

– Что?

Прикасаюсь к лицу и смотрю на пальцы. Они не в крови. Лея снова ушла в свой мир.

– Поехали отсюда, – говорю я, озираясь по сторонам.

Внутри просыпается законопослушный гражданин, который настоятельно советует мне вернуться к мотоциклу, пройти по кровавым следам и убедиться, что человек, нуждающийся в помощи, в медицинском центре и им занимаются медсестры. Но я этого не делаю. Запираю законопослушного гражданина в подвале сознания и беру Лею за руку.

Быстрым шагом преодолеваю часть парковки, открываю машину, и только когда мы оказываемся внутри, выдыхаю.

Что-то не так.

Предчувствие ужасного дышит в спину. Чувствую на себе его зловонное дыхание.

Тетя говорит про мороженое, а я всматриваюсь в лобовое стекло. Вижу очертания людей, но мне кажется, что они двигаются как-то не так. На периферии гудят клаксоны, слышны звуки жизни, но они другие. Зловещие.

– Поедем за мороженым? – в третий раз спрашивает Лея.

Есть небольшой магазинчик на краю центра, решаю захватить туда. В большой центральный комплекс я сейчас не поеду.

Только не в такую погоду.

Только не в таком состоянии.

Только не с этим предчувствием.

– Я же обещала, – бодро говорю я и насквозь фальшиво улыбаюсь.

Завожу двигатель и аккуратно выезжаю с парковки. Слева поперек дороги стоит машина, в паре метров от нее вторая. Авария. Оно и неудивительно, ни черта не видно же.

Выезжаю на дорогу и пристраиваюсь за габаритными огнями впереди едущего транспорта. Двигаемся медленно.

Постепенно успокаиваюсь и беру себя в руки. Отвечаю Лее на множественные вопросы.

На перекрестке останавливаюсь на красный сигнал светофора, но машина передо мной игнорирует его и едет дальше. Сначала я слышу визг шин, а потом вижу, как машина справа вырывается из тумана и на всем ходу врывается в боковину автомобиля, переворачивает его, а сама врывается в столб.

– Что б тебя, – шепчу я.

У меня зеленый, но я не еду. Как замороженная смотрю на перевернутое авто. Включаю аварийку и достаю телефон, чтобы вызвать патрульных.

Гудков нет, как и вчера.

– Да что здесь творится? – спрашиваю сама у себя.

Вижу, как прохожий приближается к перевернутой машине и заглядывает внутрь, и тут же раздается дикий крик.

Кричат вообще с другой стороны. Оборачиваюсь туда, но

видимость нулевая.

– Октавия, – тихо зовет тетя. – Поехали домой.

Киваю и страгиваюсь с места, но воремя успеваю затормозить. Слева пролетает машина и чуть ли не врезается в нас.

Куда они так летят?! Ничего же не видно!

Вцепившись в руль, проезжаю перекресток, но торможу на обочине после пешеходного перехода. Чертов законопослушный гражданин вылез из подвала и уже всю орет на меня.

Я должна попытаться помочь пострадавшим в аварии. Мама сделала бы именно так.

– Черт! – ругаюсь я, ударяя ладонями по рулю.

Оставляю машину на аварийке, запираю двери и иду в сторону пострадавших.

Возле перевернутой машины уже никого нет. Заглядываю в разбитое окно. Пусто. Видимо, ему помог выбраться прохожий.

Иду к другой машине, капот вмят столбом, из-под покопленного металла валит дым.

Подушки безопасности сработали, но уже сдулись. На водительском месте женщина средних лет. Кроме нее внутри никого нет.

– Мэм? – зову я и озираюсь по сторонам.

Мне срочно нужен кто-нибудь взрослый. Мне всего восемнадцать. Я не готова к решению проблем подобного рода. Но все взрослые куда-то слиняли или сделали разумный вы-

бор и остались дома. Снова достаю телефон, связи нет, интернета тоже. По номеру 911 тишина. Как это возможно?

Убираю телефон и снова заглядываю в окно.

– Мэм, вам нужна помощь?

Зачем спрашиваю, она ведь не ответит. Женщина без сознания, но жива. Вижу, как грудная клетка поднимается и опускается. Не знаю, что делать, можно ли ее тревожить? Что если я попытаюсь вытащить ее из машины и сделаю только хуже?

Что бы сделал папа?

Он бы вызвал копов и скорую.

Может, попытаться вырвать ее из бессознательного состояния? Сказать, что рядом есть больница и ей надо туда?

Идиотская ситуация.

Снова заглядываю в салон и открыв рот, так и замираю.

На шее женщины, там где должен биться пульс, появляется вена и прокатывается под кожей.

– Ну это не может быть игрой моего воображения, – уверенно проговариваю я.

Третий раз у трех людей, на которых мой взгляд задержался на несколько минут, что-то происходит с кожей. Точнее, под ней...

– Я не сумасшедшая, – уверяю сама себя.

Но знаю, что глаза могут обманывать, поэтому протягиваю руку. В сантиметре от шеи женщины останавливаюсь и пытаюсь восстановить дыхание и успокоить нервы. Уже две

вены под кожей шевелятся, и я касаюсь одной из них. Чувствую, насколько она твердая и отдергиваю руку. Женщина открывает глаза и тут же распахивает дверь. Отпрыгиваю назад, и другая машина чуть не сбивает меня.

С полными карманами адреналина хватаюсь за сердце и отхожу за помятый капот.

Женщина пытается выбраться из машины, но ремень безопасности удерживает ее внутри. Она агрессивно дергается и скорее сама себя покалечит, чем я ее.

– Вы пристегнуты, – говорю я, но она не слышит. Пытается выйти. Около минуты наблюдаю за этим, не понимая, что делать. А потом в прострации обхожу машину и открываю пассажирскую дверь. Медлю мгновение. Отстегиваю ремень, и женщина вываливается на дорогу.

А дальше происходит непоправимое.

По выпавшей женщине проезжает машина и уносится вдаль, даже не притормозив.

– Нет, – шепчу я.

Меня рвет прямо под ноги. Сгибаюсь пополам и оказываюсь в прострации. Время останавливается, звуки города становятся едва слышными, а я... я в шоке.

Что!

Черт возьми!

Происходит?!

Бегу к своей машине и быстро забираюсь внутрь. Запираю двери и хватаюсь за руль.

— Где ты была? — долетает до меня голос тети и Земля снова начинает вращаться. Мир приходит в движение, звуки становятся громче и они не то чтобы странные, они ужасные. Клаксоны не смолкают. Слышу, как очередная машина куда-то врежется. Крик какого-то мужчины. Плач.

Я бы подумала, что это сон, но, к сожалению, я оказалась в эпицентре худшего дня в моей жизни.

— Помогала одной женщине, — запоздало отвечаю я и поворачиваю ключ в замке зажигания.

Пора отсюда валить.

Приеду домой и позвоню со стационарного телефона шерифу, расскажу, что видела и сделала. *Зачем я ее отстегнула?*

Руки трясутся, но я не обращаю на это внимания. Перед глазами до сих пор проносятся странности сегодняшнего утра.

Аккуратно еду по дороге, объезжая брошенные машины и блуждающих людей.

Что творится?

Какого черта происходит?

Мне страшно.

Когда город и его сумасшествие остаются позади, включаю радио, и радостный женский голос рассказывает о сложных погодных условиях. Слушаю ее внимательно и уже через пять минут понимаю — это запись. Она говорит одно и то же по кругу.

Меняю радиоволны, но на острове их всего семь. Волн конечно больше, но действуют только эти. На пяти из семи белый шум. На шестой женщина-попугай говорит про погоду, а на седьмой играет классическая музыка.

Никакого толку.

Нужно добраться до дома. Там безопасно.

Вцепившись в руль, прибавляю газу и еду по самой непопулярной дороге на острове. Пытаюсь разобраться, я схожу с ума или все вокруг лишились рассудка? Логично предположить, что проблемы у меня. Ведь мир не может измениться в один из четвергов?

Это даже не понедельник.

Глава 3

После приезда Лея сразу же вырубилась на кожаном диване в папином кабинете. Тетя даже не переоделась и не помыла руки, хотя об этом ей никогда не приходилось напоминать. Скорее всего, ночью Лея практически не спала. Сегодня нужно проконтролировать, чтобы она точно приняла прописанное врачом снотворное.

Сажу за папиным столом и прогоняю запись с видеокamеры, которая висит над входной дверью. Я совсем позабыла про камеры. Информация об их существовании напрочь вылетела из головы до момента, пока Лея не напомнила.

Продолжаю пребывать в ступоре. Скорее всего так выглядит шоковое состояние. Не знаю. До этого проклятого дня я никогда не испытывала такого спектра эмоций. Список чувств возглавляет страх. Я боюсь всего. Людей, машин, собак, *себя*. Что если случая в городе вообще не было. Не было никаких аварий, не было той женщины, что погибла из-за меня... Какого черта я вообще решила к ней полезть? Все этот проклятый законопослушный гражданин. Кто просил его вмешиваться?

Я уже попыталась позвонить в полицию, но в трубке продолжает царить тишина. Не важно с сотового я набираю или со стационарного. Сколько раз я пробовала позвонить шерифу, папе, в 911? Раз тридцать, наверное. И ни одного гудка

так и не услышала.

На экране ноутбука возникает фигура, она вообще не похожа на ту, что я видела из окна своей комнаты. Тучный мужчина в... в шапке? Да, это точно шапка. Если бы я увидела этот головной убор в колледже, то не удивилась бы, но на острове он максимально неуместен. Жара, царящая днем, не успевает рассеяться ночью. Шапка здесь не нужна.

Мужчина медленно подходит к двери и останавливается. Секунды в правом углу экрана превращаются в минуты, а мужчина продолжает стоять. Он слегка покачивается из стороны в сторону. Выпивший? Кто-то из друзей Дилана?

Как бы сейчас пригодился шериф. Он даже не представляет, насколько много у меня для него информации.

Сумасшествие в городе.

Моя причастность к происшествию с женщиной.

Окровавленный мотоцикл.

Аварии в центре острова.

Маньяк за дверью...

Перематываю запись. Мужчина стоял за нашей дверью в течение часа тридцати пяти минут и двенадцати секунд.

– Это уже перебор, – произношу я и вздрагиваю от звука собственного голоса.

Даже не думала, что можно пребывать в настолько тягучем и тяжелом состоянии страха. Ужас будто превратился в огромного гризли и обхватил меня лапами. И давит настолько сильно, что я слышу скрип собственных костей. Давит и

давит.

А что если это какой-то маньяк? Преступник, который в эту ночь решит забраться в дом?

Просматриваю другие записи за прошлую ночь на быстрой перемотке. Мужчина за моим окном не попал ни на одну из камер.

Меня уже натурально начинает трясти.

Что со всем эти делать?

Тетя продолжает мирно спать, положив ладони под щеку. Бросаю взгляд на окно. Туман стоит непроходимой стеной.

Из-за неполадок со связью я не могу позвонить в 911. Из-за погодных условий не могу поехать в участок. Или могу? Мысли кружатся, но я их все отталкиваю. Я не в силах добраться до участка и не попасть в новую передрагу. Видимость нулевая, да еще и я в таком состоянии, в котором нельзя садиться за руль. А что если это я схожу с ума и сама являюсь опасностью для окружающих?

Может, и на записи нет никакого мужчины? Мое воображение нарисовало его из-за слов Леи?

Готова выть от бессилия и непонимания происходящего.

Выхожу из кабинета и тихо прикрываю дверь. Моя комната крайняя слева, кабинет крайний справа, услышу, если тетя проснется и позовет меня. Захожу к себе и тут же, преодолев комнату, скрываюсь за дверью ванной. Упираю ладони в раковину и смотрю на себя в зеркало. Долго и внимательно.

Поворачиваю голову то в одну сторону, то в другую. От-

ражение синхронно, хотя я бы скорее всего не удивилась, если бы оно не повторяло моих движений. Чего сегодня еще ожидать? Инопланетян? Нашествия мартышек? Урагана?

– Октавия, ты не сумасшедшая, – не чувствуя уверенности, проговариваю я.

Как же фальшиво я звучу.

А разве люди, лишившиеся рассудка, могут понять, что здравый смысл покинул их, прихватив с собой все необходимое: логическое мышление, осторожность и рациональность?

Приглядываюсь к щекам, шее, долго и внимательно рассматриваю руки. На моей коже нет ничего похожего на то, что я видела у женщины, девочки и доктора. Пытаюсь поставить разум на рельсы здравого мышления, но ни один из предложенных вариантов не подходит к тому, что же это могло быть.

– Ладно, я могу решить одну из этих проблем. – Четко проговариваю я, смотря себе в глаза. – Я покажу запись Дилану и спрошу, был ли этот человек на его вечеринке? Если да, то пусть он поговорит с ним и запретит ходить на мою территорию. Если нет... Если нет, то я поеду в участок вместе с записью и расскажу им, что кто-то пробрался на территорию поместья.

Как решить остальные ситуации я не знаю. Начну распутывать клубок странностей с самой торчащей нитки, буду тянуть за нее, пока не вытащу полностью.

Киваю, отражение поддерживает меня, и я решаюсь покинуть дом, пока не передумала. Надеюсь, за это время Лея не проснется и не потеряет меня.

Завязываю волосы в высокий хвост, переодеваюсь из легкого сарафана в шорты и майку на тонких бретелях. Проверяю Лею и спускаюсь на первый этаж.

Перед дверью останавливаюсь и мнусь несколько минут. Не могу открыть ее. Не из-за того, что забыла, в какую сторону она отворяется или разучилась поворачивать ручку. Я ее даже не трогаю. Смотрю на туман за стеклянной поверхностью и содрогаюсь.

Мне никогда не было настолько жутко, но я должна разобратся хотя бы с частью происходящего, иначе я не смогу уснуть этой ночью. А если усну и кто-то проберется ко мне?

Полнейшее гадство!

С каждой новой мыслью становится только страшнее. Как же я хочу, чтобы папа вернулся домой.

Нужно добраться до Дилана и убедиться, что я в себе и все произошедшее – череда ужасных случайностей, а не помешательство.

Я просто не могу сойти с ума.

Не имею на это права.

Папа не справится, если жуткий мир нереального утащит не только Лею, но и единственную дочь. Ему и без этого непросто.

Отпираю дверь и выхожу в туман. Он уже и дома посе-

лился, просто там концентрация меньше, на улице же практически ничего не видно. На приборной панели ввожу код, механизм щелкает. Звук отзывается по нервам. Вытягиваю вперед руки и иду по тропинке, по которой ходила сотни раз, будучи маленькой девочкой.

Тропа короткая, но сейчас она кажется непреодолимой. Делаю два шага и останавливаюсь. Прислушиваюсь к звукам. Сейчас они именно такие, как я ожидала. Шум морских волн и больше ничего. Чайки скорее всего где-то прячутся, ведь летать в такую мглу невозможно, как и идти, но я продолжаю путь. Когда крыльцо всплывает в зоне видимости, я благоговейно выдыхаю.

Добралась.

Поднимаюсь по ступеням и прислушиваюсь к звукам за дверью. Тихо.

Открываю и вхожу в просторный холл. Дом Дилана – точная копия моего, только расположение зеркальное. Один проектировщик и один застройщик.

В холле тьма людей. Скорее всего вчера вообще никто не уехал домой. Люди спят тут и там. Желательно, чтобы они меня не заметили, пусть себе спят, мне нужен только Дилан.

Перешагиваю парня в гавайской рубашке и добираюсь до лестницы. Разбросанных стаканчиков стало в разы больше, перешагиваю их и медленно поднимаюсь по ступеням.

На втором этаже не так тихо, как на первом. В одной из комнат кто-то разговаривает. Решаю не лезть туда и направ-

ляюсь к спальне Дилана. Сегодня *слишком* ранним утром, я нашла его именно там. Надеюсь, мне и сейчас повезет.

Тихо стучусь, но никто не открывает. Озираюсь по сторонам и стучу еще раз.

Тишина.

Вчера я сделала некрасиво, ворвавшись в комнату в самый пикантный момент, а теперь тушуюсь. В первый раз мною руководила ярость, а сейчас – страх. Я боюсь, что Дилан пошлет меня к чертям собачьим и откажется посмотреть на видеозапись и тогда я точно сойду с ума от страха и неопределенности.

Вспоминая ужас, с которым я шла сюда, и понимаю, без Дилана я не вернусь. Принимаю решение открыть дверь. Медленно отворяю ее и заглядываю внутрь. Двухметровая кровать не свободна. Дилан лежит на спине, ноги и часть торса спрятаны под легким покрывалом, одна рука под головой, вторая на голой груди. Рядом с ним лежит обнаженная девушка. Выходит, вчера я не лишила его секса. Он его все равно нашел.

Отчего-то мне становится неприятно, но это чувство уходит со стуком за моей спиной. Оборачиваюсь и вижу, что мимо комнаты только что прошла девушка. В руках она держит босоножки на высоких каблуках, одним из них она и ударила по стене. И чуть не наградила меня инфарктом.

Фух.

Оборачиваюсь и снова смотрю на спящего Дилана. Стара-

ясь не глазеть слишком долго, подхожу ближе к кровати и слегка толкаю его в плечо.

Спит.

Толкаю еще раз, но более сильно.

Спит.

– Шэдоу, – тихо зову я, продолжая трясти его.

Он с неохотой разлепляет веки, и смотрит на меня заспанным взглядом.

– Октавия? – сонно спрашивает он.

– Да. Просыпайся.

Он смотрит на меня невидящим взглядом и бубнит, будучи в еще цепких лапах Морфея:

– Еще пару минут.

Переворачивается на бок, а потом резко разворачивается и смотрит уже с подозрением.

– Что ты тут делаешь? – растерянно спрашивает он, смотря на меня, как на инопланетянку.

– Мне нужна твоя помощь, – тут же выдаю я.

Дилан замечает девушку рядом с собой и укрывает ее, а потом снова поворачивается ко мне и еле слышно спрашивает:

– А это кто?

Он ужасен.

– Мне откуда знать? Может быть, Ронда, – предполагаю я, понимая, насколько абсурдный диалог мы ведем.

– Тебе нужна моя помощь? – переспрашивает Дилан, про-

тирая глаза.

– Да.

– Ты вчера испортила мне вечеринку, – напоминает он.

– Это было *сегодня*. Из-за твоей вечеринки у меня весь день наперекосяк, – со злостью тихо рычу я.

Заламываю пальцы, не понимаю, что сказать и как уговорить Дилана помочь мне. Он вредина и может пойти на поводу у упрямства и напрочь отказаться от просмотра камеры, только из-за того, что я, видите ли, испортила ему вечеринку.

Даже не знаю с чего начать. Пока сосед приходит в себя, понимаю, что нужно начать с конца. С камеры. Остальное я даже примерно не могу объяснить, а здесь есть физическое доказательство произошедшего.

– Дай мне минуту, – просит он, бескультурно указывая мне на выход.

Покидаю комнату и закрываю за собой дверь. Последнее, что я хочу увидеть, так это голого Дилана. Очередную травму за день я не вынесу.

Разговор в одной из комнат все же привлекает мое внимание. Дилана нет слишком долго, а любопытство уже толкает меня в спину. Сделав первый шаг, понимаю, пути назад нет. Пока законопослушный гражданин не выполз из глубин сознания, надо успеть засунуть свой нос и понять, что там происходит.

Подхожу к приоткрытой двери и заглядываю в щелку. Па-

рень сидит на краю кровати и разговаривает с кем-то, кого я не могу рассмотреть. Его голова наклонена вниз, он смотрит в пол? На пол? Сквозь него?

Нет. Не буду даже пытаться понять.

– Что ты делаешь? – спрашивает Дилан, заглядывая мне через плечо. Ему легко это сделать, потому что рост позволяет. Рядом с ним чувствую себя мелкой. Незначительной что ли.

– Ничего, – быстро отвечаю я.

– У тебя хобби такое, подглядывать за людьми? – спрашивает Дилан.

Оборачиваюсь и немного толкаю его в грудь.

– Не нарушай мое личное пространство, – прошу я.

Отступив на шаг, он с издевкой спрашивает:

– Тебе напомнить, что ты уже дважды за сутки заявила ко мне в комнату без приглашения?

– У тебя там проходной двор. Переживешь.

– Чего тебе нужно? – спрашивает он, как будто устал от словесного пинг-понга.

Вся бравада слетает.

Отвожу взгляд в сторону, формулируя просьбу и возвращаю внимание на Дилана. Он смотрит на меня и выжидательно приподнимает брови.

– Ты разбудила меня в такую рань, чтобы что? – допытывается он.

– Время три часа дня.

– Я и говорю, рань. Зачем ты пришла?

– Ладно, – сдаюсь я. – Ночью ко мне кто-то приходил. Хочу показать тебе видео с камеры. Посмотри и скажи, был ли этот человек у тебя на вечеринке?

Несколько секунд голубые глаза смотрят на меня так, будто я только что очень заумно пошутила.

– Пожалуйста, – добавляю я и слово царапает глотку.

– Я и половины не знаю, – в итоге выдает Дилан.

– А вдруг этого знаешь? – в надежде спрашиваю я.

Невыносимый сосед складывает руки на груди и приподняв брови, спрашивает:

– Почему я должен тебе помогать?

Пожимаю плечами. Мы оба знаем, что ничего он мне не должен. Но я не знаю, что делать, а придуманное ранее очень походило на план.

– Мы соседи, – выдавливаю я.

Дилан прищуривается и смотрит на меня дольше, чем мне бы того хотелось.

Неуютно.

– Посмотрю. С тебя кофе.

Киваю. Я ужасно рада, что он согласился помочь. Кажется, что сегодня Дилан единственный более-менее адекватный житель острова, из числа мною увиденных.

Разворачиваюсь и иду в сторону лестницы. Дилан плетется за мной. Перешагивая очередного любителя вечеринок, спрашиваю:

– Неужели тебе нравится так жить?

– Люблю шумные компании, – бросает он.

Выходим из дома, я ежусь, смотря на непроглядную сырость.

– Нехилый туман, – присвистнув, замечает Дилан.

– Ненавижу туман, – бурчу я.

– Ты злока, надо быть добрее.

Слова Дилана отправляют меня в детство. Мама всегда говорила, что к другим нужно относиться с добротой. Ко всем. Людям и животным. Маме удавалось вести такой образ жизни, а я уродилась немного другой. Не могу назвать себя злым человеком, мне нравятся котята и щенки, но я не в состоянии ко всем относиться с добротой и пониманием. Реалист сильно давит на меня, и я понимаю, что далеко не каждый заслуживает такого отношения.

– В жизни не видел такого тумана, – замечает Дилан, водя рукой по мгле.

– Я была сегодня в городе и, кажется, туман стал только гуще, – сообщаю я, вспоминая поездку в центр.

– Уже? – удивляется сосед. – Ты во сколько встаешь?

– Если соседи не врубают музыку посреди ночи, то в семь утра, – прохладно отвечаю я.

– У меня нет такого на часах.

Доходим до моего дома, набираю комбинацию на приборной панели и почти вбегаю в дом.

– Ты такая нервная из-за того, что не отдыхаешь, – с уве-

ренностью знатока моей личности произносит Дилан.

Никак не комментирую его замечание, прохожу через холл и поднимаюсь на второй этаж. Даже не знаю, на что надеяться. Чтобы мужчина *был* на видео или чтобы его там *не было*.

Дилан поднимается следом за мной и что-то говорит.

– Что? – переспрашиваю я.

– Уже и не помню, когда был в этом доме последний раз.

Обернувшись, смотрю на него. Он остановился на середине лестницы и нахмурившись сверлит взглядом широкий стол. Мы часто проводили за ним время. Дилан помогал мне готовиться к экзаменам по математике. Он не глупый, хотя его поведение доказывает обратное.

– В последний раз ты был здесь, когда мне почти исполнилось пятнадцать, – напоминаю я.

– Точно. Ты тогда начала встречаться с каким-то мудаком.

– Его звали Генри.

– Это не значит, что он не мудака.

Не собираюсь оспаривать данное заявление. Генри потрепал мои подростковые нервы, за это я соглашаюсь с утверждением Дилана.

– Пошли, – прошу я.

Хочу как можно быстрее разобраться с записью. Через несколько десятков секунд я пойму, схожу ли с ума.

К тому же, я не хочу окунаться в воспоминания прошлой жизни.

Вхожу в кабинет папы, придерживаю дверь для Дилана. Лея спит, она даже не перевернулась с момента, как я ушла.

Обхожу стол, нахожу нужную запись и запускаю ее. Выжидаю секунды, а потом показываю Дилану на экран и радостно уверяю:

– Вот он. Видишь?

Дилан косится в мою сторону.

– Чему ты радуешься? – спрашивает он, переключая внимание на экран. – Возле твоего дома ошивается какой-то мужик, а ты счастлива.

Мнусь пару секунд и уточняю:

– Ты ведь его видишь?

– Да.

Протяжно выдыхаю. *Я в себе.* И пока это лучшая новость за этот четверг.

– Не припомню такого на вечеринке, – проговаривает Дилан, вглядываясь в монитор. – Он в шапке? На улице жара.

– В шапке. Ты уверен, что у тебя вчера не было этого человека? – спрашиваю я, пока новые щупальца страха перед незнакомцем не успели опутать меня с ног до головы.

– Да я хрен знает, кто там был, – задумчиво проговаривает Дилан. – Ты вчера так рвалась вызвать копов. Вызывай сейчас.

– У меня что-то со связью. Я пыталась им звонить, – признаюсь я.

Дилан выпрямляется и серьезно спрашивает:

– И как долго этот мужик терся возле двери?

– Больше полутора часов.

Его брови ползут вверх.

– Звони шерифу.

– У меня не работает телефон, – повторяю я и для наглядности достаю сотовый, набираю 911 и ставлю на громкую связь. – Видишь? Даже гудков нет.

Дилан устало проводит ладонью по лицу и тяжело вздыхает.

– Когда возвращается твой отец?

– Примерно через две недели, – отвечаю я.

Это слишком долго. Вообще-то я должна была встретить его в порту, так мы договорились, но если туман не рассеется, то я не доберусь туда на машине. Пешком идти три километра, но с сумками эта прогулка становится утомительной, а на машине нужно ехать кругом.

Зачем я думаю об этом сейчас? Передо мной стоит куда более важная задача – добраться до шерифа. К приезду папы, туман уже спадет. Он не может держаться так долго.

– Пошли, – на удивление серьезно произносит Дилан, оглябая стол.

– Куда? – растерянно спрашиваю я.

– Попробуем дозвониться с моего сотового. Посмотрим, может, мужик все-таки был у меня и до сих пор где-то отсыпается.

Я согласна с этим планом, поэтому безропотно шагаю за

Диланом.

– Ты бы хоть проверял, кого к себе приглашаешь, – советую я, спускаясь по ступеням.

Дилан резко останавливается и оборачивается. Чуть не налетаю на него, но вовремя хватаюсь за перила. Из-за того, что я стою на ступень выше, мы теперь одного роста. Дилан пронзительно смотрит мне в глаза и серьезно говорит:

– Не лезь в мою жизнь. Я не просил твоих советов.

Чего злиться то? Совет дельный.

Поднимаю руки ладонями вперед и тут же сдаюсь:

– Без проблем. Таскай к себе домой кого попало, но следи, чтобы они не шастали по моей территории.

– Еще не доказано, что этот чувак вообще был у меня дома, – злится Дилан.

– Шериф разберется, – обещаю я.

Смотрим друг на друга вообще не дружескими взглядами. Какого черта мы ссоримся? В данный момент, Дилан единственный знакомый, до которого я могу добраться пешком, и он согласился помочь. Так зачем я вывожу его из себя? Нельзя так. Надо бы заткнуться. Поругаюсь с ним как-нибудь потом, когда не буду нуждаться в его помощи.

– Извини, – прошу я, разорвав зрительный контакт.

Дилан ничего не говорит, разворачивается и продолжает спускаться.

Дальнейший путь проходит в полнейшем молчании. И чего он взбесился? Нормальный совет. Дилан совсем не думает

о своей безопасности.

Запираю входную дверь и шагаю по тропинке. Входим в дом соседей и начинаем разглядывать лица спящих на первом этаже. В шапке никого нет, из-за тумана четко лицо было не рассмотреть, но я уверена, что, увидев этого человека вживую, точно узнаю.

– Какого хрена? – громким шепотом спрашивает Дилан. Оборачиваюсь и замираю.

Ну уж нет.

– Ты это видишь? – еле слышно спрашиваю я.

Дилан не может оторвать взгляда от лица рыжеволосой девушки. Она спит на диване, лежа на спине. Все ее лицо, шея, руки, ноги... с ней происходит такая же чертовщина, что я видела сегодня в городе. Будто под кожу подселили каких-то червей. Они ползают, переплетаются и снова расходятся в стороны.

– Дилан, – зову я, когда он протягивает к ней руку. – Не трогай ее.

Парень рядом с ней открывает глаза и невидящим взглядом смотрит на Дилана.

– Дюк, какого хера с твоей девушкой? – спрашивает Дилан не своим голосом.

По лицу Дюка пробегает такая же волна, и он начинает орать на Дилана. Просто орет. Это не слова или понятные звуки. Так бы кричал воин, бегущий в бой и понимающий, что домой не вернется.

– Дюк, придурок, заткнись, – ошарашенно просит Дилан, но уже поздно.

Все начинают просыпаться.

На чье лицо я бы не посмотрела, везде вижу одно и то же. Отрешенный взгляд и проблемы под кожей.

Тело будто онемело. Желание бежать не в силах перебороть страх быть пойманной. Дилан пятится к стене, а гости надвигаются на него. Два парня слева от меня набрасываются друг на друга и начинают драться.

Агрессия. Если бы у нее был облик, то она выглядела бы именно так. Все злые и опасные, но они проходят мимо меня и надвигаются на Дилана.

– Замри! – кричу я, не успев осознать, что делаю.

Все, как один, поворачиваются ко мне.

– Беги! – во все горло орет Дилан.

Резко дергаюсь вправо, все бросаются туда, но я уже бегу налево, в сторону двери.

– Назад! – голос Дилана бьет по перепонкам.

Я уже и сама вижу, что у выхода четверо, один из них в гавайской рубашке. Еще недавно он дружелюбно спал, а теперь... Дьявол!

Не помня себя от ужаса, бросаюсь к лестнице, кто-то ловит меня за лодыжку и я со всего маху падаю на ступени. Успеваю подставить руки и не расшибиться.

– Отвали от нее! – рычит Дилан, и чужие пальцы разжимаются.

Поднимаюсь и еще будучи на четвереньках начинаю бежать наверх. Вытягиваюсь во весь рост и чувствую, как кто-то хватает меня за предплечье.

Вздрагиваю и дергаю рукой.

– Это я, – полным ужаса голосом говорит Дилан, грубо затаскивает меня в свою комнату и запирает дверь.

В нее сразу же врзаются. Обезумевшие люди барабанят по дереву, желая разорвать его на куски.

– Какого черта происходит? – запыхавшись, спрашивает Дилан.

Не могу ответить ему, ведь сама не знаю, что творится, но я знаю точно, в его комнате мы не в безопасности.

– Дилан, – в ужасе шепчу я.

Страх дикий и удушающий.

Никогда в жизни такого не испытывала.

Дилан запирает дверь на засов и, обернувшись, встречается с пустым взглядом девушки, которая оставалась в его постели.

– Твою ж мать, – еле слышно ругается он и тут же добавляет едва слышно: – В ванную. На счет три.

– Один, – шепчу я, и девушка наклоняет голову набок.

– Два, – отсчитывает Дилан, и девушка делает первый шаг в нашу сторону.

– Три, – хором выдыхаем мы.

Девушка бросается к нам, но нам удастся, обогнуть ее по касательной и скрыться в ванной комнате.

Глава 4

Гости Дилана шумят недолго. В один момент тарабарщина по двери комнаты стихает. Следом успокаивается и Возможная Ронда. Какое-то время мы молча стоим у двери, боясь, что ее вскроют и до нас доберутся сошедшие с ума люди.

Кажется, они потеряли к нам интерес. Почему? Неизвестно. *Нам вообще ничего неизвестно.*

Ужас от произошедшего постепенно сходит, но не улечивается окончательно. Все органы чувств настроены на максимум, адреналин продолжает бежать по венам, но его скорость снизилась, на плечи навалилась усталость.

Сажу на полу в ванной и выслушиваю затяжное сольное выступление Дилана. Он уже минут десять говорит, не умолкая. Все, что потоком вытекает из его рта... я уже думала об этом. Думала настолько основательно, что решила, – я сошла с ума. Но это не так. Мир рехнулся, а мы остались в себе.

Дилан задал как минимум сотню вопросов, а у меня ни на один нет ответа. Если разобраться, то он не спрашивал лично у меня, посылал запросы куда-то в космос. И я вместе с ним надеюсь, что мы когда-нибудь получим хотя бы один ответ. Что стало с людьми? Что в городе, что в доме соседа... Почему они так изменились и когда это закончится? Люди опасны – это мы поняли, но принять такое сложно. Живя бок о бок с сотнями, а то и тысячами людей, я осознавала,

что среди них есть те, кто несет опасность. А теперь они *все* такие. Что сделать, чтобы не уподобиться им? Не хочу терять связь с реальностью, даже когда она настолько поганая.

Дилан прошел несколько стадий осознания происходящего. Верны они или нет, покажет только время.

Сначала он был в диком негодовании от поведения своих гостей.

Потом в ужасе от их агрессии.

А теперь настала стадия принятия. Он пытается разобраться в том, что с ними произошло.

– Ты же это видела, – говорит он присев передо мной на колено.

Открываю глаза и смотрю на Дилана. Он в растерянности. В большей, чем я. Как бы это не звучало, но я ожидала чего-то ужасного. После поездки в город что-то внутри меня понимало – все изменилось. Что именно, почему и как? Я не знаю, но могу только надеяться, что когда-то все вернется на круги своя.

– Что именно? – уточняю я, вглядываясь в голубые глаза. До этого дня я не видела, чтобы Дилан чего-то боялся.

– Они как будто взбесились. Зачем они побежали за нами? А что за звуки они издают? – тараторит он.

Дилан открывает рот, чтобы закидать меня еще уймой вопросов, но я перебиваю его:

– Можешь не спрашивать. Я не знаю.

– Но ты все это видела, – давит он.

Как же я его понимаю. Мне тоже нужно было понять, что я не одна вижу то, чего не может быть.

– Видела, – подтверждаю я.

Дилан нервно проводит рукой по и без этого взлохмаченным темным волосам.

– У меня телефон в спальне, – говорит он. – Надо его взять и вызвать копов.

– Дилан, я думаю, что мы никому не дозвонимся.

– А ты так не думай, – приказывает он.

Дилан снова встает и начинает ходить туда-обратно. Удивительно, но это не действует на нервы, а наоборот, успокаивает. Если Дилан задается теми же вопросами, что кружат у меня в голове, значит мы не сошли с ума. Просто наш мозг привык все анализировать, и когда подвернулся момент, где никакие аналитические способности не в силах разобраться, то мы впадаем в истерику.

Мне нужно дождаться, когда истерика Дилана сойдет на нет, и мы сможем найти выход хотя бы из этой ванной.

Тетя дома одна. Я не видела ни одного рабочего, поэтому обязана вернуться домой и быть с ней рядом. Но я ни за что не выйду отсюда, пока по ту сторону двери шастает Возможная Ронда.

На разговор сам с собой Дилан тратит еще около двадцати минут. Когда поток слов и мыслей иссякает, он садится напротив меня и молча смотрит на свои руки. Он разглядывает их так, как я разглядывала себя.

– На тебе их нет, – говорю я, тем самым привлекая внимание соседа.

– Ты вчера сказала, что если сегодня настанет конец света...

– Я это *сегодня* сказала.

– Да какая разница, – отмахивается он. – Ты знала, что что-то будет?

– Нет. Если бы знала, то свалила бы с острова еще вчера.

Дилан кивает и снова погружается в мысли.

– А что если кроме нас не осталось адекватных? – спрашивает он. – Может, это какое-то массовое отравление?

Еще несколько часов назад в моей вселенной Дилан тоже не был причислен к адекватным, но на фоне остальных, я готова принять, – он самый здравомыслящий человек за сегодняшний день.

Рассказываю ему, что видела в городе. И с каждым новым предложением лицо Дилана становится только бледнее.

– Твою ж мать, – выдает он, снова взлохматив шевелюру. – Что нам делать?

– Не знаю. Я хочу добраться до шерифа. Но сначала мне нужно выйти из твоего дома и вернуться к себе, – устало проговариваю я.

– Лея. Она в себе вообще? – интересуется Дилан.

– Нет, но не в таком смысле, как твои друзья.

– Мне же их теперь не выгнать, – рассуждает он. – Отец взбесится. Мать будет волосы на голове рвать. Скорее всего

на моей.

– А что если они не вернуться? – спрашиваю я, чувствуя при этом неподдельную тоску.

– Не будь пессимисткой.

– Я реалистка.

К сожалению.

– И ей тоже не будь.

Какое-то время Дилан молчит, а потом резко поднимается на ноги и начинает раздеваться, с остервенением срывая с себя одежду.

– Что ты делаешь? – потеряв ладонями лицо, спрашиваю я.

– Я должен знать, что на мне этой хрени точно нет, – отвечает он резче, чем следовало бы.

Отвожу взгляд в сторону, но он периодически возвращается к Дилану, который достаточно быстро остается в одних плавках. Я ведь тоже должна знать, что он не заразный.

– Посмотри сзади, – просит он и разворачивается ко мне спиной.

– Ничего нет.

Дилан кивает и начинает одеваться.

– Теперь ты, – приказывает он.

– Я не буду перед тобой раздеваться.

– Я же разделся.

– Так я тебя об этом не просила. Кроме кожи у всех странных, – на последнем слове показываю кавычки, – еще и

взгляд странный. Ты видел? Они как будто сквозь нас смотрели.

– Видел. Я если честно, охренел.

– Понимаю. Дилан, мне надо как-то вернуться домой.

Жду его возражений, ведь не будь Леи дома, я бы не вышла из ванной, но Дилан кивает и предлагает:

– Давай сначала попробуем позвонить в участок, а потом я как-нибудь верну тебя домой.

– Мы не дозвонимся. Сегодня с самого утра что-то со связью и интернетом. Даже радио не работает.

– Я должен попробовать, – спокойно говорит он. – А потом отправлю тебя к Лее.

– У тебя там Возможная Ронда в спальне, – напоминаю я.

– Пойдем со мной. В этом доме опасно.

– Ладно, пойдем к тебе. Я отказываюсь дружить с ними, пока не придут в себя.

Не будь ситуация настолько плачевной, я бы улыбнулась его словам. Мне всегда нравился юмор Дилана. Он мог расшевелить меня, особо не прилагая никаких усилий. Как давно все это было...

– А что с Рондой будем делать? – спрашиваю я.

– Мы заманим ее сюда, а сами смотаемся в спальню, – медленно проговаривает Дилан. – *Ты* будешь приманкой.

– Нет, – тут же отрезаю я.

– Ладно, – сдается он. – *Я* буду приманкой. Встану напротив двери, ты ее откроешь и спрячешься сбоку, как только

Возможная Ронда забежит сюда, ты выбежишь из ванной и будешь ждать, когда выбегу я, а потом закроешь дверь.

– Договорились, – моментально отзываюсь я.

Мы разговариваем так быстро и толком не обдумав перспективы нашего решения, чтобы не было соблазна передумать и опустить руки. Сдаться и остаться в ванной, пока кто-нибудь из обезумевших не ворвется к нам. А если они поймут кого-то из нас? Что тогда сделают? Они настолько агрессивны, что дружеской беседы я даже не жду.

– Только дождись, когда я выйду, не оставляй меня с ней.

Не припомню, чтобы Дилан когда-то отказывался от женского общества. Должен был настать конец света, чтобы он начал фильтровать девушек для своей кровати.

Подхожу к двери, Дилан хватает меня за пальцы и сжимает их.

– Не захлопни дверь, пока я внутри, – повторяет он, гипнотизируя меня взглядом. – Иначе я тебе жизни не дам. Буду ходить вокруг твоего дома, пока...

– Я не оставлю тебя здесь. Не паникуй, – прошу я.

– Я бы не паниковал, если бы приманкой была ты, – признается он.

– Ха, конечно, чтобы ты меня здесь запер?

– Я бы тебя не оставил, – слишком серьезно говорит он.

Становится некомфортно в собственном теле. Забираю пальцы из его захвата и обещаю:

– Я дождусь, когда ты выбежишь.

Еще один кивок. Менее уверенный, чем был до этого. В момент, когда я касаюсь дверной ручки, понимаю, что ни за что не запру его вместе с Возможной Рондой. Что если мы с ним, действительно последние, у кого под кожей не завелись паразиты?

– Готов? – спрашиваю я.

– Нет, но открывай.

Распахиваю дверь и вжимаюсь спиной в стену. Не проходит и секунды, как в ванную врывается девушка. Я тут же выбегаю и встаю рядом с выходом. Дилан чуть не сбивает меня с ног, и сам захлопывает дверь.

– Держи ее, – приказывает он. – Я за телефоном.

Со стороны коридора разносятся звуки, но я даже не буду пытаться понять их происхождение. Главное, что они больше не долбят в дверь, в отличие от девушки в ванной. Она врывается в деревянное полотно с такой силой, что меня откидывает в сторону, но я снова прижимаюсь к нему, давя всем весом и в панике прошу:

– Давай быстрее.

Дилан уже держит в руках телефон, через удар сердца подносит его к уху. Смотрим друг на друга. Надежда, озарившая его лицо, пропадает.

– Гудков нет, – понимаю я.

Он отрицательно качает головой.

Черт!

– Мне нужно домой, – напоминаю я.

– Выбирай. Дверь или окно?

За окном козырек, так же, как и у меня. На него я вылезу, а потом постараюсь не убиться, пока буду спускаться по дереву, растущему рядом.

– Ни за что не выйду в эту дверь, – признаюсь я.

Дилан убирает телефон в задний карман и подходит к окну, открывает его.

– Я буду держать дверь ванной, а ты иди.

Отхожу от полотна, только когда Дилан заменяет меня, и уже возле окна, оборачиваюсь.

– А ты? – спрашиваю я.

– Что-нибудь придумаю, – отмахивается Дилан и отводит взгляд в сторону.

Какого черта?

– Ты можешь пойти со мной, – предлагаю я. – Вообще-то мы так и собирались сделать.

То же самое я говорила ему, будучи маленькой девочкой. В день моего рождения Дилан ничего мне не ответил, а сейчас лишь печально улыбнулся.

– Иди к Лее. Ты ей нужна.

А ты мне нужен. Мы ведь должны держаться вместе. Нельзя разделяться.

Но я не говорю ничего из этого. Выбираюсь на козырек и оборачиваюсь.

– Пойдем со мной, – прошу я.

Даже я отчетливо слышу умоляющие нотки в своем голо-

се.

Он молчит.

– Дилан, мне страшно, – признаюсь я.

Он шумно выдыхает.

– Не надо *меня* жалеть, – говорит он.

– Я *себя* жалею, – парирую я.

– Иди уже, – чуть ли не рычит он.

– Пообещай, что придешь, – настаиваю я.

– Нет.

Да что случилось? Он ведь согласился пойти со мной.

Ничего не понимаю, но и медлить больше нельзя. Лея уже могла проснуться и наделать бед.

– Пообещай, что не станешь таким же, как они, – прошу я.

Не сразу понимаю, что на глаза наворачиваются слезы.

Дилан поворачивается ко мне, смыкает челюсти так, что я вижу, как ходят желваки.

– Октавия, – четко проговаривает он, – убирайся из моего дома.

Да и пошел ты, никогда в жизни больше не буду за тебя переживать.

Ухожу через окно, удачно спускаюсь по дереву, без оглядки бегу сквозь туман под грохот испуганного сердца. Не с первого раза набираю код и запираюсь внутри.

Глава 5

Двое суток нахожусь в добровольной изоляции.

Лея уже раз десять приглашала меня на прогулку, но я напроць отказываюсь покинуть безопасные стены. Нахожу ей занятие в доме, стараюсь казаться беспечной и расслабленной, хотя внутри царствует и процветает страх.

Не знаю, как называется фобия, которая описывает боязнь выходить из дома, но она у меня развилась за считанные часы. Да что говорить, даже внутри стен, которые знаю практически с самого рождения, я не чувствую себя в безопасности. Переходя из одной комнаты в другую, я, как параноик, ищу обезумевших людей. Хотя знаю, посторонних нет и быть не может. Из-за состояния Леи все окна в доме пуленепробиваемые. Их невозможно разбить и пробраться внутрь или выбраться наружу. Обе двери на сенсорном управлении, которое посоревнуется в надежности с банковским хранилищем.

Несмотря на все это, мне перманентно страшно.

Периодически просматриваю камеры, дважды видела на записях незнакомых людей. Один из них бесцельно ходил по газону. Второй бил дуб, который растет у окна моей комнаты. Кто они такие и зачем это делали – тайна, о которой я бы предпочла не думать, но это невозможно. Каждая мысль, даже самая бытовая, приводит меня к вопросу – *что, черт возьми, происходит?*

Связь так и не появилась, но я каждый час пытаюсь позвонить папе, шерифу и Дилану. Он так и не пришел... Я уже голову сломала, пытаюсь понять, почему он резко изменил решение и остался в своем доме? Решил выгнать сумасшедших гостей? Не думаю, что у него это получится. Или подумал, что будет должен мне, если переждет странности на моей территории?

Как же я на него зла.

Переживания за Дилана не дают спокойно спать, есть, дышать.

Неужели он стал одним из них?

Я даже не знаю, как называть людей, которые пытались меня схватить. Мозг настолько перегружен, что я не могу придумать им какое-то определение.

Ни один из рабочих папы не пришел на работу. Никто не подходил ко входной двери, никто не заходил в гостевой домик.

Иногда мне кажется, что мы с Леей последние люди.

Проклятый туман никуда не делся. Не знаю, возможно ли такое, чтобы туман держался так долго? Пошли уже четвертые сутки, а он даже не собирается рассеиваться. Из-за него я не могу просмотреть весь участок. Не знаю, что происходит на границе, камера не настолько хороша, чтобы пробить эту толщу мглы и показать мне полную картину.

В который раз подхожу к двери и смотрю в серость. Как мне узнать, что Дилан в порядке?

Я могла бы попробовать добежать до его дома и пробраться на второй этаж через окно, через которое сбежала от Возможной Ронды. Но я настолько боюсь выходить из дома, что даже от одной мысли встретить гостей Дилана, становится дурно, а голова идет кругом.

– Все готово, – радостно нараспев протягивает Лея.

Нахмурившись, оборачиваюсь и шагаю на кухню, оттуда прозвучал голос тети.

Вхожу и замираю.

Лея достала из холодильника все, что было можно и накрыла на стол. С утра я готовила пасту, сейчас ее остатки лежат на тарелках с широкими краями.

Осознание сваливает меня с ног.

Мне *придется* выйти.

Продукты рано или поздно закончатся.

– Черт, – выдыхаю я и быстрым шагом иду к холодильнику.

Распахиваю его и просматриваю полупустые полки. В основном тут фрукты, овощи и зелень. На этом долго не протянешь. Мы что, вообще не покупаем консервированную пищу? Она бы сейчас очень пригодилась. Сроки хранения авокадо и консервированного ананаса колоссально разные.

Экономка закупала продукты каждый день со смерти мамы, но вот трое суток ее духа тут не было.

Ближайший продуктовый магазин на окраине города. Работает ли он? Кто-нибудь на острове вообще работает? Ведь

проблемы со связью никто не исправил, а это сделали бы в первую очередь. В наше время без связи невозможно существовать. Еще ладно бы просто не было сети, но невозможность дозвониться до экстренных служб – это конец цивилизации. Никто не может вызвать скорую, полицию или пожарных. Люди предоставлены сами себе.

Какое счастье, что мой дом на окраине. Здесь намного меньше людей, а значит и опасность ниже, чем в центре.

Проверяю морозильную камеру и благодарю экономку, что она закупила мясо. Этим мы сможем питаться несколько дней, а потом... нет. Не буду сейчас об этом думать. Морозный ужас пробегает по коже и скапливается в тугой узел в районе груди.

– Ну же, Октавия, присаживайся, – просит Лея, выжидательно смотря на меня со своего места за столом.

Закрываю морозильник и устраиваюсь напротив тети. Голова гудит. Надо найти обезболивающее. Я не вывожу нескончаемый поток мыслей.

Этот прием пищи я не пропускаю, ведь осознание необходимости питаться дошло до меня только сейчас. Мне нужны силы, чтобы дождаться приезда папы.

– Надо полить розы, – говорит Лея.

– Не переживай, за ними присматривают садовники, – лгу я и выдавливаю улыбку.

Настроение Леи вмиг портится. Плечи поникают, а взгляд становится рассеянным. Она нехотя ковыряет вилкой в пасте

и говорит:

– Я хочу погулять, дома невыносимо.

Двухэтажный дом, в котором есть бассейн, бильярдная и кинотеатр не может быть невыносимым.

– Можем посмотреть сегодня фильм, – предлагаю я, лишь бы увести мысли собеседницы от цветов и прогулок.

Лицо Леи тут же озаряется счастьем, я даже знаю, какой фильм она выберет. Мы снова будем смотреть, как бедолага из низшего класса спасает задницу дамы из высшего, а потом замерзает и кинематографично уходит ко дну.

– Знаешь, что мы будем смотреть? – спрашивает она, заговорчески прищуриваясь.

– А ну? – подыгрываю я.

Расплывшись в улыбке, Лея протягивает:

– Титаник.

– Разумеется.

Я видела историю Розы столько раз, что смогу пересказать фильм вместе с титрами, но если просмотр успокоит Лею хотя бы на пару часов, то я всеми руками за.

– Попкорн возьмем, – рассуждает она, поглощая салат.

– Конечно, – киваю я.

Надеюсь, она забудет про прогулку на ближайшие сутки. Теряюсь, что я могу еще предложить ей, чтобы отвлечь от ужасов, творящихся за дверью нашего дома. А что если люди никогда не придут в норму? Как следует поступить в этом случае? Придется рассказать и показать Лее, что мир стал

опаснее и страшнее. Ее психика этого не выдержит. Моя точно не справляется.

Доедаю под несмолкаемое щебетание Леи, слушаю вполуха, пытаюсь разложить будущие дела в пирамиду. Самое важное – добраться до продуктового. Но, чтобы сделать это, нужно заехать на заправку и залить полный бак, иначе на обратную дорогу мне может не хватить. От этих мыслей ком в груди только увеличивается. У меня никогда не было панических атак, но чувю, что уже стою на краю бездны, которая вот-вот утащит меня в свои колючие объятия.

Поездку к шерифу откладываю до лучших времен. С нетерпением жду их. Я больше никогда не буду относиться к стандартным дням с пренебрежением. Буду ценить каждый прожитый в спокойствии миг, будто он в любой момент может стать последним.

Убравшись на кухне, достаю попкорн и готовлю его в микроволновке. Лея уже ушла в кинозал и скорее всего включила фильм без меня. Беру тарелку и отправляюсь на второй этаж, закидываю на плечо плед и спускаюсь в подвал – именно здесь находятся развлечения.

Как я и думала, Лея включила фильм. Леонардо Ди Каприо как раз бежит на отплывающий титаник. Роль Джека сделала его знаменитым. Этот фильм прямое доказательство, что хэппи энд не всегда возможен.

– Зря это ты, – говорю я.

– Что? – переспрашивает Лея, протягивая руки.

– Ничего, мысли вслух.

Отдаю ей тарелку и сажусь рядом. Укрываю нас пледом и стараюсь раствориться в фильме.

Как бы громко мы не включили звук, в доме его не слышно, значит и на улице никто не поймет, что мы внутри.

Вырубаясь на середине фильма. Мне снится, как я тону в ледяной воде и где-то в недрах океана вижу машину, в ней сидит женщина и кричит, она пытается выбраться из транспорта, но ей мешает ремень безопасности. Схожесть с ситуацией в центре острова выталкивает меня из сна. Открываю глаза и упираюсь взглядом в темный экран.

Титры уже прошли.

Как долго я спала?

Потягиваясь, сладко мурчу от растяжки затекших мышц. Но стоит мне повернуться, как пелена сонного состояния вмиг испаряется.

Место рядом пустует. Тарелка в окружении рассыпанного попкорна валяется у моих ног.

– Лея?! – кричу я, но никто не отзывается.

Скидываю плед, вскакиваю с места и выбегаю из кинотеатра. В панике просматриваю окружающее пространство, но ни следа пребывания Леи не вижу. Бегом поднимаюсь на первый этаж. Зову тетю, но она не раскрывает своего местоположения.

Страх за нее прошибает потом.

Со всех ног несусь ко входной двери, вдруг я забыла ее

запереть, или Лея подсмотрела код и решила все-таки пойти полить розы? *Только не на улицу.*

Пожалуйста.

Я настолько боюсь выходить, что не уверена, отправлюсь ли я за тетей, если она за пределами дома. На душе становится погано, но ужас сильнее меня. В нашем срощемся тандеме руководит моими действиями ни что иное, как страх.

– Лея! – ору я.

Тетя сидит в холле у двери и грустно смотрит наружу.

– Так до нас никакие письма не дойдут, – говорит она и касается ладонью стекла.

Оседаю на пол, хватаясь за сердце.

Счастье оттого, что она дома, окрыляет и изгоняет ужас из сердца.

– Лея, не пугай меня так больше, – прошу я, хотя знаю, это не поможет.

– Письма, – повторяет она и оборачивается ко мне.

В момент, когда тетя отворачивается от стекла, за ним образуется женская фигура.

Боже мой...

– Лея, пойдем в комнату, – шепотом прошу я, не отводя взгляда от девушки.

Я ее узнала. Рыжие волосы, все тот же купальник и странное движение под кожей.

Она медленно подходит к стеклу и упирается в него всем телом. Продолжает идти на месте. Я же увожу Лею, и стара-

уюсь сделать так, чтобы она не увидела незваную гостью.

Ничего не изменилось. Люди не пришли в себя.

Пустой взгляд... он уже снился мне и будет преследовать целую вечность.

Завожу Лею в комнату и слежу, чтобы она выпила таблетки. Тетя уходит в душ, а я бегом возвращаюсь вниз.

У двери никого нет.

Проверяю на приборной панели, все заперто. И передняя и задняя дверь. Но даже данные, которым я верила всю жизнь не успокаивают. Бегу в папин кабинет и включаю ноутбук. Перематываю запись с видеокамеры и резко нажимаю на паузу. До того, как пришла рыжая, к двери уже подходили. Всем телом подаюсь вперед и нажимаю на плей.

– Дилан?

Он подходит к двери и наклоняется, что-то делает, а потом выпрямляется в полный рост и смотрит в камеру. Вглядываюсь в его лицо.

– Не изменился.

Он указывает вниз и нажимает на кнопку звонка. Мы его не слышали из-за фильма. Дилан резко поворачивается и убегает в сторону своего дома.

Прячу лицо в ладонях и пытаюсь взять себя в руки.

Все хорошо.

Лея дома.

Дилан не изменился.

Мы в безопасности.

Пару минут сижу уткнувшись в ладони и зажмурившись до мерцающих бликов. Дышу медленно, постепенно ослабляя веки.

После перерыва от стресса, подхожу к окну и ничего там не вижу. Мгла да и только.

Дилан все-таки приходил, но я не пустила его.

Что он там показывал? Что-то оставил рядом с дверью!

Бегу на первый этаж и останавливаюсь у стекла. Сажусь там же, где сидела Лея. Вижу лист бумаги, придавленный камнем.

– Записка? – в неверии спрашиваю я.

Чтобы ее забрать, нужно открыть дверь. Надеюсь, рыжая ушла далеко и не сможет забежать.

Беру минуту на подумать. Мне нужно взять что-нибудь, чем я смогу отбиться в случае, если за стеной тумана кто-то скрывается. Оставить записку за дверь я не могу. Что если там нечто важное? А там точно что-то важное, ведь будь это не так, то Дилан бы не пришел.

Решено.

Я иду за письмом, но только со скалкой в руках.

Бегу на кухню и хватаю средство защиты, несусь к двери и долго вглядываюсь в туман. Там ничего нет.

– Никого там нет, – успокаиваю я себя, но это не помогает. Слова не перекрывают мыслей и образов, что рисует бурная фантазия.

Распахиваю дверь и быстро хватаю записку. Закрываюсь

и дважды перепроверяю надежность замков.

Разворачиваю записку с идиотским названием «Любовное послание» трясущимися пальцами.

«Октавия, включай фонарь над входной дверью в десять часов вечера и в десять утра. Так я буду знать, что у вас все в порядке. Я тоже буду включать фонарь в это время. Если тебе понадобится помощь, то включи его в любое другое время, и я приду. Чудики разошлись по округе. Не выходи из дома. Если что-нибудь будет нужно, напиши и оставь листок под камнем.

Дилан»

Он в себе, это радует.

Бросаю взгляд на часы. Не уходя из холла, дожидаясь десяти часов и врубаю фонарь, который без дела висит над входной дверью. Он достаточно яркий, практически прожектор и вероятно Дилан увидит его из своего дома.

Стоя у двери, замечаю, как сквозь туман пробивается небольшое свечение.

У Дилана все в порядке.

У меня все в порядке.

Мы в порядке. Настолько, насколько это возможно.

Глава 6

Как бы я не пыталась сохранить продукты, как бы не экономила, они неумолимо заканчиваются. Осталось две пачки макарон, три куса уже зачерствевшего хлеба, кукуруза и одна замороженная котлета. Голод уже поселился в моем доме. Я не ем больше необходимого, но не могу лишиться продуктов Лею. Она до сих пор не понимает, что вероятность былой сытой жизни уже стоит за порогом и машет нам рукой на прощание.

Вчера я написала записку Дилану, пошла на наглость и попросила его поехать со мной в магазин. Посещение города я запланировала на сегодня в двенадцать ночи.

Записку Дилан забрал, но ответа так и не принес.

На часах одиннадцать тридцать пять, а я до сих пор не знаю, поеду одна или с ним. Тетю я с собой взять не могу, именно поэтому решила ехать ночью, когда она спит.

Если магазины все-таки работают, то ночью там будет меньше людей. Логично? Более чем.

Если не работают, то придется залезть внутрь несанкционированно? Об этом стараюсь не думать, ведь законопослушный гражданин снова выполз из подвала и пытается напомнить, что после того, как все наладится, мне придется ответить за все правонарушения.

Хочу ли я лишиться свободы на ближайшие несколько лет

из-за кражи хлеба и котлет? Конечно, нет. Но мысль о том, что там меня будут исправно кормить, достаточно привлекательна.

В последний раз поднимаюсь в комнату тети, она мирно спит. Лицо расслабленное. Я же в противовес ее спокойствию, трясусь от страха. Мысленно с самого утра репетирую, как выбегу из дома и сломя голову побегу к машине. Хорошо, что я не загнала ее в гараж, а оставила в десяти метрах от входной двери.

На часах без пяти двенадцать.

Натягиваю кожаную куртку и застегиваю ее под самый подбородок. Отчего-то я решила, что в ней буду чувствовать себя в большей безопасности. Чем меньше кожи открыто, тем безопаснее. Я не знаю, каким способом передается зараза, поэтому лучше перестраховаться. А зараза ли это? Вероятно.

Вместо привычных босоножек, надеваю кроссовки. А вдруг придется бежать? Закидываю на плечо пустой рюкзак. Там, кроме бумажника и документов, ничего нет. Он будет вместо пакета, я сложу туда все, что куплю в магазине. Я даже составила список всего самого необходимого. Подготовилась, как говорится, основательно.

Я предусмотрела все, что только было можно.

Стараюсь мыслить в позитивном ключе. Сегодня именно тот день, когда я смогу понять, все ли в городе странные или нет. Возможно, центр острова все эти дни живет обычную

жизнь, а я схожу с ума от неизвестности.

Через одну минуту будет двенадцать.

Нервозность настолько просочилась в мою жизнь, что я уже и не помню, что означает не бояться.

Беру скалку и сжимаю пальцы так сильно, что ладонь немеет.

Набираю код, и звук щелчка разносится по пустынному холлу. Он вонзается в голову и разлетается по нервам тревожным эхом.

Вглядываюсь в стекло, но за ним ничего не видно. Ночь уже прогнала прочь солнце, но и с ним была та же атмосфера.

Жутко, беспроглядно и одиноко.

Как можно тише выхожу за дверь и закрываю ее. Трясу-щимися пальцами ввожу код и медленно иду к машине.

Прислушиваюсь до боли в висках.

Кажется, что я топаю, как слон, хотя плавно перекаत्याю ноги с пятки на носок.

Сквозь туман прорисовываются очертания машины, и я ускоряюсь. Ничего не могу с собой поделатъ и прибавляю шаг. Кровь пульсирует в висках, а дыхание вырывается прерывистыми свистами.

– Сколько можно ждать? – громким шепотом спрашивает голос из-за мглы.

Боже!

Замахиваюсь скалкой и отступаю назад, только после этого понимаю, голос принадлежит Дилану.

– Ты меня напугал, – еле слышно пишу я.

Он выходит из тумана и скептически смотрит на скалку.

– А это тебе зачем? Решила угостить чудиков пирожками?

– тихо спрашивает Дилан.

Я настолько испугалась, что вообще не понимаю смысл его вопроса и сдавленно отвечаю:

– Для защиты.

Его взгляд сканирует местность за моей спиной.

– Открывай машину, – приказывает он.

Достаю ключ из кармана куртки, нажимаю на кнопку, и фары загораются. За считанные секунды усаживаюсь за руль и так сильно хлопаю дверью, что даже Лея может проснуться от такого грохота.

Дилан садится на пассажирское, аккуратнее моего закрывает дверь, пристегивается и молча смотрит в лобовое окно. Я же во все глаза наблюдаю за ним. Вглядываюсь в профиль и надеюсь, что человек рядом – это не буйство моего воображения, а настоящий Дилан.

Он пришел.

Я не одна пойду на встречу с реальностью происходящего.

– Как Лея? – спрашивает Дилан.

– Спит.

Завожу двигатель и жду, когда машина немного прогреется. Сосед наконец-то отвлекается от созерцания лобового и поворачивается ко мне. На его лице нет ни капли беспечности. Он собран и сосредоточен. Редкое явление.

– Езжай медленно, уведем отсюда как можно больше чудиков, – спокойно проговаривает Дилан.

У меня к соседу куча вопросов, но я предпочитаю не закидывать его ими в эту минуту. Мы рядом с домом и у него есть все основания выйти из машины и оставить меня одну. Отъедем подальше, и тогда я выпытаю ответы. Узнаю, какого черта он не пошел со мной, а остался у себя дома? Почему решил обмениваться записками, когда мог прийти и все обсудить? Удалось ли прогнать гостей? И еще как минимум десять вопросов, на которые я желаю знать ответы.

– Как мы их уведем? – в итоге спрашиваю я.

– Они пойдут на звук и движение машины, – объясняет он. – Мы поедem медленно, а потом ускоримся, чтобы оторваться. Надеюсь, они заблудятся где-нибудь в лесу и перестанут докучать мне.

Докучать? Не знала, что в лексиконе Дилана имеются подобные слова.

Около минуты сидим в молчании. Мотор тихо работает, фары освещают путь настолько, насколько могут.

– Дилан, что происходит? – интересуюсь я, боясь услышать ответ.

Сосед фыркает.

– Ты заказывала конец света? – спрашивает Дилан. – Вот, он, походу, настал.

Думала ли я об этом? Сотни раз. Но гонять мысли по кругу и услышать подобное от другого – это кардинально разные

вещи. Я не хочу конец света. Я еще даже не жила нормально. В том плане, что передо мной был открыт целый мир. Я поступила в колледж и еще даже не определилась со специальностью. Мы с папой и Леей собирались в кругосветное путешествие в следующем году. Я еще не устраивалась на работу, не встречалась с достойным парнем, не... я не жила.

– Этого быть не может, – уверяю я и тут же вспоминаю, как бросила Дилану слова про конец света в разгар злости на него. – И ничего я не заказывала, просто ляпнула.

Мне не нравится, что Дилан даже в предположении и в порядке бреда обвиняет меня.

– Смотри, сейчас они придут, – шепчет он, вглядываясь в туман и совершенно не обращая внимания на мои слова.

Пробегаю взглядом по окнам и кладу руку на рычаг переключения коробки передач. По затылку пробегают мурашки и вязкой волной сползают по позвоночнику.

– Может, мы уже поедem? – спрашиваю я.

– Жди, – приказывает Дилан.

И я почему-то жду. Первая фигура не заставляет себя ждать. Очертания человека появляются в тумане, освещенном фарами. Шумно выдыхаю и готовлюсь дать по газам.

– Жди, – давит Дилан, опустив свою ладонь на мою руку, лежащую на коробке передач.

– Он идет прямо на нас, – пишу я.

– Собыешь его и поедem, – предлагает сосед, не ослабляя хватку на моей руке.

– Никого я не буду сбивать, – протестую я. Законопослушный гражданин удовлетворенно кивает.

Следом за человеком идут еще трое. Итого четверо! Надо ехать! Прямо сейчас! Если их будет больше, они ведь смогут перевернуть машину и что тогда?

– Поехали, – приказывает Дилан и убирает руку.

Сдаю назад, объезжаю людей и выруливаю на дорогу. Скорость небольшая, поэтому какое-то время я наблюдаю в зеркало заднего вида бегущих за нами людей. Страх, окутавший меня у дома, начинает рассеиваться. Узел, сомкнувшийся на горле в момент, ослабевает.

Мы молча едем, постепенно люди отстают. К этому невозможно привыкнуть. Я отказываюсь верить, что все на острове стали такими, как те, что остались позади машины.

Пару раз бросаю на Дилана косые быстрые взгляды. Он смотрит прямо перед собой, не пытается завязать диалог, пошутить.

Задаю вопрос, который мучает меня по сей день.

– Почему ты не пошел со мной? – Голос звучит идеально беспристрастно, хотя, будь все эти дни сосед в моем доме, то я бы не чувствовала себя настолько покинутой и одинокой.

Дилан тяжело вздыхает и спрашивает:

– Тебе правду?

– Разумеется, – тут же отвечаю я.

– Думал, что заразился.

Бросаю на него короткий взгляд и снова упираюсь в окно.

Это то, чего я опасалась.

– Ты знаешь, как они заразились? – аккуратно спрашиваю я.

– Нет, но я посмотрел достаточно сериалов про зомби.

– Они не зомби, – с нажимом говорю я.

– Я бы поспорил. Я, конечно, не видел, чтобы они поедали мозги, но тогда какого хрена они пытались нас схватить? – с каждым последующим словом, голос Дилана становится выше. – Для чего? Могу предположить, что они хотели нас покусать, например. Убить. Или заразить.

– Глупости, – бросаю я, хотя сама думала об этом.

– Помнишь девушку из моей спальни? – неожиданно спрашивает Дилан.

– Какую именно? Всех и не припомнишь.

Он демонстративно закатывает глаза и поясняет:

– Последнюю.

– Помню – Возможная Ронда.

Он кивает.

– Так вот, когда она забежала в ванную, я попытался обещать ее, но она вцепилась мне в руку и поцарапала до крови. Я подумал, что... что мне конец.

Дилан замолкает, и я продолжаю за него:

– Ты не пошел со мной, чтобы не причинить вреда мне и Лее.

Он никак не комментирует это, и я тут же даю себе мысленный подзатыльник. С чего я решила, что он позаботил-

ся в тот момент о нас? Из-за последних слов чувствую себя неловко.

– Ты их выгнал? – спрашиваю я.

– Нет. Я перебрался в сторожку.

Сторожка семьи Дилана это маленький однокомнатный домик на границе участка. Раньше там практически ничего не было, надеюсь, родители Дилана хотя бы поставили туда холодильник.

– Ты давно ел? – серьезно спрашиваю я.

– Вчера, – тут же отвечает он.

– Какой же ты идиот, – злюсь я. – Нет, чтобы прийти к нам, мы бы дали еду...

Дилан перебывает меня:

– У вас ее тоже не особо много. Мне быть в дефиците норм.

– Бесишь.

– Знаю. Хоть какая-то эмоция.

Не понимаю смысла сказанного и решаю прекратить диалог. Но стоит мне замолчать, как Дилан даже не пытается наладить контакт. А чего я ожидала? Ничего. На самом деле мне более чем достаточно того, что он сейчас со мной в машине и ногти Возможной Ронды не заразили его.

– Я наблюдал за ними, – неожиданно говорит Дилан.

Мне даже не приходится просить его рассказать об этом. Он сам начинает делиться полученной информацией, смотря в стекло пустым взглядом:

– Залез через окно в свою комнату и прошел на второй этаж. Не знаю почему, но они все спустились на первый. Кто-то исчез, но несколько чудиков остались. Их поведение не поддается никакой логике. Более странных людей я еще не видел.

Дилан замолкает, я не выдерживаю и спрашиваю:

– Что они делают?

– Да хрен знает. Они то сидят смирно, то могут броситься друг на друга. Видел, как девчонка пыталась есть, но что-то взбесило ее, и она швырнула тарелку в стену, а потом вопила, как ненормальная. Дик, мой знакомый, утонул в бассейне. Он просто упал в воду и даже не попытался выбраться из нее. – Дилан переводит внимание на меня и ждет, когда я брошу на него хотя бы мимолетный взгляд. Я делаю это, наши испуганные глаза успевают запечатлеть страх собеседника и оставить этот момент в памяти навсегда. Дилан продолжает совершенно серьезно. – С их мозгом точно что-то не так. Поэтому я не спешу откинуть мысли про зомби. Может, они и не совсем живые мертвецы, но что-то близкое к этому.

Неужели все это действительно происходит? Остается надеяться, что в городе все нормально, и чудики появились только в доме Дилана.

– Мне жаль Дика, – искренне говорю я.

Сосед лишь отмахивается.

– Все нормально, я привык не привязываться к людям.

В этих словах столько боли, о которой я даже никогда не

думала. Дилан бросил фразу, как будто она ничего не значит, но ведь в этих словах скрыто слишком многое. Он выбирает одиночество, хотя и зовет в свой дом прорву народа. В детстве его часто передавали из семьи в семью и только в соседском доме он нашел пристанище. Раньше он не хотел говорить о прошлом, всегда уводил тему о жизни, что была до острова. А я не настаивала. Сейчас думаю, что зря не надавила на Дилана, может ему стало бы легче?

– Едем на заправку, – говорю я, вернувшись из потемок мыслей о Дилане. Ни к чему это сейчас. У нас есть куда более важная задача.

– Думаешь, работает? – с сомнением спрашивает он.

– Сейчас узнаем, – говорю я, съезжая с шоссе.

Огни заправки достаточно яркие, чтобы я могла нормально подъехать к колонке.

Не глушу мотор, не открываю дверь, даже не заговариваю о том, кто из нас должен покинуть машину и отправиться к зданию, в котором могут быть чудики. Должна признаться, что название, придуманное Диланом, оскорбительно для людей, но более емкого и неагрессивного я бы не подобрала.

– Чего сидишь? Иди, – говорит Дилан.

Резко поворачиваюсь к нему. Этот нахал сидит и улыбается.

– Издеваешься? – спрашиваю я.

– Я пошутил. Вместе пойдем. Если что ты отобьешь меня с помощью кухонного инвентаря, – продолжая улыбаться,

говорит он.

– Не преуменьшай значимость скалки, – прошу я, доставая ее с заднего сиденья.

Дилан театрально кладет руку на грудь в районе сердца и выдает:

– И в мыслях не было. От нее ведь зависит *моя* жизнь.

Закатываю глаза и нахально заявляю:

– У тебя вообще нет оружия.

Дилан лишь улыбается и кивает на здание заправки.

– Пошли.

– погоди минуту, – прошу я.

Какое-то время сидим в полной тишине. Смысл нашего препирательства заключается в том, что нам обоим страшно выходить из машины. Мы старались себя отвлечь и не струсить. Получилось ли? Нет. Мне жутко настолько, что я не могу нормально дышать, кислорода не хватает, а перед глазами начинает плыть. Все вокруг тонет в тумане и выглядит, как картинка из жуткого фильма. Буравлю взглядом здание, до которого побегу со всех ног.

– Минута прошла, – напоминает Дилан и сразу же открывает пассажирскую дверь.

– Стой, – пишу я, но уже поздно.

Отстегиваю ремень безопасности и выбираюсь из салона, опасливо смотря по сторонам. Пальцы сжимают скалку до скрипа.

Никого нет.

Недалеко от выезда припаркована машина, мусорница у входа перевернута. Все вопит о том, что нам здесь делать нечего. Рабочих нет, ведь будь они на месте, то собрали бы мусор и поставили урну на привычное место.

Дилан ожидает меня у входа. Как он там оказался? Телепортировался? Или я так долго выбиралась из машины, что он успел добежать до стеклянной двери?

Приближаюсь к нему очень медленно, хотя изначально собиралась бежать. Озираясь по сторонам, замечаю следы разрухи, не только мусорница перевернута. Старый киоск с газетами валяется на боку, на одной из колонок не вставлен пистолет, лужа бензина растеклась до самого входа в здание заправки. Надеюсь, что никто не будет здесь играть со спичками. Останавливаюсь рядом с Диланом и толкаю его в плечо скалкой:

– Никогда так больше не делай, – зло шепчу я.

Он наклоняется ко мне и говорит в самое ухо:

– Если бы ты просидела в машине еще минуту, то никогда бы оттуда не вышла. – Он замолкает, но не отстраняется и в итоге добавляет. – Трусишка.

Толкаю его и замахиваюсь скалкой. Я не собираюсь его бить, но он-то этого не знает. Обзывать вздумал. Я вот только мысленно себе это позволяю. Козлина.

Он даже глазом не повел от моей замашки. Лишь приподнял брови и со снисхождением посмотрел на скалку. Зря недооценивает этот деревянный предмет. Согласна, бита бы

смотрелась эпичнее, но подобного у меня дома не оказалось.

Дилан толкает дверь, и она поддается. Неужели на заправке кто-то есть? За прилавком никого, между стеллажей только разбросанные товары.

– Дай рюкзак, – просит Дилан.

Черт...

– Он в машине, – шепчу я.

Теперь очередь Дилана закатывать глаза. Он снимает с себя толстовку и связывает рукава таким образом, что она превращается в сумку. Сосед без зазрения совести скидывает туда все, что попадает под руку.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я, недовольная тем, что Дилан даже не потрудился обсудить со мной детали грабежа.

Он замедляется и оборачивается. Проговаривает слова медленно и твердо:

– Не факт, что мы доедем до магазина. Не факт, что он будет открыт. Не факт, что там вообще хоть что-нибудь осталось.

– Ты воруешь, – обвиняю я.

– Получается так.

Он лишь пожимает плечами и продолжает закидывать в импровизированную сумку все, что только видит. Положа руку на сердце, то это не я его обвиняю, а законопослушный гражданин. Не понимаю, когда он успел вылезти из подвала. Я бы сама помогла Дилану закидать в кофту, например, вон то печенье и энергетические батончики, но он и без меня с

этим отлично справляется. Вроде и украла, а вроде и нет.

Я косо смотрю на него и обхожу небольшое помещение заправки.

Со стороны туалета прилетает звук удара. Наши с Диланом взгляды тут же встречаются среди опустевших полок.

Он прикладывает указательный палец к губам. Киваю. И в мыслях не было поднять шум.

Кошусь в сторону уборной. Бряк, подобный первому, повторяется.

Там не человек. Это чудик.

Я настолько в этом уверена, что возможность встретить обычного живого человека даже не посещает разум.

Дилан подходит ко мне, и вот теперь мы оба стоим и смотрим на закрытую дверь.

– Пошли, – говорит он.

– Мы не заправили машину, – напоминаю я.

– О боже, Октавия, неужели ты предлагаешь мне ограбить заправку? – в слишком наигранной манере спрашивает Дилан.

– Не веди себя, как ребенок, – прошу я. – Я оставлю деньги за топливо на прилавке.

Не говорю ему о том, что бумажник в рюкзаке, а рюкзак в машине.

– Эти бумажки уже никому не нужны, – спокойно говорит он и опускает набитую до отказа кофту на пол.

Дилан обходит через прилавок и располагается за кассо-

вым аппаратом. Что-то нажимает, а потом бросает на меня, короткий взгляд.

– Надо будет наполнить канистры, – советует он.

– У меня их нет.

– Вон, на стене висят.

Я уже бросаю попытки уговорить его не грабить заправку. Если это сделаем не мы, то кто-нибудь другой. Верно? Верно. Дилан все делает правильно, он уже перестал цепляться за иллюзию, что вскоре все станет нормальным. И мне пора.

Молча подхожу к стене и снимаю оттуда три красные канистры. Они небольшие, но это хоть что-то.

– Умничка, – бросает Дилан, выходя из-за прилавка. – А теперь пошли.

Он взваливает на себя ношу, и мы идем на выход.

– Да твою ж мать, – шипит Дилан.

– Что там? – спрашиваю я, таща канистры.

– Чудики, – зло отвечает он.

Когда я останавливаюсь возле соседа, моему взору открывается худший сценарий развития событий. У двери стоят два работника заправки. Они не пытаются войти, будто поджидают нас среди мглы и ночных шорохов. Их глаза пусты, как канистры у меня в руках. Но что еще более печально... у машины стоит еще один.

– Что будем делать? – спрашиваю я.

В мыслях прогоняются сценарии. Один за одним. И всегда они заканчиваются печально, нет никакого хэппи энда. Я

не могу остаться на заправке, Лея проснется и будет искать меня. Из дома ей не выбраться. Ее ждет голодная смерть.

– Минуту, – просит Дилан.

Я готова дать ему хоть все десять. Может быть, нам просто нужно подождать, когда чудики сменят локацию? Не будут же они стоять тут вечно? Или будут?

– Нам нужна приманка, – говорит Дилан, поворачиваясь ко мне.

– У тебя неплохо получается, – напоминаю я.

– Я надеялся, что в этот раз ею будешь ты, – серьезно сообщает Дилан.

– С ума сошел? Я не сунусь к ним, – открещиваюсь я, отступая на шаг назад.

Вот сейчас он может называть меня трусихой, я даже не оскорблюсь.

– Тогда мы не заправимся и не уедем отсюда никогда.

– Ты – приманка, – утверждаю я.

– Злюка, – бросает Дилан и снова смотрит через витрину. – Делаем так, я выбегаю и увожу их за собой куда-нибудь туда. Ты считаешь до пятнадцати и тащишь в машину награбленное. Наполняешь бак, канистры и садишься в машину. Только будь любезна, поторопись, я все-таки не бегун.

– А ты? – с нескрываемым страхом спрашиваю я.

– А я буду развлекаться в компании малознакомых людей.

– Привычное для тебя занятие, – говорю я, а в груди нарастает чувство тревоги.

– Есть такое. Когда ты все сделаешь, жми на клаксон что есть силы, – серьезно говорит он.

– Они побегут к машине, – замечаю я.

– Надеюсь на это.

– А как ты забираешься внутрь?

– Это я еще не придумал, – признается Дилан, проведя пятерней по волосам.

– Так не пойдет.

Бряк из туалета снова повторяется. Дилан бросает туда озадаченный взгляд.

– Нет, – отрезаю я. – Мы не будем смотреть, что там.

Его брови медленно ползут вверх.

– Как давно ты перестала подглядывать за всеми подряд? А если серьезно, вдруг там человек? Такой же, как ты и я?

Открываю рот, чтобы ответить, но при этом не знаю, что сказать. Дилан уже сам разбирается с поставленной им дилеммой.

– Да и хрен с ним, пусть сидит. Представим, что у него несварение и мы только помешаем. – Он снова устремляет взгляд на работников. – Теперь надо дожидаться, когда они отойдут от дверей.

Ждем около двадцати минут, но чудики не сдвигаются с места. Они просто там стоят и смотрят в никуда.

– Дилан, – зову я.

Он ходит среди полок и в наглую берет пачку сухариков, открывает ее и садится на пол рядом со мной.

– Слушаю тебя.

– А если они не отойдут? – спрашиваю я, смотря на людей за стеклом.

Хруст и ответ:

– Тогда я побегу сквозь них.

– Это опасно. Мы до сих пор не знаем, заразные ли они, – напоминаю я.

Дилан погружается в размышления и выдает:

– Нам уже известно, что от царапин и секса не заразишься.

Так резко поворачиваюсь к Дилану, что он вздрагивает и тут же спрашивает:

– Что?

– Ты спал с чудиком? – на полном серьезе интересуюсь я.
– *Настолько* не можешь удержаться?

– За кого ты меня принимаешь? Я оскорблен до глубины души. Нет. Возможная Ронда была еще человеком. Да и презервативы никто не отменял. У нас нет информации, насколько давно она была больна.

– У нас и имени-то ее нет, – замечаю я.

– Действительно. Но вот секс с...

– Фу. Прекрати я даже слышать об этом не могу.

– Монашка, – с усмешкой бросает он.

– Ты меня снова раздражаешь, – серьезно сообщаю я и косо поглядываю на скалку. Может, один раз врезать ему? Не сильно. Чисто для профилактики.

– Смирись, – просит Дилан, не подозревая о моих мыслях.

– Ведь кроме меня тебе больше не с кем разговаривать.

– Я уже жалею, что так за тебя переживала, – шепчу я.

Дилан не бросает ответную реплику, и я перевожу на него растерянный взгляд. Никогда в жизни не поверю, что у него закончились слова, пропитанные ядом. Он внимательно смотрит на меня, даже перестал хрустеть сухариками.

– А это приятно, – медленно произносит он.

– Что именно?

– Приятно знать, что за меня кто-то переживает.

Как будто он никогда не чувствовал этого. У него есть родители, которые его любят. У него когда-то была я, но он сам отстранился и перестал со мной общаться. Почему это произошло? Только я собираюсь спросить об этом, как Дилан разрывает зрительный контакт, поднимается и подходит к двери.

– Ну я пошел, – говорит он и распахивает дверь.

Мгновение и он выбегает во мглу. Расталкивает двух чудиков и несется прочь.

Один из чудиков упал, второй только наклонился, но быстро пришел в себя и побежал за Диланом. Тот, что торчал возле машины, тоже рванул за соседом. Упавший так и остался лежать.

Черт...

– Ну же, беги, – прошу я чудика.

Как мне выйти, когда приманка отработала не на все сто процентов? Но и оставаться в здании долго я тоже не могу.

У Дилана рано или поздно кончатся силы. Он ведь не бегун. Вот я сейчас выбегу, и чудик тут же схватит меня... Бросает в холод, мурашки ужаса неустанно носятся по телу.

– Вставай, – молю я, но чудик даже не шевелится.

Может, он уснул? Умер? Впал в спячку? Или понял, что лежа комфортнее выслеживать добычу?

Медлить нельзя. Может, Дилан уже выдохся и...

Заставляю себя поднять награбленное, тяжело. Надеюсь, узлы не развяжутся, и я не растеряю половину добычи по пути к машине. Теперь я полноправный соучастник ограбления заправки. О чем я думаю?

Еще раз вглядываюсь в туман и вижу, как Дилан бежит слева направо, двое чудиков несутся за ним. Скрываются во мгле.

Больше ждать нельзя.

Усмиряю панику, отправляю ее в подвал составить компанию законопослушному гражданину, ведь он сам ушел туда, как только я стала соучастницей Дилана в правонарушения и выбегаю в ночь.

Страх настолько сильно схватил за глотку, что я не могу нормально дышать. Несусь со всех ног. Не слышу ничего, кроме собственного дыхания. Распахиваю заднюю дверь и закидываю награбленное. Закрываю ее и прижимаюсь спиной к машине. Выжидаю пару секунд и вставляю пистолет в бак.

А теперь обратно.

Чудик так и лежит.

– Он ведь притворяется, – сама себе говорю я.

Я в этом уверена. Он даже упал как-то плавно.

– Октавия! Быстрее! – орет Дилан где-то вдалеке.

Он запыхался и это факт.

Бегу к зданию, перепрыгиваю чудика и оказываюсь внутри, хватаю канистры и несусь к колонке. Стараюсь не думать ни о чем, кроме элементарных задач. Бег, правильная перестановка ног, канистры, открыть, наполнить, закрыть. Машину, открыть, закинуть канистры в багажник, закрыть багажник.

Последняя канистра с укором смотрит на меня из-за стекла.

– Октавия!!!

Черт. Плевать на нее.

Сажусь в машину и закрываюсь. Со всей дури жму на клаксон, и звук убивает меня. Сейчас они все сбегутся, а как Дилану забраться в машину? Вот кто воплощает план в жизнь, когда он нихрена не готов? Дилан, кто еще.

Первый врывается в капот, и его тело гнется пополам. Второго не вижу, но третий, тот, что спал у входа в здание, встанет на четвереньки и попытается выпрямиться, но у него плохо получается.

Дверь пассажира начинает трястись, и я взвизгиваю.

Дилан с ошарашенным взглядом долбит по окну. Откры-

ваю ее, и он забирается внутрь.

– Валим отсюда, – запыхавшись говорит он и показывает чудику у капота средний палец. – Выкуси, гандон.

Отъезжаю назад и выруливаю на дорогу к дому.

– Тебя не поцарапали? – спрашиваю я, вцепившись в руль.

– Нет.

– Не укусили? – продолжаю я.

– Нет.

Я как будто немного успокаиваюсь. Кошусь в сторону Дилана и спрашиваю:

– Секса с ними не было?

Он фыркает от смешка, но тут же замечает:

– Не смешно.

– Но ты не ответил, – говорю я и начинаю хохотать, как сумасшедшая.

Меня настолько переполняют эмоции, что я жму на педаль тормоза.

Смех и слезы смешались.

Мне было настолько страшно, что теперь, будучи в машине, организм расслабился и слетел с катушек.

Чувствую, как Дилан обнимает меня за плечо и что-то говорит. Сначала я не понимаю смысла сказанного, а потом, наоборот, вслушиваюсь в шепот и уже сама хватаюсь за его руки, лишь бы он не отпускал.

– Все хорошо. Ты молодец, но в следующий раз, не стой так долго, я ведь устал бежать где-то... через пять минут.

– Прости, – прошу я.

– Все нормально. И не переживай, секса у меня с ними не было.

– Это успокаивает, – всхлипываю я, еще сильнее сжав пальцы в кулаки и скомкав его футболку напрочь.

Он хмыкает и отстраняется.

– Я могу повести, а ты пока успокоишься, – предлагает Дилан.

Отрицательно качая головой. Дилану тоже не помешало бы отдохнуть.

– В магазин сегодня не поедem, – заявляю я, утирая слезы.

– На сегодня с нас достаточно, – соглашается он.

Страгиваемся с места и едем в сторону дома – самого защищенного места на всем проклятом острове.

Глава 7

Когда подъезжаем к моему дому, напряжение, царящее в салоне автомобиля, можно потрогать рукой. Почему я расклеилась именно тогда, когда Дилан находился рядом? Не хочу выглядеть слабой девчонкой, которая не в силах совладать со своими эмоциями. Мне неприятно показывать свою слабость перед посторонними, но в момент, когда нам удалось отъехать от заправки, я не сдержалась. Поезд с вагонами, набитыми до отказа страхом, облегчением, паникой и осознанием реальности, снес меня на полном ходу.

Дилан обнимал меня и успокаивал, как это было в старые добрые времена. В те времена, когда я не считала его посторонним.

Сегодня мне это было необходимо, и я позволила побыть себе маленькой девочкой, которой жизненно важен человек рядом.

Дилан достает себе несколько упаковок печенья, остальное оставляет, в том числе и кофту, в которой хранится награбленное. Я прошу его пойти ко мне, но он отказывается, ссылаясь на какие-то дела. Какие могут быть дела? Мы только что пережили невообразимое, нам нужна передышка.

Я не настаиваю. Мне нужно время вдали от него, я должна успокоиться в одиночестве.

Дилан помогает мне дотащить не самые полезные продук-

ты до двери и ждет, когда я скроюсь внутри. Затаскивает носу и тут же идет на выход.

– Не забывай про фонарь, – напоминает он.

Дилан не смотрит на меня. Оба избегаем взглядов, которые сейчас неуместны. Я сбила его с толку своей истерикой?

– И ты не забывай, – прошу я.

Дилан останавливается у двери и смотрит сквозь стекло. Наблюдаю за его сосредоточенным лицом. Он уже давно не тот мальчишка, которого я знала. Молодой мужчина, способный лучше моего разобраться в душевных перипетиях. Проходит около минуты. Дилан поворачивается и наши взгляды встречаются. Стоит только попасть в плен голубых, как воды лагуны глаз, уже невозможно отвернуться. Дилан серьезно говорит:

– Как раньше уже не будет.

Озноб проползает по коже.

– Надеюсь, ты ошибаешься, – искренне на это надеясь, произношу я.

И я даже не до конца понимаю о невозвратности чего мы говорим. О былой жизни или о нашей дружбе. Где-то внутри я надеюсь, что все из этого можно возродить.

Он пожимает плечами. На лице отпечаток усталости, который невозможно скрыть даже за его очаровательным фасадом.

– Предполагаю, что что-то случилось именно на острове и нас отрезали от всего мира. Связи нет, нет никаких военных.

Никто не пытается спасти нас, – безэмоционально перечисляет Дилан.

– Может быть, и пытаются, но мы об этом не знаем, – предполагаю я.

Он отрицательно качает головой.

– Нет. Нас оставили здесь умирать. Никто не придет.

В груди ком. Он поднимается к горлу и недвижимо встает, не пропускает кислород. Хватаюсь за шею и разминаю ее, будто это поможет.

– Не говори так, – прошу я.

Дилан подходит ко мне и останавливается на расстоянии полушага. Он внимательно вглядывается в мое лицо, становится неловко и жутко. Зачем он так смотрит?

– Чем быстрее мы примем реальность, что все плохо, тем дольше проживем, – проговаривает он и, будто стесняясь, подносит пальцы к моей щеке. Дилан не касается меня, но я чувствую еле заметное покалывание на лице.

Я не верю, что папа оставит здесь меня и Лею. Он бы никогда так не поступил. В назначенный день я пойду на причал и буду ждать его там, вместе с другими людьми, которые придут на судне.

Мне так страшно.

Слова Дилана пугают, не хочу верить что нас оставили тут умирать. Я не хочу умирать.

По рукам пробегает озноб. Обхватываю себя, стараясь унять дрожь.

– Останься, – прошу я.

Дилан тут же разрывает зрительный контакт, опускает руку и разворачивается.

– Не могу, – бросает он. – Я же сказал, у меня дела.

На место открытому парню, снова приходит язвительная заноза. В одно мгновение меняется его походка, манера разговора и выражение лица.

– Какие? – спрашиваю я, мысленно давая себе подзатыльник за просьбу.

– Мальчишечьи.

У меня нет сил даже закатить глаза. Я настолько вымотана, что больше не докапываюсь до него.

Подхожу и открываю дверь. Дилан выходит наружу, не прощается, не смотрит на меня, делает несколько шагов и растворяется в тумане.

Запираюсь и тащу кофту прямо по полу. Оказавшись на кухне, развязываю узел и распахиваю все по полкам высокого шкафа. Ничего из полезного мы не взяли, но на этом можно будет продержаться несколько дней.

Неужели Дилан прав, и теперь наша жизнь будет идти бок о бок с опасностью, о которой мы ничего не знаем? А как же власти нашей страны? Они не могут бросить весь остров на произвол судьбы. Несколько тысяч человек... Это слишком много, чтобы заставить людей на материке позабыть и оставить все как есть.

Рано или поздно кто-то должен приплыть или прилететь

сюда. Нас обязательно найдут. Другого быть не может.

Или может?

Я привыкла к нормальной жизни. Я бы даже сказала, что воспринимала хорошую жизнь, как нечто само собой разумеющиеся. Папа всю жизнь работал, чтобы добиться успехов и обеспечить маму, меня и Лею всем необходимым. И ему это удалось, я никогда не чувствовала лишений. Я не нагнала и не просила невозможного, но знала, что в любой момент могу это сделать и получить желаемое. У меня никогда не было безумно дорогой одежды, я в ней не видела того уровня эндорфинов, которые получают модницы. Когда мне было шестнадцать, папа повез меня в автосалон, чтобы я выбрала машину. Это был его подарок на день рождения. Он сказал, что я могу взять любую, и я выбрала, уже бывший в пользовании крузак. Я не думала о красоте и статусе машины. Я рассуждала о том, как буду возить Лею в цветочный и куда мне складывать купленную землю, горшки и удобрения.

Но я знала, что могу себе позволить гораздо большее. И это знание делало жизнь проще и лучше. Я никогда не заботилась о еде, одежде, отдыхе. У меня все было.

А теперь этого не стало.

Если Дилан прав в своем утверждении, то деньги папы больше ничего не стоят. Что делать? Как добывать то, что необходимо для жизни? Обмен? Воровство?

Но с кем я могу чем-то обменяться? С момента прихода тумана я не видела людей, способных мыслить здраво. Толь-

ко Дилан.

С приходом тумана...

А что если это все туман виноват? Что если в нем есть что-то, поражающее мозг? Нет, не может этого быть. Ведь, в противном случае, и я, и Лея, и Дилан стали бы такими же.

Иду в прачечную и закидываю кофту Дилана в стиральную машинку. Заглядываю к Лее и какое-то время смотрю на нее.

– Что мне с тобой делать? – еле слышно спрашиваю я.

Как мне защитить Лею? Единственный выход, который я вижу сейчас, – никогда не выпускать ее из дома. Держать взаперти, пока кто-нибудь не спасет нас от обезумевших людей.

– Но никто не обязан нас спасать, – печально шепчу я.

Иду в ванную и забираюсь под теплые струи воды. Закрываю глаза и подставляю лицо, капли бьют по щекам, лбу, носу и стекают с подбородка по телу, исчезая в канализации.

Мысли кружатся в бесконечном танце, тело устало, а душа болит за папу. Если на остров никого не пустят, то он сойдет с ума. После смерти мамы он пришел в себя только из-за того, что у него остались мы с Леей. А если отнять и нас, то он не оправится. Я в этом уверена.

Сердце сжимается, и я больше не чувствую наслаждения от душа. Выбираюсь и обтираю тело. Надеваю белый тонкий халат, заматываю волосы в полотенце и подхожу к зеркалу. По привычке упираюсь ладонями в раковину и осматриваю открытые участки тела. Паразитов вроде бы нет.

Встречаюсь со своим взглядом. Внешне я выгляжу обычно. За исключением образующихся мешков под глазами. С ними я могу справиться сном, а с тем, что творится внутри, невозможно совладать.

Неизвестность пугает.

Я боюсь больше никогда не увидеть папу.

Я боюсь стать одной из чудиков.

Я боюсь не уследить за Леей.

Я боюсь умереть от голода.

Я боюсь тумана.

Я боюсь, что Дилан станет чудиком. Если он изменится, то последняя ниточка, ведущая в прошлую жизнь, разорвется. Я останусь один на один с собой. Меня будут окружать люди, которые утратили связь с реальностью. Выдержит ли моя психика?

– Я сильная, – говорю я собственному отражению.

К счастью, оно не опровергает этих слов. Хотя если бы подтвердило, я бы тоже напряглась.

В комнате переодеваюсь в пижаму и забираюсь в кровать. Долго смотрю на туман за окном и не могу отделаться от мысли, что это он виноват.

Мысленно обещаю папе, что справлюсь и буду заботиться о Лее, пока я жива. Прикрываю веки и проваливаюсь в сон. В этот остаток ночи мне ничего не снится, как и в три последующих.

Дилан каждый день оставляет «Любовные послания», я

пишу на них ответы и каждый раз борюсь с желанием снова позвать его в мой дом. Мне не хватает общения. Катастрофически.

Лея составляет компанию, но тяжело оставаться в ладах с собой, когда ты не можешь обсудить насущные проблемы. А они есть.

В последнем послании Дилану, я написала, что нам снова нужно ехать в сторону центра.

Это путешествие будет сложнее, ведь на заправке не так много чудиков, как будет в магазинах, находящихся ближе к сердцу брошенного всеми клочка земли.

Глава 8

В этот раз Дилан сидит за рулем моей машины. Разместился с комфортом, отодвинул сиденье, отрегулировал зеркала, немного откинул спинку кресла. Я косо наблюдаю за этими манипуляциями, понимая, что если сяду на водительское место сейчас, то ногам до педалей будет дальше, чем мечтам о спокойной жизни до реальности.

Отъехали пять минут назад, встретили всего одного чудика. Сейчас он бежит за машиной, не жалея ног. Кажется, они не чувствуют боли, потому что мужчина несется с невозможной скоростью, топая босыми пятками по камням и даже не сбавляя при этом скорость.

Туман стал не таким плотным. Теперь он позволяет фарам пробиться дальше, из-за этого скорость движения увеличивается, я могу рассмотреть больше. Эта дорога, как и раньше, не пользуется спросом. Кроме моей машины, ничего нет. По бокам от шоссе стеной растут деревья. Папа рассказывал, что их посадили специально. Они спасают при шквалистом ветре, который периодически налетает на остров. За полосой искусственно созданной стены располагается пустырь, а за ним – густой лес. Раньше, когда я была ребенком, мы с мамой и Леей часто ходили туда на прогулку. На пляже я бывала реже, чем в лесной чаще.

С тоской вспоминаю былое и, чтобы переключиться, от-

ворачиваюсь от окна и смотрю на Дилана.

– Как твои секретные дела? – спрашиваю, доставая из кармана список, которым не воспользовалась в прошлый раз. К слову, он вырос на треть.

– Скажем так, – протягивает Дилан и берет небольшую паузу, прежде чем договорить: – я в процессе наблюдения.

– Не расскажешь? – допытываюсь я, не понимая, за чем можно наблюдать в наши дни. За туманом?

– Нечего рассказывать. Когда будет что-нибудь интересное... поделюсь.

Посмотрите, какой скрытный.

– Что за листок? – спрашивает Дилан, бросив на меня короткий взгляд. – Любовное послание решила передать лично?

– Я тебе любовных посланий не пишу, – отвечаю я, разглядывая черные слова на белом фоне.

Дилан хмыкает.

– Неправда.

– Любовь? – спрашиваю я, вернув внимание на его профиль. – К нам она не имеет никакого отношения.

Мы оказались в ситуации, о которой даже не могли помыслить. Мы напарники, но точно не влюбленные.

– А как же возлюби ближнего своего? Совсем не чтишь древние писания, – с укором произносит Дилан, да еще и цокает в конце.

– Это список продуктов и всего необходимого.

– Не представляю, что у тебя получится ходить по рядам с тележкой и закидывать все четко по списку. Скорее всего будет план – хватай и беги что есть дури.

– Поэтому я и пытаюсь запомнить его наизусть, чтобы знать, что хватать, – с чувством превосходства проговариваю я.

Сосед бросает на меня мимолетный взгляд и дарит кри-вую ухмылку.

– Логично, – замечает он.

Киваю и тоже улыбаюсь.

– Я вообще очень логичная.

Дилан не остается в стороне, он будто не может оставить последнее слово за мной и говорит:

– Ходит легенда, что женская логика страшная штука.

– Это не легенда. У нас кроме логики есть еще предчувствие. Оно развито лучше, чем у мужчин, – с полной уверенностью сообщаю я.

На этом диалог заканчивается, водитель впадает в размышления и даже позволяет оставить последнее слово за мной. Какая мелочь, но я чувствую себя победительницей в словесной дуэли. Как я его, а? Радость от придуманного триумфа отходит на задний план, погружаюсь в список и пытаюсь запомнить. Нахожусь на его середине, когда Дилан спрашивает совершенно серьезно:

– И что тебе подсказывает предчувствие? Вернемся мы сегодня домой?

– Конечно, – восклицаю я, а у самой сосет под ложечкой. Дилан вымученно улыбається.

– Врушка, – бросает он и снова упирается взглядом в лобовое окно.

– Мы вернемся, – увереннее произношу я. – У меня нет выбора, Лея одна не справится.

– Ей не лучше?

– Все так же, – обреченно отвечаю я. – Скорее всего так будет всегда.

Дилан снова смотрит на меня. В его голубых глазах плещется жалость. Ко мне или к Лее? Не хочу, чтобы он меня жалел. Ну может, только в крайнем случае. Например, в момент неистовой истерики, подобная состоялась в нашу прошлую поездку.

– Я хочу тебе кое-что сказать, – аккуратно начинает он, снова устремив взгляд на дорогу, – ты только в штыки не воспринимай.

– Может, не надо говорить? – заранее психую, спрашиваю я.

– Надо. Кроме меня, этого никто не скажет.

– Не хочу слушать, – отрезаю я.

– Лея обуза, – громче необходимого заявляет Дилан.

– Замолчи, – рычу я.

– Лея обуза и, если будет угроза... не рискуй из-за нее, – просит он.

Он даже не понимает, о чем говорит, и из-за этого я боль-

ше бешусь. Как можно было мне такое сказать? Лея часть моей семьи, которую я люблю больше всего на свете. Нет ничего важнее и ценнее.

– Какой же ты невыносимый, – говорю я и отворачиваюсь, невидяще глядя на проплывающую стену деревьев. С каждой секундой злость на слова Дилана только вырастает. Жаль, что я потеряла скалку, сейчас бы поколотила его и никогда бы об этом не пожалела.

Дилан съезжает с дороги и останавливается на обочине. Пару мгновений в салоне царит тишина, мерно работает двигатель, неистово колотится мое сердце. Дилан тихо просит:

– Посмотри на меня.

– Глаза б мои тебя не видели, – тут же отвечаю я.

– Октавия, я не зло во плоти, – серьезно говорит он и выдерживает паузу настолько долго, что мне приходится посмотреть на него. – Послушай меня и не кипятись. Решение все равно будет за тобой. Есть ты и Лея. Если Леи не станет, то ты продолжишь жить. Если не станет тебя, то и Лея долго не протянет. Это простая математика.

– Это жестоко даже для тебя, – произношу я, ощущая нарастающий ком в горле.

– Это реальность, в которой нам приходится жить.

– Выживать, – шепчу я.

– Ты права. И чтобы выжить, нужно думать наперед.

– Ладно, – бросаю я, лишь бы он отстал от меня.

Не хочу думать о развитии событий, которые слова Ди-

лана уже нарисовали у меня в голове. Четко вижу, как Лея умирает от голода или бежит от чудиков, а я в этот момент уже наполовину съедена червями.

– Вообще-то я ждал, что ты скажешь: Дилан, какие умные вещи ты говоришь.

– Ты и без меня это скажешь.

– Что есть, то есть.

Он выруливает на трассу и спокойно набирает скорость. Оставшуюся часть дороги мы молчим. Стоит городским огням попасть в поле видимости, нервы натягиваются струной. Дилан снижает скорость до минимальной. Мы еле ползем по окраине города, он умело выкручивает руль, то в одну сторону, то в другую. Машины брошены прямо посреди дороги, замечаю три перевернутые набок. Мусора так много, что даже день города не может посоревноваться с этой помойкой. Некоторые двери зданий распахнуты настежь. Смотрю на улицы во все глаза. Не узнаю былой процветающий город.

– Слишком тихо, – замечает Дилан. – Где чудики?

– Надеюсь, у них какое-то собрание на другом краю города, – шепчу я, не в силах отлипнуть от окна.

– Я бы на это посмотрел.

– А я бы нет.

– Какие же мы все-таки разные. Прав был идиот, с которым ты связалась когда-то.

Сразу понимаю, о каком идиоте идет речь, но даже не успеваю спросить, когда они с Диланом успели поговорить.

Они терпеть друг друга не могли, а тут, видите ли, у них были душевные беседы?

Дилан подъезжает к магазину задним ходом и глушит мотор.

– Запомнила? – спрашивает он, сканируя видимую местность внимательным взглядом.

– Что?

– Список запомнила?

– Почти.

Замечаю улыбку Дилана. Он издевается. Но я не могу сказать, что против, ведь его речь отвлекает от нервозности. Вот, даже руки перестали трястись. Но отсутствие тремора конечностей не может удалить беспокойство из базовых настроек человека. Рассматриваю парковку и не вижу никого, кто мог бы нести опасность. Две собаки среднего размера копошатся в перевернутой мусорнице. Они голодны, но не агрессивуют друг на друга. Возле одной из припаркованных машин валяется спортивная сумка, кто-то уже давно открыл ее и вывернул наизнанку, раскидав кроссовки и спортивный костюм. Недалеко от дверцы моей машины, разлито что-то. Залипаю на этом пятне и внушаю себе, что это не чья-то кровь.

– Кстати, чуть не забыл, – говорит Дилан, спохватившись.

Поворачиваюсь к нему и наблюдаю, как он расстегивает ветровку.

Почему сосед постоянно хочет оголиться?

Из-за пазухи он достает скалку, в центре неумело перевязанную толстой нитью.

– В прошлую поездку ты потеряла скалку, видел, что ты была без нее. Решил, что безоружной ты выходить не должна.

Опасливо принимаю подарок, пересекаемся взглядами, и я спрашиваю:

– А это что за веревка?

Дилан пожимает плечами и на мгновение отводит взгляд в сторону.

– Бантик из подручных материалов, – отвечает он и тут же добавляет: – Не вредничай, лучше я бы не упаковал.

Кручу в руках скалку и запоздало шепчу:

– Спасибо.

Впервые получаю подарок такого рода. Этот жест Дилана выбивает из колеи. Мне хочется рассмеяться, ведь это достойная шутка. Он как будто знал, что стоит подарить ее мне после разговора о Лее. Спас себя от моей взрывной злости.

– Не потеряй в этот раз. Я больше рисковать ради куска дерева не буду. – Дилан резко замолкает и спрашивает: – Ты это слышишь?

Где-то вдалеке, *очень-очень далеко* раздается звук сирены. Скорее всего он был еще до того, как мы приехали, но из-за звука двигателя и разговора мы его не слышали.

– Не двигается, – шепчет Дилан.

Киваю.

Неужели в городе действительно все не так плохо? Службы быстрого реагирования все-таки работают. Ничего не могу с собой поделатъ и улыбаюсь во весь рот.

– Дилан, мы спасены, – в сдерживаемом восторге шепчу я.

Оборачиваюсь к нему и улыбка пропадает. На лице соседа нет и капли удовольствия.

– Что не так? – спрашиваю я.

– Машина не едет. Ты хоть раз видела включенную сирену в машине, которая стоит? В этом смысла нет.

Недавний подъем спадает.

– Ты портишь мне настроение, – признаюсь я.

Дилан прав. Смысл сирены на машинах быстрого реагирования в том, чтобы им уступали дорогу и они могли в кратчайшие сроки добраться до места назначения.

– Я опускаю тебя на землю, – поправляет он.

– Но мы должны проверить, вдруг ты ошибаешься, а я права? – с умирающей надеждой на руках спрашиваю я.

Пару мгновений Дилан думает, переводя взгляд с двери магазина, в проулок, откуда доносится далекий звук.

– Ладно, – сдается он. – Но сначала мы наберем продуктов, столько, сколько влезет в машину.

– Договорились.

Мимолетная улыбка все равно пробивается сквозь напускную серьезность, Дилан замечает ее и тоже легко улыбается. Даже не верится, мы договорились и при этом я не

хотела стукнуть Дилана ни разу. Похоже на прогресс.

Еще около пяти минут обсуждаем кто, что будет делать в той или иной ситуации. Мы ожидаем, что в магазине будет не привычная для нас атмосфера. Улыбчивых продавцов не предвидится, а вот опасных чудиков не избежать. Дилан отдает мне ключи от машины, и приказывает, в случае опасности, сразу же бежать в нее и запираться.

Нервная система уже настолько привыкла к постоянному стрессу, что я не представляю своего существования в спокойной обстановке. Сейчас мне кажется, что жизнь всегда была такой. Опасной и страшной.

Выходим из машины, должна признаться, что чувствую себя спокойнее со скалкой в руках. Даже бантик не потрудилась снять, пусть будет нарядной.

На спине Дилана, как и на моей, рюкзак – место сбора необходимого провианта.

Сирена вдалеке продолжает завывать, но она мгновенно смолкает, когда мы входим в магазин.

Дзыньк заставляет подпрыгнуть на месте. Чертов колокольчик над входом, чуть не взорвал сердце.

Разруха.

Весь товар, когда-то хранившийся на полках исчез, остатки былой роскоши валяются на полу. По оговоренному плану, я начинаю собирать провиант, а Дилан осматривает помещение на наличие чудиков. Одновременно заниматься одним или другим – потеря драгоценного времени. Захожу за

стеллаж, переступаю остатки продовольствия и двигаюсь к отделу, где хранилась консервированная еда. Дойдя до места назначения, даже не смотрю, что беру, складываю банки в рюкзак Дилана. Одну за одной. Не больше пятнадцати штук. Мало. *Слишком* мало для троих взрослых людей.

Не слышу шагов Дилана и выпрямляюсь, нахожу его взглядом в дальнем углу отдела с выпечкой. Он кивает, все чисто. Куда делись чудики? Что если мы пробрались в магазин и грабим его? Может, чудиков тут вовсе нет, и они уже вернулись к первоначальным настройкам?

Дзыньк...

Звук проносится по магазину и тут же разгоняет сердцебиение до предела.

Кто-то только что вошел в магазин...

Сажусь за стеллажом, прижимаю к себе скалку и банку горошка. Взгляд мечется в попытках увидеть Дилана, но его нигде нет. Может, это он вышел? И бросил меня здесь?

Характерные звуки шагов, шуршание одежды дают понятие, что звук дверного колокольчика мне не померещился.

– Вот это тоже возьми, – произносит мужской голос. – Отдел с лекарствами пуст.

Сжимаюсь в комок и задерживаю дыхание.

Первый голос за столько дней. Грубый, холодный.

– Давай быстрее, сирена не вечная, – говорит другой мужчина.

Шуршание пакетов приближается ко мне. Аккуратно

ставлю банку и на четвереньках двигаюсь к следующему стеллажу. Сердце ухает о ребра. Нужно передвигаться так, чтобы меня не заметили. Что чудики сделали со мной? Я теперь боюсь не только их, но и обычных людей. *Это ненормально.* Так жить невыносимо.

Законопослушный гражданин убеждает, что незнакомцы помогут мне. Нужно просто выпрямиться в полный рост, поприветствовать их и сказать, что мне нужна помощь. Но я не делаю ничего из этого, переползаю от стеллажа к стеллажу и молюсь, чтобы меня не заметили. Если теория Дилана правдива, и мы отныне живем в апокалипсисе, то доброты от местных не жди. Мы в какой-то степени конкуренты. Продовольствие не вечное.

– Вырубили, – с ужасом произносит мужчина.

– Валим, – подхватывает первый.

Шурша пакетами, они бегут к двери.

Дзыньк!

– Дилан, – пишу я, хватаясь за сердце.

– Здесь, – отзывается он. – Нам тоже пора валить.

– Я мало что собрала. – Говорю об этом не как о факте для спора. Я тоже хочу покинуть магазин. Здесь практически ничего нет. Мы не первые, кто решил пожить в этом месте.

Дилан подходит ко мне и забирает рюкзак с банками.

– Что ты туда напихала?

– Консервы.

Мой рюкзак пустой, пока идем в сторону выхода, закидываю туда несколько попавшихся под руку вещей, там же прячу новую скалку. Я даже не разбираю, что хватаю. Неважно. Все, что есть, имеет ценность.

Не медля у входа, покидаем магазин, открываю машину и быстро усаживаемся на место. Отдаю ключи водителю, но Дилан не заводит мотор. Он вынимает банки и складывает их на пол возле заднего сиденья.

– Едем в следующий? – запыхавшись спрашиваю я.

– Да.

Я знала, что так и будет. Мы говорили об этом. Если не получится запастись в одном месте, то мы пойдем в другое. Каждый раз, когда нам что-то нужно, ехать в город мы не можем. Бензин также стал ценностью, за которую придется рисковать. Чем меньше риска, тем лучше.

– Мы не единственные люди, – говорю я.

– Кто-то врубает сирену на машине скорой или пожарной, – проговаривает Дилан, доставая последнюю банку. – Они более приспособлены, чем мы.

– Не поняла.

Нормально усевшись, он смотрит на меня и сообщает:

– Они более приспособлены к новым реалиям. Те, кто выжил в городе, поняли, что если врубят сирену, то чудики пойдут на звук и у них будет время на посещение магазина. В то время пока мы...

Стук в окно заставляет нас замереть. Дилан продолжает

смотреть на меня, а я бросаю взгляд за его плечо. За окном стоит мужчина, он наклонился так, чтобы видеть нас.

Смотрю на него и не могу отвести взгляда. Мужчине не больше сорока. Светлые взлохмаченные волосы и отросшая щетина. Упрямый взгляд серых глаз и растопыренные ноздри.

– Там человек? – спрашивает Дилан, выводя меня из транса.

– Да, – шепчу я, не шевеля губами.

– Это плохо.

– Он не чудик.

Стук в окно повторяется.

– В этом и проблема, – говорит Дилан и поворачивается к незнакомцу. Он немного приоткрывает окно и слишком бодро здоровается: – Привет, чем могу помочь?

Мужчина в непонимании присматривается к Дилану.

– Выходи, – только и говорит он.

– Нет, – отмахивается Дилан. – Мы уже спешим. Опоздаем к друзьям.

– Дурной что ли? – спрашивает мужчина и показывает нам пистолет.

– Сразу же бы так и сказал, – бормочет Дилан, отстегивая ремень безопасности.

Мужчина отступает от двери на шаг.

– Не выходи, – говорит Дилан. – Если что, уезжай.

– Если что – что? – в ужасе спрашиваю я.

– Если он продырявит мне голову, то не жди меня, езжай к Лее, – с этими словами Дилан выходит из машины. Я тут же блокирую двери, но щелка наверху окна, открытая Диланом, позволяет подслушать, о чем идет речь.

– Мы тут мимо проезжали, – говорит Дилан обворожительно улыбаясь.

Как жаль, что перед ним стоит не женщина, а хмурый мужик. Его скорее всего бесит улыбка и непринужденная манера общения Дилана.

– Ты влез в магазин Даниэль, – говорит мужик, сложив руки перед собой.

Чертов пистолет пугает.

– Не влез, а вошел через открытую дверь, – поправляет Дилан. – А Даниэль знает, что ее продавец отсутствует? Я *очень* хотел заплатить, но было некому.

Мужчина смотрит на Дилана, как на сумасшедшего. Наклоняется к окну и смотрит на меня.

– Что с ним? – требовательно спрашивает он меня.

И как ответить на этот вопрос?

– Там правда не было кассира, – подтверждаю я.

Теперь взгляд полнейшего непонимания, направленный на меня, становится злым.

– Вы меня за идиота держите? – Злится он. – Я же вас перестреляю сейчас.

– Не надо, – просит Дилан, подняв ладони вперед. – К чему тратить патроны? Прибереги их на будущее.

– Ты мне не указывай! Я охраняю магазин Даниэль, а вы нарушили его границы. Придется заплатить.

– Сколько? – спрашиваю я.

– Даниэль не нужны деньги, идиоты, – сообщает мужчина, даже не посмотрев в мою сторону.

– Что ей нужно? – достаточно громко спрашиваю я.

Мужчина хмыкает, взгляд начинает бегать от Дилана ко мне, и он задает ответный вопрос:

– А что у вас есть?

– Банка горошка, пластырь, фото Памелы Андерсон в ее лучшие годы, – начинает перечислять Дилан, загибая пальцы и неожиданно для всех собравшихся бросается на мужчину. Он валит его с ног и выхватывает пистолет. Все происходит за пару секунд. Нажимаю на кнопку разблокировки дверей и через один удар сердца Дилан снова сидит в машине.

– Подержи, – просит он и бросает мне на колени пистолет. Заводит машину и срывается с места, визжа шинами.

Не успеваем отъехать от магазина, как Дилан со всей силы выжимает тормоз. Перед нами стена из людей.

Чудики.

Машину бросает в сторону, мы останавливаемся. Чудики бегут на нас.

– Молчи, – приказывает Дилан и глушит мотор.

Машину качает из стороны в сторону. Чудики пихают ее. Держусь за дверцу и наблюдаю глазами полными ужаса, за бывшими когда-то людьми. Их лица – маски, там нет ника-

ких эмоций и это поистине жутко. Хочется орать от ужаса происходящего. Сейчас они вырвут дверь с корнем и схватят меня. Что они сделают после того, как доберутся до моего тела? Боже!

Чувствую, как Дилан сжимает мою руку, и только это способно остановить ор из глубин души.

Постепенно они теряют интерес к машине. Качка становится меньше, чудики расходятся по парковке.

Расслабляться слишком рано, стоит нам сейчас завести двигатель, как они снова облепят транспорт и сквозь такую толпу мы не сможем проехать.

Замечаю, как мужчина, пытающийся забрать с нас плату за посещение магазина, приходит в себя. Молча сжимаю пальцы Дилана, наши взгляды встречаются.

Не одной мне страшно.

Показываю в направлении, где бедолага пытается встать. Он ударился головой после нападения Дилана? Хватается за затылок и бросает в нашу сторону гневный взгляд.

Мы впервые встретили не чудиков и уже стали для одного из них не самыми приятными личностями.

Спустя несколько попыток, он все же вытягивается в полный рост, один чудик замечает это и, постепенно разгоняясь, несется к мужчине, тот, в свою очередь, бежит в магазин. Распахивает дверь и дзынь выдает его с потрохами.

Задерживаю дыхание.

Нужно отвернуться.

Не могу сделать этого, смотрю во все глаза. Мужчина влетает в магазин, но не успевает закрыть дверь. Толпа сбивает его с ног, выламывают дверь с корнями, и мужчину уже не видно под телами десятка чудиков.

Я слышу его крик. Полный боли и отчаяния.

– Не смотри, – шепчет Дилан и еще сильнее сжимает мои пальцы.

Но я не в силах отвернуться.

Крик длится недолго. Некоторые чудики сползают с гор тел. Кто-то проходит в магазин, кто-то выходит наружу. Их рты и подбородки... в крови.

Не может быть такого. Это нереально.

– Больше в этот магазин не поедem, – не своим голосом сообщает Дилан.

Глава 9

Первым делом после возвращения домой я проверила комнату тети. Несмотря на мое долгое отсутствие, она все так же мирно спит, укрывшись тонким бежевым покрывалом.

Вода закипает, нарушая бульканьем тишину, прочно укрепившуюся в кухне. Погруженная в мрачные мысли, пугаясь щелчка выключателя чайника, вздрагиваю, чем привлекаю внимание Дилана. Всю дорогу до дома мы не проронили ни единого слова. Покинув салон машины, я пригласила его войти и в этот раз не услышала отказа. Нам нужно пережить увиденное вместе. Это не игра воображения или навязчивые галлюцинации. Хотя я бы предпочла любое из этого, лишь бы не пытаться смириться с тем, что чудики – не безобидные прохожие, они убивают всех, кто не подвергся заразе. Мы с Диланом могли погибнуть под их натиском еще в его доме, когда гости с вечеринки начали приходить в себя.

Нам пришлось провести возле магазина не один час. В ожидании, когда чудики разойдутся, мы наблюдали за ними. Их поведение не поддается никакой логике. Они блуждали по парковке, пока какой-то звук не привлек их внимание, и они толпой не побежали вон от нашего автомобиля. Чудики отправились убивать снова.

Как вести бой с врагом, с которым невозможно вести пе-

реговоры? У них нет слабых мест в виде привязанностей, дома, семьи или друзей. У них есть только злоба, что ведет их к новым еще более ужасным свершениям.

Поднимаюсь из-за стола и подхожу к шкафчику с посудой. Выбираю самые объемные кружки, чтобы Дилан как можно дольше оставался в моем доме. Не хочу быть одна. Пусть он молчит, говорит, подкалывает меня или называет монашкой – все это не важно. Я не хочу вариться в догадках в одиночестве. Произошедшее с мужчиной у магазина выбило меня из колеи. Теперь я мысленно прогоняю моменты былых пересечений с чудиками. Они ведь могли поймать меня в доме Дилана и... *и все*. Меня бы уже не было. Или в городе. Доктор и та девочка-семилетка могли растерзать меня и Лею.

Мрачные мысли нарушает будничным голос Дилана.

– Я наблюдаю за чудиками и листаю радиоволны на старом приемнике отца.

Ставлю кружку перед Диланом и нахмурившись спрашиваю:

– Не объяснишь подробнее?

– Это мои *дела*, из-за которых я не покидаю дом. Когда мне было двенадцать, отец показывал старый радиоприемник, рассказывал, что когда-то дед общался через него с военными. Там настроена связь на зашифрованные каналы. Неизвестно, пользуется ли ими кто-то сейчас. Тогда я был в восторге от историй про приемник, и сразу же вспомнил о нем, когда ты рассказывала, что даже радио перестало ра-

ботать. Я нашел его на чердаке, достал и еле как подключил. Постоянно прослушиваю радиоволны, надеюсь, что если кто-нибудь приблизится к острову по воде, то они будут ловить связь хотя бы с маяком.

Дилан говорит все это, смотря на пар, исходящий из кружки. Сажусь напротив и грею руки о керамику.

Не одна я надеюсь, что кто-нибудь все-таки приплывет к нам и поможет выбраться, найти безопасное место. Остров таковым больше не является.

– Тишина? – спрашиваю я.

– Полная. С каждым днем я только и убеждаюсь, что все скатится к банальному выживанию. – Он поднимает задумчивый взгляд на меня. – Миру на нас плевать. Прошло уже не то чтобы несколько часов. Трагедия измеряется днями.

Каждый прожитый день я считаю за три. Тяжело перестроиться на новый лад и откинуть ностальгию по старым временам.

Отпиваю глоток чая и ставлю кружку на стол.

– Ты сказал, что наблюдаешь за чудиками, – напоминаю я. – Расскажешь?

– Да. Пятеро с вечеринки до сих пор у меня дома. С каждым днем они становятся более агрессивными. – Дилан ловит мой взгляд и проговаривает, четко расставляя акценты: – Октавия, они не едят, не спят и не пьют. В один из дней я сидел наверху лестницы и смотрел за ними десять часов подряд. Они бессмысленно ходили по первому этажу, упира-

лись в стены и продолжали идти. Если кто-то из них издавал звук, остальные бежали на него, но достигнув останавливались. Они животные, которые еще не поняли, что такое находиться в стае. Городские чудики это уже осознали. Они действовали по-другому. На звуки, издаваемые ими же, они не реагировали. А стоило тому мужику открыть себя, как они сожрали его.

– Не напоминай, – прошу я.

Я больше не выйду из дома – первое необдуманное желание. Стоит только снова подумать о погибшем мужчине, как бросает в дрожь.

– Почему они стали такими? – спрашивает Дилан, явно не ожидая правильного ответа.

Никто из нас не знает причины их изменений.

Никто из нас не знает, почему кто-то стал чудиком, а кто-то продолжает цепляться за жизнь.

– В городе есть люди, – еле слышно напоминаю я. – Мы не одни.

Дилан устало проводит ладонями по лицу. Чай практически допит.

– Не уверен, что это хорошо, – протягивает он. – Они уже растащили большую часть съедобного. Не будь их, мы бы протянули дольше.

У меня даже язык не поворачивается напомнить, что это чьи-то родные и близкие, что нельзя быть таким одиночкой и думать только о себе. Он прав, и это печально.

Снова вспоминаю мужчину у магазина и проговариваю мысли вслух:

– Помнишь, он сказал, что магазин принадлежит Даниэль? Что это значит? Он принадлежал ей до того, как произошла беда, или городские уже делят территорию?

Дилан прищуривается и несколько секунд переваривает мои вопросы. Чтобы объяснить свои мысли, говорю:

– Я когда-то давно готовила доклад про иерархию и ее падение. После того, как пропадают контролирующие органы, люди начинают собираться, по сути в... – подбираю слово, но оно напрочь вылетело из головы.

– Банды? – предполагает Дилан, внимательно меня слушающая и не отводя пристального взгляда.

– Да. Что-то типа этого. Если над группой людей никого нет и они не находят компромиссы, то разделяются на более маленькие части. После этого они отвоевывают территорию и закрепляются там. Придумывают свои законы и, как бы сами того не осознавая, создают новый аппарат правления. И я подумала, может быть, в центре началось то же самое?

Дилан кивает. Он не воспринимает мои рассуждения за бред.

– Вероятно, так и есть, – задумчиво проговаривает он. – Они уже поняли, как увести чудиков. Врубают сирену на машине и в этот момент передвигаются по городу. Мы не знаем, как много жителей центра остались в своем уме. Если кто-нибудь не захотел жить по чьим-то правилам, то в лег-

кую мог уйти и основать что-то свое.

– Банду, – подсказываю я.

Дилан только кивает. Мы понимаем, что это только догадки, но они имеют смысл.

– Что мы будем делать дальше? – спрашиваю я.

– Попробуем выжить.

Отличный план, но чтобы выжить, нужно свести встречи с чудиками к минимуму, поэтому я прошу:

– Дилан, оставайся здесь. Папин дом безопасный. Здесь нет чудиков, внутрь пробраться тоже никто не сможет.

Какое-то время сосед сосредоточенно о чем-то думает, а потом отрицательно качает головой.

– Я должен следить за радиоволнами, – отрезает он.

– Давай принесем аппарат сюда, – предлагаю я.

– Он настолько древний, что я боюсь его трогать. Еле как подключил, пробки выбил. Если что-нибудь сломаю, то в жизни не почию, – признается он. – Сейчас пытаюсь разобраться, как подать сигнал бедствия, но я в этом полный профан.

– Инструкции нет? – спрашиваю я и получаю улыбку Дилана.

– Нет. Она бы упростила мне жизнь.

– Где аппарат сейчас? – допытываюсь я.

Эх, если бы у нас был интернет, то можно было бы посмотреть, как все настроить и подать сигнал. Но его, как и связи, до сих пор нет.

– В сторожке. Я там ночью и торчу, пока не слежу за чудиками.

Наблюдая за Диланом, находящемся на моей кухне, вспоминаю былые времена. Мы находили общий язык с полуслова, понимали задумку другого с полувзгляда.

Ностальгия давит на грудь, и я чувствую, что должна сказать то, что чувствовала долгие годы, пока Дилан отсутствовал в моей жизни.

– Мне жаль, что ты не был рядом все это время, – признаюсь я.

Кто знает, может, завтра не будет, а я не хочу жалеть о том, что не сказала ему этого.

Дилан ничего не говорит, и я ощущаю себя не в своей тарелке. Не жалею о том, что сказала. Вдруг он сейчас выйдет за дверь, и его тут же схватят чудики? Каждый раз, когда я вижу его, может стать последним. Не уверена, что выдержала бы все эти дни, не будь его рядом.

– Мне тоже, – в итоге говорит он. Так мягко, что я невольно бросаю на него взгляд. Дилан смотрит открыто и искренне.

В моменте становится тепло и уютно. Но лишь на краткий миг, он проходит слишком быстро, и его место занимает неловкость.

Дилан допивает чай и, печально улыбнувшись, просит:

– Не забывай про фонарь.

– Приходи чаще, – прошу я и тут же предлагаю. – Завтра я

что-нибудь приготовлю. Поедим, можем фильм посмотреть.

Расслебленное лицо Дилана превращается в ухмыляющуюся маску флиртуна.

– Ты приглашаешь меня на свидание? – томно спрашивает он.

– Нет, – слишком быстро выдаю я.

Дилан смеется. Легко и непринужденно.

– Помнится, ты говорила, что если на свете останемся только я и ты, то мне даже в этом случае ничего не светит, – напоминает он, продержав улыбку до самого конца тирады.

– Я тебя приглашаю еду есть. И хватит припоминать мне те слова. Я даже не думала, насколько они отвратительны. Ты меня тогда взбесил, – признаюсь я.

– Вечеринкой или своим существованием? – уточняет он, приподняв брови.

– Вечеринкой. К тебе лично я... – не могу подобрать слова, которые бы в достаточной мере объяснили Дилану, насколько мне его не хватало, когда он выкинул меня из своей жизни. Я была обижена. И не понимала, до сих пор не понимаю, что произошло, чем я оттолкнула его? Друга, подобного ему, я больше не нашла, а с учетом того, что разумных людей практически нет, то и вероятности найти нового и вообще приблизились к нулю.

– Если тебя это успокоит, то больше вечеринок не будет, – сообщает Дилан.

– Тебя это расстраивает?

Он пожимает плечами.

– Я люблю, когда вокруг много людей. Мне это нравится. Теперь подобное невозможно. Расстроен ли я? Скорее нет.

Он поднимается и благодарит за чай. Направляется на выход, иду следом, обнимая себя руками. Около двери Дилан останавливается и оборачивается.

– Приглашение на свидание я принимаю, – внимательно смотря на меня сверху вниз, произносит он. – Во сколько приходить?

– Во сколько ты не будешь следить за чудиками? – уточняю я.

Не задумываясь, отвечает:

– Думаю, с пяти до шести они справятся и без меня.

Улыбаюсь Дилану, он отвечает мне тем же.

– Я буду ждать, – шепчу я.

– Я приду, – вторит он.

Выпускаю Дилана из дома и наблюдаю, как он уходит. Туман постепенно поглощает его силуэт.

Глава 10

В эту ночь я так и не уснула, ворочалась с бока на бок и не могла изгнать видения.

Я вспоминала женщину из центра, которая, не думая о безопасности, рвалась вон из машины и в итоге погибла. Все началось еще в тот день... Отчего-то мир изменился, став опасным настолько, что никакие догадки и предположения не подбить под каноны реальности. Я как будто застряла внутри идиотского сна при температуре сорок.

Я очень много думала про погибшего мужчину у магазина. Про окровавленные лица чудиков, что разобравшись с человеком, спокойно разошлись по парковке и внутри здания. Я заиклилась на мысли, что, если бы увидела результат содеянного чудиками, то никогда бы не оправилась от этого. Я не видела тело мужчины, и воображение постоянно пытается представить, что ему все же удалось выжить и сбежать.

Я молилась, чтобы папа вернулся за мной и забрал нас с Леей на большую землю. Остров ограничен. Здесь тяжело. Мы с Диланом не последние здравомыслящие люди на клочке земли, окруженном океаном, и это усложняет выживание. Должно быть наоборот, но реальность такова, что не все люди будут помогать постороннему, многие попытаются у нас что-нибудь отнять: еду, одежду, кров... жизнь.

Я думала про Дилана и его удачные попытки заговорить

меня и отвлечь от ужасов, что нас окружают. Не знаю, скажу ли ему об этом когда-нибудь, но его возвращение в мою жизнь — лучшее, что произошло с момента появления чудиков. Даже в самых храбрых мыслях не могу представить, что я бы сунулась в центр города одна, понимая, что все изменилось и там смертельно опасно.

Размышляла о Лее и ее состоянии. Слова Дилана правдивы, если со мной что-нибудь случится, то тетя не протянет долго. Когда мама еще была с нами, нам предлагали разместить Лею в специализированном месте, там бы за ней присматривали, следили, чтобы она принимала таблетки. Мама напрочь отказалась и попросила доктора, чтобы он больше никогда не смел предположить, что наша семья способна таким образом избавиться от одного из ее членов. Наша политика всегда заключалась в единстве. Даже если я очень сильно напрягу мозг, то не смогу вспомнить каких-то грандиозных ссор в стенах этого дома. Все решалось диалогом.

Нормальная семья не готовила меня к апокалипсису. Возможно, если бы за свои восемнадцать лет я испытывала лишения, должна была принимать критически важные решения, то мне было бы проще? Этого я уже никогда не узнаю, но я благодарна родителям за жизнь в любви и понимании.

Еще я думала про не изменившихся людей в центре. Я бы могла попробовать примкнуть к кому-нибудь из них. Я бы могла находиться среди чужаков, которые в большей степени разобрались с тем, как выжить среди чудиков. Но с Леей не

могу даже попытаться. С ней меня не возьмут даже в самую захудалую банду. Она может выдать местоположение, что-нибудь учинить. Все это будет не со зла, но никого не волновало бы, по какой причине тетя внесла сложности. Нужно как-то рассказать ей о происходящем. Что если она воспримет новый мир лучше меня?

Много ли людей осталось на острове? Возможна ли с ними какая-то коммуникация? Удалось ли хоть кому-то выбраться: уплыть или улететь на материк?

Вот так я и крутилась всю ночь. Когда будильник подал звуковой сигнал, я тут же встала и пошла к Лее, позавидовала ее безмятежному сну и отправилась в папин кабинет. Просмотрела видеозаписи на быстрой перемотке, не обнаружив никаких движений, подзарядила сотовый и попыталась дозвониться до папы. В 911 не буду звонить, это потеряло свою актуальность. Гудков снова не было. Включила телевизор и пролистала все каналы, вдоволь насмотрелась на рябь и разбитая побрела в душ.

Этот день проходил как обычно, за исключением одного – я полностью признала серьезность происходящего.

Лея проснулась и присоединилась ко мне на кухне. Пока готовили, разговаривали о розах, я пообещала ей, что мы поведем их на следующей неделе. Она согласилась, а я заранее решила, что буду говорить ей эту ложь неделю за неделей. Я еще не готова открыть ей правду о чудиках. Мне нужно время, чтобы найти правильный подход.

Я ждала Дилана, даже немного подкрасила глаза тушью, подкрутила кончики волос. Я не прихорашивалась для него. Конечно нет. Просто хотелось провести вечер, как будто за окном нет тумана и в нем не прячутся опасные чудики.

Глава 11

Ожидаю Дилана у входной двери. Пальцы сжимают подаренную им скалку, а глаза сканируют местность за стеклянной поверхностью. *Он опаздывает на десять минут.* И с каждой упущенной секундой я все больше накручиваю себя. Что если с ним что-то случилось? Что если чудики пробрались в сторожку, пока он спал, и Дилан не смог дать отпор? Догадки одна за другой носятся по кругу. Предполагаю самое ужасное и даже не думаю о том, что сосед мог просто уснуть, забыть или передумать прийти. Так устроен человеческий мозг? Почему в подобные моменты мы сразу же живо рисуем самый ужасный сценарий развития событий?

Как только он придет, я настучу этой скалкой ему по заднице, чтобы больше не заставлял меня нервничать. Времена и так беспокойные.

Из пучины мглы показывается силуэт, я тут же упираюсь лбом в стекло и прищуриваюсь. Дилан. Он идет сквозь туман спокойно, не бежит, как это сделала бы я. По походке не замечаю ничего подозрительного, не заразился, получается.

Когда до двери остается пара метров, открываю ее и запускаю соседа внутрь. В этот момент на кухне что-то разбивается, я прикрываю глаза. Лея настояла, чтобы именно она расставила посуду. Скоро будем есть из ладоней или прямо со стола.

– Почему так долго? – требовательно спрашиваю я, еще не успев позабыть волнения.

– И я рад тебя видеть, – говорит Дилан и снимает джинсовую куртку. – Пришлось забраться в дом, чтобы сходить в душ и переодеться. Чудики не хотели лишаться моей компании, пришлось выкручиваться.

Да какого черта он постоянно ищет встреч с опасностью? Мог бы сходить в душ у меня, но нет, он полез в дом, где отныне существуют пять чудиков. Желание треснуть Дилана снова выглядывает из-за угла.

– Не ранен? – спрашиваю я, опустив скалку.

– Нет. Я, к счастью, умнее их, – сообщает Дилан с легкой улыбкой. – Удалось улизнуть и не пострадать. Они тоже в порядке, если тебе интересно.

Киваю, хотя мне не интересно, что происходит с его домочадцами. Я бы вообще хотела позабыть об их существовании.

– В следующий раз не рискуй, – прошу я, вглядываясь в глаза собеседника. – Можешь мыться здесь. На первом этаже есть гостевые комнаты с ванными.

– Я не мог пойти на свидание и предварительно не почистить перышки, – наигранно улыбнувшись и подмигнув, сообщает Дилан.

Сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза, и напоминаю, упреков край скалки в грудь соседа:

– Это *не* свидание.

Дилан слишком долго ничего не говорит и не отводит от меня внимательного взгляда. Он рассматривает мое лицо, будто впервые увидел. Или заметил, что я подкрасилась? Ну уж нет.

– Пойдем, Лея ждет, – как можно нейтральнее произношу я и разворачиваюсь.

Направляемся на кухню в тишине, но сердце отчего-то ухает о ребра. Чувствую присутствие Дилана за спиной, его взгляд прожигает лопатки или что-то ниже их.

– Лея, привет, – весело и беззаботно здоровается Дилан.

Тетя смотрит на него во все глаза, не узнает, и он тут же напоминает:

– Я ваш сосед. Если идти по тропинке, то как раз упрешься в дверь моего жилища.

Улыбка не сходит с его лица. В этот момент оно становится максимально открытым и добрым. Совершенно не вяжется с тем человеком, который менее суток назад бросился на незнакомого мужчину и отнял у него оружие.

– Дилан? – недоверчиво спрашивает она.

Он расцветает в еще более широкой улыбке и театрально кланяется.

– Он самый, к вашим услугам.

– Что с тобой стало? – восклицает Лея. – Ты же был ребенком.

– Вырос он, – говорю я, убирая осколки от тарелки. К счастью, она не разлетелась на мелкие частицы, а раскололась

на три части.

– Ну каков красавец, – говорит Лея, сложив ладони вместе. – Октавия, ты только посмотри на него.

Стараюсь не смотреть, но тетя снова просит это сделать.

– Я его уже видела, – говорю я, чувствуя, как под пристальным взглядом Дилана краснеют щеки. Как же неудобно-то.

– И глаза прекрасные, голубые-голубые, – продолжает Лея. – А голос-то какой. Октавия, ты только послушай его.

Дилан во всю улыбается, как бы щеки не треснули. Отвожу от него взгляд и на мгновение теряюсь. Мне нужно что-нибудь сказать или сделать, пока корона самодовольства Дилана не пробила потолок.

– Пойдемте поедим, – предлагаю я.

Рассаживаемся за столом, Лея будто ожила, поток вопросов к Дилану не останавливается. Он отвечает на все. На кухне царит атмосфера непринужденности. Дилан отвечает на любые расспросы с легкостью и приятной улыбкой. Как будто не было трех лет, когда он и Лея не пересекались. Позволяю себе расслабиться и отпустить все на самотек. Я устала играть перед тетей и притворяться, что все в порядке, что за дверью нет никакой опасности, что мы живем так же, как и жили.

– А мама где? – спрашивает она соседа.

– Она скорее всего в Мексике. Какие-то дела по окружающей среде. Я сильно не вникал, – отвечает Дилан.

Мне кажется, или ему неприятно говорить про родите-

лей? Что-то в его лице меняется, когда Лея затрагивает эту тему.

– А ты почему с ней не поехал? – продолжает она.

– Меня никто не приглашал, – отвечает Дилан, не утратив легкую улыбку, но вот глаза выдают его.

Он переводит взгляд на меня.

– Очень вкусно, – серьезно говорит он, указывая на свою тарелку.

Киваю в знак того, что я приняла комплимент моим способностям кухарки, и никак не комментирую тот момент, что этим самым комплиментом он ушел от разговора про маму. Перевел тему, которую Лея тут же подхватывает.

– Ой, Октавия так старалась. – Тетя наклоняется над столом и шепчет, но я, к сожалению, все слышу. – Она даже накрасилась и подкрутила кончики волос. Дважды меняла наряды.

Да что б...

Теперь мои щеки не просто красные, от них уже идет жар, который точно чувствуют все присутствующие за столом.

– Какой фильм будем смотреть? – спрашиваю я, чтобы увести Лею в другую колею.

– Он вам понравится, – обещает она. Дилан поднимает бровь, в вопросительном жесте, и Лея отвечает на немой вопрос. – Титаник.

– Никогда не видел, – сообщает сосед.

Лея переключается на меня и спрашивает:

– Можно?

– Иди включай, я уберу со стола и присоединюсь, – мягко отвечаю я.

А еще мне нужно время, чтобы неловкость от твоих слов перестала бросать меня в жар.

– Дилан поможет тебе убрать со стола, – говорит Лея уже выпорхнув из кухни.

Стоит мне остаться наедине с Диланом, как я не знаю, куда себя деть. Зачем Лея сделала акцент на том, что я готовилась к этому ужину? Я ведь не ради Дилана прихорашивалась, просто хотела выглядеть нормально. Не как вечно бегущая девушка среди чудиков. А как домашняя, психически здоровая особа.

– Мне нравятся твои завитки, – мягко говорит Дилан и тем самым еще больше вводит меня в краску.

– Прекрати, – прошу я. – Я просто помыла голову.

Тут же вспоминаю, как стояла перед зеркалом с плойкой в руках.

– Разумеется, – протягивает Дилан. Ставит локти на стол и подпирает ладонями подбородок. – Октавия, это нормально – прихорашиваться ради меня.

Бросаю в него салфетку, а он только смеется. Ткань пролетает мимо, как и мои попытки отделаться от общества соседа.

– Иди в кинозал, я все сама уберу, – приказываю я, поднимаясь из-за стола и отворачиваясь от собеседника.

Моим щекам конец. Они шкворчат.

– Я помогу, – настаивает он.

– Иди отсюда.

– Нет.

– И зачем я тебя звала? – спрашиваю я сама у себя, но отвечает мне не внутренний голос, а Дилан:

– Чтобы тебе не было так одиноко.

Резко оборачиваюсь. Он стоит прямо за мной. Зачем так близко-то? Ты уже должен быть в кинозале! Собираюсь с мыслями и пытаюсь вывернуть ситуацию с моим прихорашиванием.

– Ты ведь знаешь, что Лея не выбирает слова при общении? – серьезно спрашиваю я.

– Да, – выдыхает Дилан и мягко улыбается, рассматривая мое лицо. – И это делает ее самой искренней в доме.

И ведь не поспоришь.

Дилан пытается помочь с уборкой, но я то и дело натыкаюсь на него, и это раздражает. Кухня никогда не была маленькой, но сейчас мне в ней тесно настолько, что кислорода не хватает.

– Иди уже, – прошу я, толкая его в плечо.

Под тихий смех он все же уходит. Прислоняюсь бедром к столешнице и прячу лицо в ладонях. Надо нырнуть в ледяную воду, чтобы остудить щеки.

Невыносимый.

Даю себе минуту на успокоение и медленно дышу, при-

крыв веки и пытаюсь поймать дзэн.

Убираю на столе и, сходяв за пледами, спускаюсь на подземный этаж. Дверь в кинозал приоткрыта, и я отчетливо слышу, какой момент фильма идет именно сейчас. Вхожу и закрываюсь внутри. Прохожу по темному помещению, освещенному лишь огромным экраном и укрываю Лею.

– А где попкорн? – спрашивает она.

– Я забыла его купить, – лгу я.

Лея не успевает загрустить, ведь сейчас Джек будет танцевать на самом большом корабле того времени.

Дилан кивает на кресло рядом с собой. Мнусь мгновение и все же усаживаюсь слева от соседа, кладу второй плед себе на колени.

– Ты правда никогда не видел этот фильм? – шепотом спрашиваю я, наклонившись к его уху.

Не хочу отвлекать Лею от просмотра.

Теперь Дилан наклоняется ко мне и шепчет так близко от моей шеи, что я чувствую его дыхание:

– Не было желания, ведь я знаю самый главный спойлер. Действительно.

Какое-то время мы молча смотрим фильм, меня постепенно затягивает в сон, но я стараюсь держать глаза открытыми. Чувствую на себе взгляд Дилана и прошу:

– Не пялься.

Сосед снова наклоняется ко мне и сообщает:

– Это сложно сделать, ты так красиво накрасила ресницы.

Толкая его локтем и прыскаю от смеха.

– Ты невыносим.

– Неправда. Я – душка.

Механизм сдерживания закатывания глаз дает сбой.

Около двадцати минут мы смотрим за приключениями Джека и Розы в полной тишине. Бросаю взгляд на Лею, она наблюдает за экраном с истинным наслаждением.

– Завтра я поеду встречать папу. Поедешь со мной? – спрашиваю я, в надежде, что Дилан не откажется.

– Поеду. Но мы его там не найдем.

Я не буду придавать словам Дилана вес. Я верю, что папа приплывет, и наша семья снова будет вместе. Не спорю, ведь пока не убежусь в этом сама, не успокоюсь. Дилан снова наклоняется в мою сторону и неожиданного предлагает:

– А после поездки за мистером Муром, приглашаю тебя в библиотеку.

Отвлекаюсь от экрана и переспрашиваю:

– В библиотеку? Ты срочно решил... почитать?

Он криво ухмыляется, но улыбка пропадает быстрее, чем мне бы того хотелось.

– Типа того. Я тут подумал, у меня есть средство связи с миром, но я не умею им пользоваться. В библиотеке любому будут какие-то работы об этом. Также, я никогда не видел, чтобы туман неделями держался, надо и об этом почитать и понять. Еще есть пистолет, но я его не трогаю, велика вероятность вынести свои мозги на прогулку, а я не хо-

чу, чтобы они покидали привычные стены черепной коробки. Нам нужна информация, интернета нет, придется читать книжки.

– Аппарат, что у тебя в сторожке, ты можешь передавать сообщения через него? – уточняю я, ближе наклоняясь к Дилану.

Он опускает взгляд на мои губы, к слову говоря, увлажненные суперским бальзамом, возвращает внимание к моим глазам и отвечает:

– Теоретически, да, но я не умею и боюсь пробовать что-то крутить наобум. Если сломаю, то придется идти на маяк, а там в такую погоду невозможно забраться наверх.

Да. Маяк старый. Он вообще был первым, что построили на острове. И он находится достаточно далеко от наших домов.

– Пойдешь со мной? – спрашивает Дилан.

– Конечно, – тут же отвечаю я.

Как будто сговорившись, откидываемся на спинки кресел и устремляем взгляды на экран. Ничего не вижу перед собой и мысленно прокручиваю маршруты, которые нам предстоит преодолеть в ближайшие дни.

Опасно покидать дом, но еще опаснее оставаться в четырех стенах.

Я снова не досматриваю фильм, бессонная ночь дает о себе знать, и я вырубаюсь.

Глава 12

Сию на площадке пожарной лестницы, ветер треплет волосы, бросает пряди в лицо, но я даже не пытаюсь убрать их. Туман давит на глаза так, что голова начинает болеть, но я продолжаю вглядываться вдаль. Вот-вот я увижу огни подходящего к береговой линии корабля. Осталось еще немного. Совсем чуть-чуть, и я увижу судно. Буквально пара мгновений и...

Грудную клетку сдавливает тревога. Время прибытия, которое было обозначено в билете папы, уже давно прошло, но я не могу заставить себя встать и уйти. Будто, как только мы уедем, корабль, словно по волшебству появится из пучины мглы и пришвартуется на привычном месте. Если меня здесь не будет, то на папу и не подозревающих об опасности пассажиров судна тут же набросятся чудики, блуждающие по территории порта.

Секунды превращаются в минуты, а долгожданных огней так и нет.

Дилан молча сидит рядом. В прошлую ночь он остался у меня, не стал нарушать мой мертвецки крепкий сон. Я даже не почувствовала, как сосед унес меня в комнату и уложил в постель. Спасибо, что не стал раздевать и наряжать в пижаму. Сам остался на диване в гостиной. Дилан даже Лею уложил. Она не приняла снотворное, но вроде бы спала.

Ну где же чертов корабль?

– Октавия, – тихо окликает Дилан, но я не отвлекаюсь от выискивания мифических огней во мгле. – Он не приплывет.

Упрямо поджимаю губы и даже не поворачиваюсь в сторону соседа.

– Мы уже два часа ждем, – напоминает он. Увидев мое бездействие, он использует запрещенный прием. – Лея дома одна. Не думаю, что красок и холста хватит, чтобы отвлечь ее надолго.

Прикрываю глаза, плечи опускаются.

Как же все стало сложно. Больше не существует дней, в которых мне не приходится принимать решения. Выбор постоянно стоит передо мной. Выходить из дома, чтобы добыть продукты или остаться внутри и голодать? Попытаться разузнать про радиовещатель Дилана или оставить его как есть? Отбиваться от чудиков или бежать? Примкнуть к кому-то из города или сторониться их? Поесть нормально или оставить немного на следующий день?

Все надоело.

Хочу, чтобы было как раньше.

Если бы папа мог приплыть, он сделал бы это несмотря ни на что. Прошло уже столько времени, а его нет, значит количество способов, благодаря которым он мог бы попасть на остров, ушло в минусовой диапазон.

– А что если я его больше никогда не увижу? – шепчу я.

Ком в горле не дает нормально дышать, а под прикрыты-

ми веками собираются слезы. Я не вынесу весь этот ад без папы. Он всегда был опорой, на которую я полагалась, даже не задумываясь о том, насколько это ценно и важно.

– Что-то мне подсказывает, – шепчет Дилан, – что мы много кого больше никогда не увидим.

Тяжело вздыхаю, но кислорода все равно недостаточно.

– Я вообще-то жду поддержку, – сообщаю я.

Поворачиваюсь к Дилану, он смотрит туда же, куда только что смотрела я. Он отвлекается от наблюдения за мглой и переключает внимание на мою персону.

– Я не хочу врать тебе и говорить, что ты *обязательно* увидишь отца. Не хочу, чтобы в момент, когда ты поймешь, что я солгал, ты возненавидела меня, а не обстоятельства, из-за которых это случилось, – прямо говорит он.

– А ты по своим родителям не скучаешь? – серьезно спрашиваю я.

– По каким именно? – уточняет Дилан, нахмурившись. – Родным или приемным?

Пожимаю плечами.

– По любым.

Дилан не отводит от меня взгляда и спокойно отвечает:

– Родных я не помню, поэтому и не скучаю. Приемные не смогли стать мне семьей, поэтому и по ним я тоже не скучаю.

– Пару мгновений он молчит, а потом добавляет: – Скучать по кому-то? Не вижу в этом смысла.

Не могу понять, Дилан пытается казаться толстокожим

или он на самом деле такой?

– Так не бывает, – произношу я, снова бросив короткий взгляд во мглу. Огней так и нет.

– Бывает, – спорит Дилан.

– Ты ведь был счастлив с приемными родителями. Я помню, ты сам мне рассказывал.

Дилан печально улыбается и смотрит вниз. Земли с такой высоты не видно, туман сгустился и кажется, что окружает нас со всех сторон. Дилан болтает ногами и о чем-то долго размышляет. Не мешаю ему, ведь я только что выиграла лишние пару минут на ожидание корабля. К сожалению, время молчания соседа заканчивается быстрее, чем я надеялась, и он спрашивает:

– Ты хочешь послушать обо мне, сидя на краю тумана?

Оглядываю серость. Мы действительно, как будто сидим на самом краешке разливающейся вокруг серости. Она везде и всюду. Достала.

– Внизу чудики, – напоминает Дилан.

– Чудики пусть тоже слушают.

Сосед кивает и, поджав губы, молчит. Взгляд становится отстраненным, будто он смотрит не на меня, а куда-то в прошлое.

– Я не был счастлив, когда последние приемные родители взяли меня. До них было еще четыре семьи, и нигде мне не было места. Я был слишком слабым, слишком тихим, слишком пугливым – это никому не нравится. Это *мне* не нрави-

лось. Осложняло жизнь. — Он замолкает, а на лицо ложится печаль, я четко вижу ее в глазах. — Скажем так, мне было плохо в предыдущих семьях. И я был уверен, что в этой будет так же. Но увидев дом, я охренел, даже не думал, что бывают такие шикарные жилища. Мне сразу же предоставили собственную комнату, которая запиралась изнутри. Мне дали время, чтобы я привык и осмотрелся. Сначала я находился в постоянной боевой готовности, ждал что меня будут обижать или скоро вернут под крыло службы опеки. Я не мог понять, *зачем* таким богатым людям нужен *чужой* ребенок.

— Они не могут иметь детей, — произношу я. — Так мне папа объяснял, когда я спрашивала у него, откуда ты взялся у соседей.

Дилан кивает.

— Да. Не могут, потому что мать в детстве чем-то переболела. Они бы и жили себе спокойно дальше, но отец решил баллотироваться в мэры. Ты этого скорее всего не помнишь, была еще малявкой. Им нужна была картинка семьи, ведь отцу не хватало всего лишь немного голосов. Они подумали и решили, что ребенок поможет им в достижении цели.

— Не может быть, — шепчу я.

— Может. Они выбирали меня, как щенка. Им нужен был голубоглазый мальчишка с темными волосами, чтобы хоть немного походить на отца. Симпатичный, не толстый и не болезненно худой. Не подросток, с подростком сложно и они никому не нравятся. Не младше семи лет, чтобы он уже сам

мог о себе позаботиться в базовых потребностях. Я им по-
дошел.

Последние слова Дилан произносит с долей злости.

– Мне жаль, – шепчу я.

– Не жалею меня. Они лучшая семья из тех, что у меня были. Они обеспечивают меня, отец учит ведению дел, ведь их капиталы – мое наследство, а я не должен его просрать. Они никогда не показывали ко мне нежности, но это тоже нормально. Они и друг к другу ее не проявляли. Все это было только на камерах, в прессе, на приемах, а без них все мы – партнеры по ведению семьи к вершинам.

Как же разительно отличаются наши семьи. Мне печально, что Дилан не испытывал той поддержки и любви, в которой я купалась и принимала как должное.

– Но он не стал мэром, – вспоминаю я.

– Нет. Его оппонент сделал более рискованный шаг, – сообщает Дилан и хмыкает с улыбкой на губах. – Его жена была беременна и посещала все, что только было можно на острове и везде давала обещания сделать для детей остров лучшим местом на всей планете. Моему отцу не хватило одного процента голосов, чтобы одержать верх и занять желанный пост.

– Ты мне не рассказывал об этом.

– Конечно, не рассказывал. Это секрет, который нельзя было разглашать. Об этом мне напоминали каждый день.

– Дилан, – начинаю я, но он не дает договорить.

– Не жале́й меня, – со зло́стью просит он. – Не надо этого. Я вытянул счастливый билет и жил в удобствах, о которых большинство даже не может помыслить.

Но тебя не любили.

Я не говорю этого вслух, но кажется, Дилан понимает ход моих мыслей и яростно проводит ладонью по волосам.

– Не надо было говорить, – шепчет он. – Мне было нормально. Да мне и сейчас нормально.

– Мы ведь друзья, ты можешь сказать мне все что угодно, – искренне произношу я, убирая ветром растрепавшиеся пряди с глаз.

– Закрываем эту тему, не хочу обсуждать тему родителей. Пора возвращаться, – проговаривает он и поднимается.

Бросаю последний взгляд в пучину мглы и тоже встаю. Дилан уже спускается по пожарной лестнице, старается делать это как можно тише, но стоит ему наступить на последнюю ступень, как та протяжно скрипит.

– Поторопись, – просит он, и я уже не стараясь сохранить тишину, как можно быстрее топаю вниз.

Мы видели чудиков, когда бежали к торцу здания, но из-за долгого ожидания добычи, они снова разбрелись кто куда. Страх перед ними никуда не исчез, но я приказываю себе смириться. Именно так я буду относиться к произошедшему с людьми. Они изменились и стали смертельно опасными. Что я могу сделать в этом случае? Быть аккуратнее, перепроверять заперты ли двери в доме. Запасаться едой и топли-

вом и прочими необходимыми вещами. Стараться не пересекаться с чудиками и городскими, которым удалось остаться в рассудке. А если встречу? Бежать. А если не получится бежать? Выживать любой ценой. Также я наконец-то поняла, мне придется вывести Лею из дома и показать ей новую реальность. Я должна подготовить ее к тому, что если со мной что-то случится, ей придется заботиться о себе самостоятельно. Это будет невозможно, если я постепенно не введу ее в курс дела.

Не успеваю встать на землю, как Дилан хватает меня за руку, и мы со всех ног несемся к припаркованной неподалеку машине.

В этот раз нам везет, и первый чудик вырисовывается из тумана, когда мы оба уже в салоне автомобиля.

Дилан заводит двигатель, и мы уезжаем.

На сердце тяжесть, о которой я предпочитаю молчать. Я скучаю по папе и не хочу принимать мысль, что мы никогда не встретимся.

Мне жаль, что я не была Дилану таким другом, которому он мог бы рассказать о ситуации в его семье. Ему нужна была поддержка, хотя он никогда в этом не признается. А может и вовсе не поймет.

Разговор о его семье будто отдалил нас друг от друга.

Когда машина выруливает с территории плато, бросаю на Дилана внимательный взгляд. Он сосредоточен на дороге и, кажется, корит себя за откровенность недавнего диалога.

Всю дорогу до дома мы не разговариваем, и только на закате дня я получаю «Любовное послание», в котором Дилан напоминает о посещении библиотеки завтра в двенадцать часов ночи.

Читаю записку и зажигаю фонарь над окном ровно в десять. Жду ответного знака от соседа, но его фонарь так и пребывает во тьме.

Спустя пять минут ничего не меняется.

Спустя десять минут ничего не меняется.

Дилан не подает сигнал, а значит, у него что-то произошло.

Твою ж мать...

Глава 13

Первое, что я делаю, бегу на кухню и достаю скалку. Замираю и смотрю на нее, будто впервые увидела. Отчего я вообще решила, что кусок деревяшки будет достаточным противником для чудиков? Осматриваю шкафы и понимаю – единственное, что действительно можно назвать оружием – ножи. Но я не буду брать их с собой. Я не смогу ими воспользоваться. Треснуть скалкой это одно, а вот применить холодное оружие, совершенно другое.

Залетаю на второй этаж и запыхавшаяся заглядываю в комнату Леи. Она сидит на краю кровати и расчесывает волосы.

– Лея, я выйду на минуту, скоро вернусь, – тараторю я.

– Они всех нас убьют, – говорит она, смотря сквозь меня. Ее слова выбивают почву из-под ног.

Мне и без этого страшно.

– Кто они? – еле слышно спрашиваю я.

– Всех, – шепчет тетя.

По рукам пробегает озноб. Почему она сказала это именно сейчас, а не завтра, например?

Из-за переполняющих эмоций, всех оттенков страха меня начинает трясти.

– Я скоро, – бросаю, стараясь выкинуть слова тети из головы.

Бегу вниз, чуть не спотыкаясь о свои же ноги и торможу возле двери. Света на соседнем доме так и нет.

Что случилось?

Сердце колотится о ребра, дыхание рваное, будто я участвовала в марафоне. Мне жутко страшно выходить на улицу, но если Дилану нужна помощь, я должна оказаться рядом. У меня нет выбора и даже его иллюзии. Одной мне не протянуть. Не хочу терять его и... набираю код и выхожу из дома. Запираю дверь и быстрым шагом вхожу во мглу.

Толком ничего не видно, но я уверенно продвигаюсь вдоль тропинки. Постепенно вырисовывается ландшафт, который я долгие годы видела со своего участка.

Из дома не разносятся никакие звуки. Хорошо ли это? Что если чудики разбежались по округе, и один из них прямо сейчас за моей спиной?

Оборачиваюсь так резко, что чуть не теряю равновесие. Я сама себя пугаю сильнее, чем чудики. Надо успокоиться. Не знаю как, но я обязана взять нервозность под контроль, иначе инфаркт свалит меня. Так и буду валяться среди разбросанных на вечеринке стаканчиков. Каких же грязнуль пригласил Дилан.

Нужно проверить сторожку.

Прислушиваюсь, но из-за ветра и шума в ушах тяжело распознать подозрительные звуки.

Двигаюсь в сторону бассейна, чтобы попасть в сторожку, нужно зайти на самую дальнюю часть владений.

Ветер бросает в лицо нестерпимую вонь. Отворачиваюсь и зажимаю нос. Что за ужас? Тошнота подступает к горлу, но я все равно продолжаю идти и через десяток шагов нахожу причину ужасного запаха. Друг Дилана, о котором он рассказывал, плавает в подсвеченном бассейне. Его тело распухло и отдаленно напоминает человеческий облик.

Сгибаюсь пополам и зажмуриваюсь, чтобы избавиться от видения, но быстро открываю глаза. Хоть во мгле и плохо видно, но с закрытыми глазами вообще ничего. Опасность давит на затылок, и я продолжаю идти. Шаг за шагом приближаюсь к сторожке. Дверь закрыта. Надеюсь, она не заперта, и я смогу там спрятаться в случае появления чудиков.

Меня бросает в жар, а потом в холод. Трясусь сильнее, чем когда-либо.

Если Дилан уснул или забыл про фонарь, я придушу его.

Сначала обрадуюсь, что он жив, а потом прибую.

Открываю дверь, облегченно выдыхая – не заперто, и осматриваюсь в первой комнате. Их тут теперь две? Видимо, разделили для удобства. Одна является спальней, вторая – пунктом, где охранник мог просматривать камеры. Экраны горят, показывая серую картинку, но я вернусь к ним позже. Прохожу в спальню. Узкая кровать аккуратно заправлена, на стуле перед столом с открытой банкой тунца лежит спортивная сумка. Слева установлена узкая раковина.

Дилана нет.

Возвращаюсь к камерам и просматриваю их. Это не запи-

си, время настоящее.

– Вот черт, – шепчу я не своим голосом, приныкая ближе к правому экрану.

Мужчина в шапке проходит рядом со сторожкой. Тот самый, что подходил к моему дому. Черт. Замираю и даже задерживаю дыхание. Кошусь на дверь и жду, что вот-вот повернется ручка и сюда залетит чудик. Надеюсь на неуязвимость скалки. Снова прилипаю взглядом к экрану, стараясь быть тише тишины. Чудик бесцельно ходит по заросшему газону. По картинке понятно, что вонь из бассейна никак его не тревожит, но вот он замирает и поднимает лицо к небу. Стоит так около минуты, а потом срывается с места и бежит.

– Куда ты?

Переключаюсь с одной камеры на другую, но я не знаю, в каком порядке они расположены и трачу драгоценное время на то, чтобы снова найти его. Нервозность сдавливает ребра.

– Вот он.

Чудик снова замер. Недалеко от сторожки. Вроде бы. Из-за тумана плохо понимаю, какая это камера и на что она направлена. Замечаю... на картинке что-то не так. Какой-то блик появляется всего на мгновение, но я тут же приближаю изображение и нахожу идеальный черный круг среди травы.

Чудик стоит на расстоянии пары метров от люка.

– Так, если это люк, то он на этой стороне участка. У нас так, – шепчу я.

Надеюсь, что проектировщик, который создавал дома, не

решил сыграть в импровизацию с люком.

Блик снова появляется из черноты.

Кто-то светит оттуда? Или это камера играет так?

Если там Дилан, то что он, черт возьми, забыл под землей?

– Надо увести оттуда чудика в шапке. Как это сделать? –

Разговор с собой помогает, я тут же вспоминаю горожан, которые привлекают чудиков звуком. – И зачем я тогда выкинула аппаратуру в воду?

Кладу скалку на стол и прячу лицо в ладонях. Что мне делать?

Телефон. У меня с собой сотовый. Он все равно больше не нужен, но я каждый раз беру его с собой. Привычка, о которой я даже не задумывалась. Все важные фото есть у меня на ноутбуке, а контакты теперь вообще не нужны. достаю сотовый из кармана и завожу будильник, который заиграет через десять минут. Надеюсь, мне хватит этого времени, чтобы выйти из сторожки, отойти от нее, оставить телефон и скрыться за углом дома.

Сердцебиение даже не пытается прийти в норму. Ладони липкие от пота. Лишь бы не выронить телефон и успеть унести его подальше.

Хватаю скалку, бросаю последний взгляд на экран, чудик так и стоит там. Бликов из люка больше нет.

Выхожу и прислоняюсь спиной к двери. Осматриваюсь и под барабанную дробь сердца иду прочь от сторожки, кладу телефон на землю и подбегаю к углу дома. Зажимаю нос,

чтобы не чувствовать запах, но это бесполезно, он уже проник внутрь и тревожит тошноту, призывая ее к выходу. Не могу отметить варианта, что меня тошнит не только от вони, но и от удушающего страха.

Когда будильник подает первый сигнал, сердце ухает вниз. Сжимаю скалку с такой силой, что дерево может треснуть. Чудика не приходится долго ждать, уже через несколько секунд я вижу бегущий силуэт. А потом второй...

Дело дрянь.

Наш друг в шапке не один.

Обхожу дом и оглядываясь по сторонам ищу люк. Когда черная дыра показывается в поле моего зрения, тут же сажусь возле нее и заглядываю.

– Дилан? – еле слышно шепчу я.

Свет снизу ослепляет.

– Октавия? Какого черта? – шипит сосед из преисподней.

– Ты не зажег фонарь, идиот! – рычу я максимально тихо.

Пытаюсь проморгаться.

– Не успел.

– Выползай! – приказываю я.

Дилан выбирается наверх.

– Что ты там делал?

– Жизнь спасал, – говорит он, выбравшись наружу, и хватается меня за руку. – Уходим, тут где-то чудики бродят.

А я как будто не знала.

– Они сейчас заняты моим телефоном, – сообщаю я, пы-

таясь проморгаться от бликов, что пляшут перед глазами из-за дурацкого поступка Дилана. Зачем он светил мне в лицо?

И тут до меня доходит.

Я больше не слышу звука рингтона.

– Дилан, – шепчу я. – Они закончили с моим телефоном.

Из тумана выпрыгивает мужчина в шапке. И это последнее, что я успеваю увидеть. Он сбивает меня с ног так неожиданно, что я даже пискнуть не успеваю. Пятки отрываются от земли, и меня отбрасывает назад. Череп разрывает от боли, и я проваливаюсь во тьму, но она длится слишком мало. Кто-то дергает меня за руку, и я, мыча, пытаюсь принять сидячее положение.

– Бежим! – во всю глотку орет Дилан.

Полностью потерявшись в пространстве, стараюсь встать, но ничего не получается. Дилан практически волоком тащит меня по газону. Чувствую, как по шее бежит что-то теплое. Сосед неожиданно отпускает меня, и я падаю лицом в траву. До слуха доносятся звуки возни. Переворачиваюсь на бок. Присматриваюсь и кое-как поймав концентрацию взгляда, наблюдаю, как Дилан с кем-то дерется. Они оба падают, катятся, один встает и бежит на меня. Выставляю руку вперед, будто это поможет спастись. Меня хватают за руку и снова тащат.

Вырываю руку из захвата Дилана и с трудом поднимаюсь на ноги. Меня шатает, но это меньшее из зол. Я слышу рык за спиной.

– Сюда!

Бегу на голос Дилана, ноги заплетаются. Двигаюсь на чистом адреналине. Врываюсь в пространство сторожки на всей скорости, сбиваю стул и потеряв равновесие из-за головокругления, падаю в углу. Максимально не грациозно.

Хватаюсь за затылок.

– Боже, – протягиваю я.

Слышу себя издалека.

– Ранена, – говорит, а не спрашивает Дилан.

Поднимаю на него расфокусированный взгляд и вижу только силуэт, а потом их становится два. Снова один. Четыре. Они все двигаются в моем направлении. Удары о дверь сторожки не умолкают, но я слышу их будто из колодца.

– Я снова, – начинаю я.

– Что? – переспрашивает Дилан. Он садится передо мной и все четыре его проекции срастаются в одну.

– Я снова потеряла скалку, – выдавливаю я и чувствую, как тело обмякает.

Глава 14

Прихожу в себя на узкой кровати в сторожке Дилана. Просыпаюсь не оттого, что выпалась или кто-то трясет меня за плечо, сон прогоняет тихий сюсюкающий голос соседа, которого я недавно спасла из колодца. Приподнимаюсь на локте и касаюсь затылка. На голове повязка, а под ней шишка размером с грецкий орех. Бинт еле держится, кажется, что его наматывал самый неумелый в подобных делах человек.

Голова болит везде, а не только в месте ушиба. Это я еще хорошо отделалась, а ведь могла и остаться там... на траве. Осознание ужаса обрушивается снежной лавиной. *Я чуть не погибла.* Это не преувеличение. Не пытаюсь раздуть из уголька пламя, оно само разгорается. Я могла удариться немного сильнее и погибнуть на месте. Чудик в шапке и его друзья разорвали бы меня на части.

Боже...

Каждый раз, когда я покидаю дом, может стать последним. Опасность теперь повсюду.

Резкая боль бьет по глазам, веки опускаются, и я больше не вижу спину склонившегося соседа.

На борьбу с тошнотой уходит около минуты. Сражаюсь с ней, как с самым яростным врагом. Стоит вспомнить беготню по участку, тело в бассейне, силуэты во мгле, как по телу проходит озноб.

Дилан продолжает сюсюкать. Не могу разобрать ни единого слова, речь льется потоком, который я должна остановить.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я и поднимаю веки настолько, чтобы боль снова не резанула по вискам.

Спина сидящего на полу Дилана моментально выпрямляется. Он еще что-то бросает на сюсюкающем языке, оборачивается и улыбается во все зубы.

– Очнулась. Ты меня напугала, больше не разбивай голову, – просит он.

– Постараюсь, – говорю я, спуская ноги на пол. – Ты сюсюкал только что.

– Не-е-ет, – протягивает он.

– Да. – Головокружение снова заставляет меня закрыть глаза. Вспоминаю, из-за чего вообще оказалась здесь и тут же обвинительным тоном сообщаю: – Ты не включил фонарь.

– Недоразумение.

Поднимаю веки, и злость, с которой я смотрю на Дилана, точно читается на моем лице. Не исключая, что мои глаза смогут пристрелить соседа на месте.

– Недоразумение? – глухо переспрашиваю я. – Так ты называешь посещение колодца? Дилан, меня чуть не убили. Что ты там делал?

Он тяжело вздыхает и рассказывает:

– Я открыл люк, надеялся, что чудики попадают туда один за одним, а я бы потом закрыл их там и все. Что-то типа

ловушки.

– Там есть лестница, – напоминаю я. – Ты по ней и вылез.

– Но чудики по таким не умеют забираться, – с интонацией знатока по чудикам произносит он. – Мы были у причала, залезли по пожарной лестнице, и что сделали наши несмышленные друзья? – спрашивает он и тут же сам отвечает: – Правильно, ничего.

Пытаюсь уложить сказанное им по полочкам. Действительно, по таким лестницам чудики не забираются. Но по обычным, тем, что в доме Дилана, они бегают достаточно бодро.

– И? – продолжаю допытываться я. – Ты открыл люк, и в этот момент чудик появился? Я не понимаю, как *ты* оказался в колодце.

Дилан мнется, но все же рассказывает:

– Не совсем. Я открыл люк и пришел сюда. Наблюдал по камерам и увидел, что чудик бежит по участку, он целеноправленно неся в сторону ямы, но остановился рядом с ней, кружил какое-то время, а потом убежал. Я пошел проверить, что он там заметил и услышал нашего нового друга, – на последних словах Дилан снова делится со мной улыбкой.

Но мне не до улыбок.

– Нового друга? – переспрашиваю я. – У тебя и так полный двор *друзей*. Считаю, лимит уже превышен.

– Не язви, – просит он.

Дилан расстегивает молнию на спортивной ветровке и от-

туда выглядывает разношерстная мордочка.

– Котенок, – говорит он. – Завалился в колодец, а вылезти не мог. Я полез за ним, и в это время чудик снова пришел. Я ждал, когда он уйдет и пропустил десять часов.

Не веря, смотрю на котенка и спрашиваю:

– Я рисковала жизнью ради *кота*?

– Ради *котенка*. Ты посмотри какой он ма-а-аленький, – произносит Дилан изменившимся голосом и тут же прокашливается. – Этот милаш теперь будет с нами.

Котенок. Отлично.

– Чем ты будешь его кормить? – спрашиваю я. – Нам самим нечего есть.

У Дилана на все есть ответ и он его выдает моментально:

– Придумаю, найду, украду, если будет надо.

– Отличная у нас команда, – со стоном произношу я. – Любитель вечеринок, домашний цветок, облезлый кот и единственный взрослый, который один не протянет и недели.

– Нет в тебе духа авантюризма, – замечает Дилан, поглаживая кота.

– Твоего на всех хватает.

Около минуты мы ничего не говорим, смотрим на котенка, который благодарно жметя к Дилану и даже не пытается сбежать. Мелкий подхалим.

– Как себя чувствуешь? – спрашивает спасатель котят.

– Не знаю, – признаюсь я. – Голова едет, немного тошнит и хочется пить.

– Из библиотеки нужно еще прихватить несколько медицинских учебников, – предлагает Дилан.

С этим я спорить не собираюсь. Видимо, никто из нас не знает, что нужно делать, а чего категорически нельзя, если у тебя такой сильный ушиб головы. Надеюсь, я не очень сильно стрясла мозг, он мне еще пригодится.

– Отложим поездку в библиотеку на пару дней? – спрашиваю я, осознавая, что сейчас из меня не слишком полезный напарник.

– Конечно. Книги подождут. – Дилан отводит от меня взгляд, смысл которого я не успеваю осознать, и говорит: – Можешь заночевать здесь.

Вот черт!

– Который час? – в ужасе спрашиваю я.

Как давно меня нет дома? Лея наверное сходит с ума.

– Час, – отвечает Дилан.

Вскакиваю с кровати, и голова тут же едет кругом. Против воли плюхаюсь на задницу, мычу от боли и головокружения.

– Мне надо домой, – пишу я.

– Не получится. Чудики за дверью, – серьезно сообщает сосед.

Преодолев тошноту и головокружение, встаю, прохожу мимо Дилана и смотрю на экраны. Три чудика ходят туда сюда.

– Надо их отвлечь, – предлагаю я. – Ты будешь приманкой.

– Нет, – резко отрезает Дилан. Поворачиваюсь к нему, и

он спрашивает: – Помнишь, что я тебе говорил?

– Ты много чего говоришь, всего и не запомнить.

– Про выбор между тобой и Леей.

– Не начинай, – прошу я.

– Октавия, – повысив голос, начинает Дилан. – Если тебе и удастся выбежать, то ты можешь рухнуть где-нибудь по пути домой, и чудики сожрут тебя до костей.

– Не нагнетай.

– Они будут вгрызаться в тебя...

– Все, хватит! – кричу я и хватаюсь за виски.

Дилан, к счастью, замолкает.

Слишком живо представляю, что может произойти по дороге до дома, и что тогда будет делать Лея? Она ведь даже выйти никогда не сможет. Продуктов максимум на несколько дней.

И все это из-за кота.

– Можешь взять мою футболку. У тебя кофта сзади в крови, – говорит Дилан, продолжая гладить котенка. – Мы не будем подглядывать, пока ты переодеваешься.

Одежда приклеилась ко мне намертво из-за засохшей крови. Молча обхожу Дилана и его нового друга. Голова снова кружится, и я быстро сажусь на кровать.

Придется остаться.

Прошу футболку, и сосед достает одну из сумки. Честно отворачивается, а я вступаю в борьбу с присохшей одеждой. Сил уходит больше, чем я планировала. Вся задняя часть

шей стянута и мне нужно смыть кровь, чтобы не запачкать постельное и не беситься от неприятного ощущения, их и без этого достаточно.

– Намочи тряпку, сотри, пожалуйста, кровь, – прошу я, ощущая новую волну головокружения. Даже малейшее действие заставляет меня насильно удерживать сознание в узде. Поворачиваюсь спиной, прикрыв руками грудь, спортивный топ и без меня с этим справляется, но стеснительность никто не отменял. Закопослушный гражданин бы удовлетворенно кивнул, но этот гад куда-то пропал и носа не показывает. Подумал, что с меня достаточно и ушел напоминать о нормах поведения и морали другим? Не хочу, чтобы он бросал меня, ведь в этом случае я могу стать ужасным человеком.

Слышу звук воды, а потом два шага в мою сторону. Дилан касается спины тканью, и я вздрагиваю от неожиданности. Холодная. Сосед молча и слишком медленно стирает кровь. Позади раздается мяуканье, прикрываю глаза. Теперь не только Лея может выдать наше местоположение в самый неподходящий момент.

– Все. Одевайся, – разрешает Дилан.

Натягиваю заимствованную футболку, стараясь не сбить бинт и снова сажусь на кровать.

– Как ты его назвал? – спрашиваю, посмотрев на котенка.

– Пока не решил. Может, Люк? Символично. Или Счастливчик? Ему ведь повезло, что я его спас.

– Ему повезло, что ты спас его. А тебе повезло, что я спас-

ла тебя.

Я не устану об этом напоминать.

– Мы отличная команда, – говорит Дилан и посылает мне легкую улыбку.

Решаюсь дождаться, когда чудики уйдут от двери, но даже когда часы сообщают, что время два ночи, я сдаюсь, а чудики нет.

– А ты где будешь спать? – спрашиваю, осматривая комнату. – Тут негде.

– Добегу до дома и залезу в свою комнату, – пожал плечами, предлагает Дилан.

– Ты дурак? – серьезно спрашиваю я.

Дилан прищуривается и пару мгновение его взгляд бежит по моему лицу.

– Нет, – отвечает он. – Просто жду, когда ты великодушно пригласишь меня разделить с тобой постель.

Закатываю глаза и тут же жалею об этом. Виски простреливает острая боль.

– Я не против, ты только руки не распускай, – прошу я.

– А ты если захочешь, можешь распустить.

Фыркаю и ложусь на край, прикрываю глаза, слышу, как Дилан говорит коту:

– Посиди тут, мне надо раздеться.

Слышу шуршание одежды и приоткрываю один глаз. Дилан все так же стоит при параде и, расплывшись в улыбке, смотрит на меня.

– Опять подглядываешь, – замечает он и тихо смеется.

Ничего не могу с собой поделать и улыбаюсь. Закрываю глаза и говорю:

– Больно надо.

Через минуту Дилан ложится позади меня и спустя еще три еле слышно спрашивает:

– Я могу тебя обнять?

Отчего-то сердце сильнее необходимого ударяется о грудную клетку, и не успев обдумать, я так же тихо шепчу:

– Можешь.

Приподнимаюсь и Дилан просовывает руку у меня под шей, прижимается всем телом к спине и обнимает за талию. Меня тут же бросает в жар, стараюсь дышать ровно, хотя это сделать достаточно сложно. Дилан не должен так на меня действовать, мы ведь друзья. Точнее, были ими три года назад.

– У тебя слишком быстро бьется сердце, – говорит он мне в перебинтованный затылок. Я ничего не отвечаю, и Дилан добавляет. – У меня тоже. Это нормально.

Он будто успокаивает меня. Хотя полученная информация о его сердцебиении никак не помогает успокоить свое.

Решаю притвориться спящей и ничего не говорю. Чувствую, как котёнок забирается на нас, сворачивается в клубочек и мурчит. Шерстяная подлиза.

Глава 15

С момента спасения кота прошло больше недели. За это время я ни разу не покидала дом. Одновременно старалась выполнить два задания, которые поставила сама себе.

Первое, присматривать за Леей и не выпускать ее из дома, и попытаться объяснить, что мир изменился. Это становится невыполнимой задачей. Рано или поздно она доконает меня, и я сдамся. Какие отмазки я только не придумывала. У нас уже была эпидемия холеры, непогода, опасная стая бродячих собак, неполадки с дверью и еще около пары десятков веских поводов не покидать уютный безопасный дом. Стоило мне завязать разговор о чудиках, Лея начинала вести себя, как капризный ребенок, она не верит мне, а доказать я пока не могу. Нет никакой гарантии, что если Лея увидит чудика, то запомнит об их существовании.

Второе, выздороветь. Это оказалось сложнее, ведь будь иные времена, я бы уже посетила доктора и прилежно выполняла поставленные задачи. Принимала бы лекарства и с удовольствием соблюдала постельный режим.

К доктору я, естественно, не поехала, по причинам, о которых и думать не хочется.

Практически каждую ночь мне снятся кошмары. Я бегу сквозь туман, а за мной несутся чудики. Вся печаль бега во сне в том, что он абсолютно бесполезен. Какие бы усилия

я не прилагала, как бы бодро не шевелила ногами, чудики всегда быстрее меня. Они ловят меня практически на самом старте и вгрызаются в плоть: руку, ногу, шею. Шея отчего-то самое любимое их место. В этот момент я обычно просыпаюсь и потом долго не могу уснуть. Лежу в кровати и смотрю в окно, потом иду в папин кабинет и наблюдаю через экран за территорией. Судорожно ищу чудиков, но их практически нет. Молюсь, чтобы они ушли как можно дальше и больше не приближались к моему дому.

За время моего восстановления Дилан трижды приносил продукты. Он не задерживается надолго и снова куда-то пропадает. Говорит, что у него неотложные дела и испаряется быстрее, чем я того желаю.

Я пыталась дозвониться до папы по телефону Леи, но результат остается прежним. Ни гудков, ни записи автоответчика, ни родного голоса. Только чертова тишина.

Мысли о том, что я его больше не увижу и не скажу, как сильно его люблю, добивают. Я уже устала прогонять наш последний разговор. Он был *обычным*. Ничем не отличался от стандартного. Он даже не был реальным, произошел по телефону – это делает еще больнее. Я пообещала папе приехать за ним. Он пошутил, чтобы я не забыла про него и не оставила одного у опустевшего судна.

Не должен так выглядеть последний разговор с самым дорогим человеком.

Вот так и бывает. Ты проживаешь каждый день, как долж-

ное, а все должно быть иначе. Жизнь нужно ценить.

Также за время добровольного заточения я пришла к неутешительному выводу. Кроме семьи, мне никто не нужен. За все эти недели, после того, как мир сошел с ума и все перевернулось с ног на голову, я вообще не думала про друзей и знакомых. Я не переживала за однокурсников и даже не пыталась позвонить подругам. Я о них даже не думала. Что это говорит обо мне, как о человеке? Ничего хорошего.

Вспоминая учебу и приобретенных на материке знакомых, склоняюсь к тому, что никто из них не думал бы обо мне, сложись у них ситуация, подобная моей.

По-настоящему я так ни с кем и не сблизилась. У меня всегда было много знакомых, но другом я называла лишь одного. Что это говорит обо мне? Назову себя – разборчивой в связях. Вполне приемлемо.

В конце больничной недели я уже прячусь от Леи. Пытаюсь найти себе и ей занятия, которые бы дали мне время на передышку от лжи и лицемерия.

Я устала притворяться, что за окном просто туман.

Замучилась придумывать небылицы, которые остановили бы тетю от побега за пределы дома. Но и правду она принимать не хочет. Я обязательно покажу ей чудика и докажу, что находиться дома – благодать.

Как же я задолбалась быть взрослой и тащить на себе остатки семьи. Но я понимаю, что кроме меня это никто не будет делать. Чтобы выжить, нужно двигаться и идти вперед.

Сейчас я застряла на месте и не могла выйти из дома, и за-
точение стало убивать во мне тягу к жизни.

Так нельзя.

Глава 16

Лея, сидя на диване, внимательно наблюдает за Диланом, который достает из спортивной сумки различные предметы и рассказывает про них так, будто готовил доклад всю прошлую неделю.

– Октавия, это тебе, перчатки надевай сразу же, будешь круто выглядеть, – говорит он, вынимая крошечные перчатки с обрезанными пальцами.

Принимаю *крутой* подарок, потому что Дилан бросает вещи, и я инстинктивно ловлю их. Темно-бежевые, с тонкой линией липучки на запястьях.

– Не буду я их надевать, – упираюсь я.

Мне было неудобно от предыдущего подарка-скалки, который я слишком быстро потеряла, а от этого подношения и вовсе уровень неловкости поднимается выше середины. Да и вообще, после ночи в обнимку, я не могу избавиться от ощущения, что Дилан постоянно за мной наблюдает, но стоит мне посмотреть на него, как он тут же отворачивается.

Дилан выпрямляется и склонив голову набок, настаивает:

– Надевай.

– Не хочу.

– Да твою ж мать, Октавия, у тебя ладони потеют от страха, я это понял еще в разгар спасения котенка. Надевай, они могут спасти тебе жизнь, – настаивает он.

Тяжело вздыхаю. Тут же представляю: я где-то вишу и от падения с придуманной высоты меня не спасает только влажность ладоней.

– Ладно, – сдаюсь я.

Еще потные ладони мы не обсуждали. Тем более *мои*.

– А это мне, – говорит Дилан, доставая кобуру. – Она на бедре должна быть. По мне, так самое неудобное место.

Он пытается ее примерить, но не понимает, с какой стороны что должно находиться. Крутит и вертит с сосредоточенным лицом и насупленными бровями.

Смотря на него, тут же вспоминаю ночь, которую провела в его сторожке. Не стоило оставаться. После неловких объятий и монолога Дилана о сердцебиении, не могу относиться к нему как раньше. Я никогда не смотрела на него как на парня, но сейчас мои глаза-предатели постоянно подмечают то, чего никогда не видели. Мне стало сложнее смотреть ему в глаза, они как будто стали еще более глубокого светло-голубого цвета. Стоит Дилану встать возле меня, как я ощущаю его присутствие каким-то неоткрытым учеными восьмым чувством. Он даже пахнуть стал приятнее.

Вот до чего меня довел конец света, я стала рассматривать в Дилане мужчину. И зачем оно мне надо? Вообще не надо.

– Где ты это взял? – спрашиваю я, заглядывая в сумку.

– Ходил по магазинам, пока ты выздоравливала. – Он становится серьезным и с нажимом интересуется. – Ты *точно* готова?

Да я уже настолько устала находиться взаперти с Леей, что готова на все что угодно. Несмотря на опасность, которая мне грозит, я жажду выйти из дома и снова оказаться с Диланом наедине. Это не означает, что я разлюбила тетю и хочу избавиться от ее общества. Вовсе нет. Единственное, что мне необходимо, чтобы не сойти с ума – переключиться. Я должна окунуться во что-то иное и на время позабыть про каждодневную ложь и сдерживание тети.

Схожу в город, побегаю от чудиков. Одним словом – выдохну. Разгружу голову, ведь в момент спасения собственной жизни не думаешь ни о чем ином.

Дилан продолжает гипнотизировать меня сосредоточенным взглядом. Ожидание ответа затягивается, потому что я задумалась и засмотрелась. Чтоб тебя.

Киваю, отвожу взгляд, чтоб не видеть Дилана. Выбесил своими голубыми глазами. В разговор в это же мгновение встревает Лея:

– Я тоже поеду. Не хочу сидеть дома.

Она говорит мне об этом с самого утра. Как только тетя узнала, что мы с Диланом едем в библиотеку, сразу заладила, что не останется дома и поедет с нами. Она ходила за мной по пятам на протяжении двух часов и повторяла *одно и то же*. Мне пришлось прятаться в ванной.

– Лея, мы ведь уже обговорили это, – напоминаю я, сжимая пальцами переносицу.

Я не вынесу продолжения этого диалога. Вообще не пом-

ню, чтобы повышала на кого-то голос. Дилан не в счет. На него я орала с пеной у рта. А нечего было нарушать мой сон своими вечеринками. Чувствую, что могу сорваться на Лею. Мысленно ругаю себя последними словами и сама вынимаю законопослушного гражданина из подвала. Кроме того, чтобы останавливать меня в вероятности правонарушений, он также отвечает и за все лучшие качества человека, что таятся внутри. Прошу его напомнить, что передо мной моя тетька, единственный родной человек, который полностью зависит от меня. Законопослушный гражданин затевает слишком долгую тираду, напоминает, насколько я безответственна, и я снова запираю его в подвале. Заколачиваю дверь огромными гвоздями. Не было запроса на обсуждение моей безответственности. Это неправда.

– Не останусь, – повторяет Лея.

С мольбой о помощи смотрю на Дилана, он переводит взгляд с меня на Лею, бросает ковыряние в сумке и подходит к дивану, садится рядом с тетей и, нацепив добродушную улыбку, спрашивает:

– А что ты хочешь себе из библиотеки?

– Оттуда ничего нельзя брать, только там читать можно, – напоминает она, демонстративно сложив руки под грудью.

Разумеется, я ей не говорила, что мы готовимся к очередному ограблению. Надеюсь, что в библиотеку не такая очередь, как в продуктовые магазины и там будет куда меньше чудиков. Желательно, ноль.

Я рассказала Дилану, что решила поведать Лее про чудиков и о том, что она в них не верит. Или не хочет верить.

– У меня там друг работает, – врет Дилан. Видела я его друзей, вон, до сих пор по лужайке бегают. – Он даст мне книгу, которую ты захочешь. Любую.

– Я выберу книгу сама, – настаивает Лея.

– Выбирай сейчас, – прошу я.

– Нет. Хочу в библиотеку.

Дилан еще около пяти минут пытается уговорить Лею остаться, но она не идет на контакт и вообще закрывается в себе. Сосед подходит ко мне и едва слышно спрашивает:

– Может, ей это... таблетки попить?

– Снотворное закончилось, – выдыхаю я.

– Дождемся, когда уснет? – предлагает он.

Бросаю взгляд на Лею.

– Она не пойдет спать, – уверенно говорю я. – Только не сейчас, когда она загорелась идеей поездки в библиотеку.

Мне сложно винить ее за желание покинуть дом. На протяжении нескольких недель держу ее взаперти. Возможно, она тоже устала от меня и хочет развеяться. Но вся беда в том, что Лея вообще не понимает, что ожидает нас за дверью. Как набраться храбрости и вывести ее наружу? Мир изменился до неузнаваемости, но она и предыдущий толком не осознавала. Запомнит ли она чудиков и поймет, насколько они опасны? Или впадет в истерику?

Все чертовски сложно.

– Если мы ее запрем дома, она ведь все равно не выйдет и к ней никто не зайдет, – напоминает Дилан.

Я уже думала об этом, но за часы, пока нас не будет, Лея может впасть в истерику. Может случиться припадок и тогда... я не могу так с ней поступить. Она не питомец, которого можно оставить на пару часов и самое страшное, что произойдет, так это испорченный диван и лужа на полу гостиной. Все намного сложнее.

– Нам придется ее взять, – говорю я, скрепя сердце.

– Отлично, – без энтузиазма протягивает Дилан. – Если что, она будет приманкой.

– Нет, – отрезаю я.

– Да я пошутил.

– Я устала сидеть дома, – обиженно произносит Лея. – Не хочу больше быть дома.

– Ладно, – начинает Дилан и снова возвращается к тете на диван. – Ты поедешь с нами, но при одном условии.

Лея бросает на меня настороженный взгляд, а потом переводит внимание на Дилана.

– Условию? – переспрашивает она.

Да уж, к условиям она не привыкла.

– Да. Ты останешься в машине и будешь сидеть тихо-тихо. Если отказываешься, то никто из нас не поедет. Все дружно будем сидеть дома. Октавия будет в перчатках, я в кобуре, а ты в обиде.

Да задолбал со своими перчатками. Натягиваю их и за-

крепляю липучками на запястьях. А они действительно классно выглядят. Я вся такая а-ля Лара Крофт, расхитительница библиотек. Мягкие, но достаточно плотные. По размеру сели идеально.

Лея долго не думает и соглашается. Убегает к себе в комнату, чтобы принарядиться, и мы с Диланом остаемся наедине.

– Мы еще можем сбежать от нее, – предлагает он.

– Я боюсь, что у нее может начаться истерика, – признаюсь я. – После истерики всегда случается приступ. Если мы сбежим, а когда я вернусь домой и увижу ее мертвую на полу холла, то...

– Я понял, – мягко останавливает меня Дилан.

Пока ожидаем Лею, занимаю ее место на диване и спрашиваю:

– Как котенок?

– Нормально. – Дилан говорит про своего питомца с мягкой улыбкой. – Ест больше, чем я предполагал. А вообще он милый малый, а как слушатель, вообще замечательный. Не перебивает и не ставит мои умозаключения под сомнения.

Он замолкает и около минуты мы сидим в тишине. Не говорим о возможных опасностях и риске взять Лею с собой. И без разговора знаем об этом.

– Она вообще ничего не запомнила о чудиках? – спрашивает Дилан.

– Нет.

– Если увидит их вживую, то никогда не забудет.

Надеюсь на это.

Удивляюсь скорому появлению Леи. Она никогда раньше не надевала в город ничего, кроме платьев и юбок. Думала, что брюк у нее вовсе нет. Но она собрала волосы в высокий хвост, облачилась в серые джинсы и тонкий темно-синий свитер.

– Отлично выглядишь, – говорю ей я, а мысленно прошу все возможные силы, чтобы поездка была легкой и неожиданные проблемы обошли нас стороной.

Лея крутится на месте, показывая свой наряд и говорит:

– Вдруг нам придется сбегать, хотела быть готовой.

Переглядываюсь с Диланом и спрашиваю у тети:

– От кого нам сбегать?

– От охранников библиотеки, – беззаботно произносит она. – Если они заметят, что друг Дилана выносит книгу из здания, то нам придется бежать.

Как бы я хотела жить во вселенной Лееных грез. Где опасность таится только в охранниках, а не в каждом встречном.

– Все-таки предлагаю ее запереть, – притворяясь, что кашляет произносит Дилан.

– Может, перенесем поездку? – предлагаю я.

Смотрим друг другу в глаза, и я понимаю, что едем мы точно сегодня. И Лея вместе с нами.

Дилан окончательно цепляет на бедро кобуру и достает пистолет из сумки. Лея вообще никак на это не реагирует, а

я в ужасе спрашиваю:

– Зачем ты его взял?

Дилан смотрит на меня, как на младенца, который только что гукнул и умилил его до безумия.

– А как, по-твоему, я буду выглядеть в кобуре, да без пистолета? – спрашивает он.

– Ты не умеешь им пользоваться, – напоминаю я.

Дилан улыбается и заговорщицки подмигивает.

– Но это знаем только мы с тобой.

– Надеюсь, ты никого из нас не пристрелишь, – говорю я, натягивая кожаную куртку.

Чувствую, как законопослушный гражданин колотит в дверь из подвала и вопит оттуда, чтобы мы не брали оружие. У нас нет разрешения, мы не умеем им пользоваться. Ко всему вышеперечисленному, оно еще и ворованное.

До чего докатилась моя жизнь.

Дилан решает разыграть сцену.

– У кого тут самые быстрые пальцы на Диком западе? – спрашивает он и резко, как ему кажется, вытаскивает пистолет из кобуры. Направляет его на стену и прикрывает один глаз. Магазин с патронами с грохотом падает на пол.

Все замираем и таращимся на утерянную часть пистолета.

– Как это вышло? – спрашивает Дилан, крутя оружие. – А-а-а, тут есть кнопочка. Теперь мы знаем, как достать обойму.

– Если ты повторишь это при ком-то постороннем, я скажу, что не знаю тебя, – признаюсь я.

Дилан улыбается, но глаза серьезные.

– Нам пора, – произносит он.

– Не переносим поездку? – уточняю я.

– Нет, – отрезает он.

Киваю, и Лея тут же соскакивает с дивана, на который уже успела забраться вместе с ногами.

В этот раз руки у меня пусты. Все скалки я растеряла, а больше и взять нечего. Если понадобится, буду хватать все, что попадется на глаза. Я думала взять с собой кухонный нож, но вовремя поняла, что я такой же великолепный мясник, как Дилан – стрелок. Быстрее пораню кого-то из нас.

Не думала, что выведу Лею из дома до момента, пока все не станет как раньше. Но ведь велика вероятность, что нормальной жизни больше не будет. Может быть, лучшим решением, является подготовить тетю к тому, что за стенами нашего дома опасно. Лея сможет это запомнить, ведь стоит ей увидеть чудика, она уже никогда не позабудет о нем... надеюсь. Я вот не забуду.

Набираю код, Дилан первым покидает холл и выходит на улицу, он берет Лею за руку и быстро ведет в сторону машины. Запираю жилище и бегу следом за ними.

На улице ночь, но проклятый туман закрывает обзор на звезды, которые здесь всегда были видны.

Ненавижу туман. Он делает обстановку хуже, чем она есть на самом деле. Разум дорисовывает ужасы, которых за пеленой может и не быть.

Из-за присутствия Леи, мне еще страшнее. Но одновременно с этим, чувствую себя более собранной. Теперь я не только себя должна спасать, но и следить за тетей.

До машины добираемся без происшествий, Лея усаживается на заднее сиденье, Дилан за руль, а я на пассажирское место рядом с водителем.

– Начало многообещающее, – говорит Дилан и заводит двигатель.

Глава 17

Здание центральной библиотеки всегда выглядело внушительно. В его постройку были вложены уйма средств и рабочей силы. Его соорудили в величественном викторианском стиле, на открытии присутствовала львиная доля проживающих не в центре. Помню тот день. Светило солнце, люди стояли на площади, движение полностью перекрыли. Красную ленту разрезали большими золотыми ножницами, ее кусок до сих пор хранится в рамке при входе в библиотеку. Торжественно, громко и пафосно.

Асимметричные фасады, декоративная деревянная отделка. Крутые скатные крыши с фронтонами и башнями – ее вид всегда привлекал мое внимание, но на фоне тумана и блуждающих людей у входа одно из самых красивых зданий острова выглядит ужасно страшным, готическим и неприглядным. В нем совершенно не хочется посидеть и почитать книгу. От него разит желанием бежать прочь, не оборачиваясь.

Дилан заглушил машину, и мы дождались, когда чудиков возле автомобиля станет меньше. Один, самый назойливый долго долбил о капот, пытался залезть на него, но в итоге бросил занятие, которое не приводило ни к какому результату.

Лея сидела на удивление тихо. Она не пыталась загово-

ритель, не спрашивала, почему люди себя так странно ведут, а я указывала ей на чудиков и объясняла, что они опасны. Запомнила ли она это?

Из-за того, что туман стал не таким плотным, как был в первые дни появления, мы можем рассмотреть больше. И мне не нравится то, что я вижу.

Город в ужасном состоянии. Меня пугает не то, что он разгромлен и везде валяется мусор. Меня вводят в ступор... тела. Со своего места я вижу троих, но их точно больше. Незвестная зараза забрала больше, чем любая известная мне болезнь. Такой короткий промежуток времени, так много жертв.

Один валяется прямо посреди дороги. Не знаю, попал ли бедолага под колеса или его настигли чудики. Может, он уже был чудиком? Недалеко от капота лежит женщина, ее руки и ноги все в засохшей крови. Они вывернуты под неестественными углами.

– Как мы войдем внутрь? – спрашиваю, не смотря на Дилана. Все внимание сосредоточенно на закрытой двери. – Библиотека может быть заперта.

Только находясь здесь осознаю, что мы вообще ничего не пытались предугадать и подготовиться.

– Разобьем окно, – предлагает он и все же привлекает мой взгляд.

– Решил собрать вечеринку из чудиков? – со злостью спрашиваю я.

– Да уж, – протягивает он и сжимает пальцами переносицу. – Они сбегутся тут же. Давай попробуем через дверь, вдруг не заперто.

– А если заперто? – допытываюсь я.

– Тогда симпровизируем.

Дилану подобный подход дается легко, в отличие от меня. Я привыкла жить по расписанию. Я всегда знала, как мой день начнется, что будет происходить в его течении, и как он завершится. Нервирует то, что у нас нет четкого плана. Приходится напоминать себе, что мир изменился, значит и мне придется подстраиваться под него. Иначе не выжить.

Оборачиваюсь к Лее, она внимательно смотрит в окно.

– Пожалуйста, не пытайся выйти, мы принесем тебе книгу, хорошо?

Тетя отвлекается от созерцания и переключается на меня. На мгновение мне кажется, что она пришла в себя, но это не так. Она просто кивает и тут же спрашивает:

– Мороженое купим потом?

– Конечно, – отвечает Дилан.

Он знает, что я стараюсь не лгать Лее по мелочам, иначе уровень ее доверия снизится и мне будет сложнее с ней справляться. Он не раздумывая берет роль лжеца на себя, за что я ему искренне благодарна.

– Буду ждать вас здесь, – недовольно произносит Лея.

Наши с Диланом взгляды встречаются. Мы оба испуганы. Тут даже не нужны слова, все читается на наших лицах.

– Держись рядом, – просит он.

Во рту пересохло настолько, что язык прирос к небу, и я только киваю.

– Выходим и быстро перебегаем дорогу, – инструктирует сообщник.

Сжимаю ручку и одновременно с Диланом открываю дверь. Выхожу в ночную прохладу, ветер тут же бросает в лицо неприятные запахи загнивающего города. Закрываю дверь как можно тише и тут же присматриваюсь, не несется ли одна из фигур в нашу сторону. Замечаю двоих, они идут налево, один за одним. Не услышали? Или посчитали этот звук не примечательным? Неважно, главное, что не обратили внимания.

Свет фонарей и зданий помогает нам быть не на сто процентов слепыми. А что будет, когда электричеству придет конец? Ведь все это время кто-то следил за работой электростанций, устранял неполадки и проводил работы в нужный срок. Чудики этим заниматься не будут. Я не умею. С ужасом жду момента, когда остров погрузится во тьму.

Дилан запирает машину, и мы обходим капот с двух сторон, становимся рядом. Дилан поправляет на плече лямку от пустого рюкзака. Уже привычное для нашей банды средство перемещения краденного.

– Погнали, – шепчет Дилан, и мы срываемся с места.

Бегу через дорогу, даже не думая о том, что нас может сбить машина, сейчас я боюсь только чудиков.

И не зря.

Двое, которых я видела недавно, заметили нас и бегут обратно. Мы вроде не шумели, но они заметили нас быстрее предполагаемого.

Сердце заходится в бешеном ритме. Ноги мелькают одна за одной, перепрыгиваю через чей-то рюкзак и бегу дальше. Взгляд цепляется за тело мужчины. В нос тут же бьет запах разложения.

Дилан уже у двери, он протягивает руку к круглой золотой ручке, поворачивает ее, и дверь тут же поддается. Забегаю первой, Дилан сразу же за мной. Запирает дверь, и в нее тут же ударяется чудик. Они так бьются, будто вовсе не чувствуют боли. Как они себе еще не переломали все кости?

В библиотеке темно. Практически ничего не видно. Единственное, что спасает от слепоты, высокие окна, которые пропускают свет с улицы, а та в свою очередь устлана работающими фонарями.

Рык разносится из глубины здания. Отступаю назад и упираюсь спиной в грудь Дилана. Даже не стараюсь отстраниться. Чтобы не получить инфаркт сию же секунду, мне нужно понимать, что я не один на один с чудиком в огромном темном здании. Законопослушный гражданин тем временем заколачивается изнутри подвала. Трус.

– Теперь надо понять, куда идти, – шепчет Дилан мне в макушку.

Молча указываю направо. Я, в отличие от него, бывала в

библиотеке десятки раз. Справа расположена полезная литература. Если у нас получится остаться несъеденными, то искать необходимое будем именно там.

– Работники библиотеки где-то здесь, – едва слышно общаю я.

Дилан никак не реагирует на это и обходит меня.

Чудики продолжают ломиться в дверь, кошусь в ее сторону и молюсь, чтобы она выдержала напор.

Библиотека была не заперта, значит внутри есть как минимум один человек или чудик. Если честно признаться, боюсь встречи с любым возможным вариантом.

Плетусь за Диланом, щурюсь, будто это поможет лучше разглядеть длинные ряды узких шкафов. У каждого установлена перекатная лестница, они прикреплены к потолку. Только благодаря им можно добраться до заставленных под завязку верхних полок. В конце дорожек, которые как паутина сходятся в центре, расставлены столы, стулья и светильники. Помню, как готовилась к экзаменам, сидя здесь и наслаждаясь тишиной, запахом книг и умиротворением. Сейчас же когда-то желанная тишина библиотеки давит на барабанные перепонки, ведь я вслушиваюсь максимально сильно, знаю – мы не одни.

Кто-то рычал.

Кто-то ходит рядом.

Кто-то наблюдает за нами?

Раскинув руки в стороны встречаю ее величество пара-

нойю. Ее как раз не хватало для полного флеш-рояля тревожника.

Дилан резко останавливается и оборачивается ко мне.

– Назад, – шипит он.

– Но научная литература там, – указываю я на стенды с необходимыми нам книгами.

Дилан бледный, это видно даже в полутьме.

Озноб пробегает по коже.

– Стой здесь и не смотри на пол, – просит он.

Стоило Дилану это произнести, как взгляд метнулся вниз. За спиной соседа лежит женщина. Боже, это ведь миссис Лэндон. Кажется, она работала здесь целую вечность. Всегда улыбчивая, милая женщина с бархатным голосом и мягким взглядом.

Она не просто умерла, ей помогли в этом. Хочется отвести взгляд, но я неотрывно смотрю на серое лицо миссис Лэндон и стараюсь не переводить внимание ниже, только не туда, где ей вскрыли живот и вытащили все, что было внутри.

– Я же просил, – причитает Дилан.

Я не могу постоянно закрывать глаза, отворачиваться и притворяться, что ничего не изменилось. Мне жизненно необходимо приспособиться. Раньше я жила *благодаря* приветливому миру, а теперь существую *вопреки* ужасному миру.

– Все нормально, – говорю я, скорее всего себе, а не Дилану.

Он с тревогой смотрит на меня, отвлекаясь от разглядывания тела миссис Лэндон и перевожу взгляд на соседа.

– Ищи книги, – прошу его я.

Как можно быстрее хочу покончить с этим и вернуться домой.

Стук о дверь библиотеки слышится издалека, как будто вход находится в другом измерении. Обходим женское тело и приступаем к поиску. Этот запах будет преследовать меня вечно.

Переходим от одной полки к другой. Все не то. Тут нет ничего приблизительно относящегося к туману, оружию или радиосвязи.

Перехожу к следующему стеллажу, заворачиваю за него, чтобы просмотреть книги с другой стороны и замираю. На полу сидит еще один работник библиотеки. Я не знаю, кто он, но форма выдает, что еще недавно он работал в самом спокойном и тихом месте на острове.

Мужчина сидит на полу вытянув перед собой ноги, спиной уперся в стеллаж. Свет из высокого окна падает прямо на него. Он уже должен был услышать нас, эта мысль выстреливает пулей в висок. Его руки в засохшей крови, голова наклонена на грудь. Может, он тоже мертв? Или он распотрошил миссис Лэндон?

Стою словно статуя. Боюсь двигаться или обозначить Дилану, что мы тут не одни.

Краем глаза цепляюсь за движение в центре библиотеки.

В просвете между стеллажами в мою сторону идут девушка в короткой юбке и парень в когда-то белоснежном спортивном костюме. С каждым шагом их скорость только увеличивается. Они меня заметили?

Сердце перестает биться только ради того, чтобы начать тарабанить с ускоренной силой.

Заставляю себя приблизиться к чудику, что сидит за стеллажом и встаю рядом с ним. Звук шагов приближается. Еще ближе и еще... Сжимаю пальцы в кулаки и поглядываю на макушку чудика.

Где Дилан? Он должен быть рядом, но пока я глазела на сидящего, он мог уже переместиться в другую часть здания.

Нужно его предупредить.

Шаги все ближе и ближе.

Цоканье каблука методично вбивает гвозди в крышку гроба моего спокойствия.

Кто-то из них рычит, и я вздрагиваю. Касаюсь лопатками полок и жду, когда чудики уйдут дальше, пройдут мимо и устремятся в сторону дальней стены. Она как раз в том направлении, куда они двигаются.

Пусть они пройдут мимо.

Пожалуйста, пусть пройдут мимо.

Главное, чтобы этот не проснулся. Если он вообще спит... опускаю взгляд, и сердце уходит в пятки. Чудик шарит рукой возле себя, практически касается моей ноги. Сдвигаю ее.

Каблук все ближе. Они уже у соседнего стеллажа.

И что мне прикажете делать? Отбиваться от чудиков энциклопедией?

Черт!

Отлепляюсь от стеллажа и плавно, как мышка от кошки отхожу от сидячего. Он продолжает шарить по полу, но уже двумя руками. Как только он поднимает голову, я втягиваю воздух. Его глаза... где они? На лице алые потеки, а вместо глаз впадины.

Обхожу его и скрываюсь за стеллажом в тот момент, когда парень с девушкой заходят за него.

Сердце колотится так сильно, что они могут услышать его. Перехожу к следующему стеллажу, туда, где должен быть Дилан, но его тут уже нет.

Дьявол!

Чувствую, как страх распространяется под кожей, поражая нервную систему. Хочу сорваться с места и побежать к выходу.

Каблук снова приближается.

Они ходят за мной?

Подбираюсь к лестнице, которая ведет на самый верх недоступных полок. *Они не умеют ползать по таким лестницам*, осеняет меня.

Взбираюсь, как можно выше.

Отсюда могу наблюдать за девушкой, которая... идет одна.

Где парень?

Он обходит с другой стороны...

Они охотятся на меня, как сложившаяся и вполне успешная стая.

На лестнице им меня не достать, но я не подумала, как мне спуститься, если они будут внизу.

Замираю и наблюдаю.

Девушка крутит кудрями из стороны в сторону. Она присматривается? Принюхивается? Мы ведь толком не знаем, с помощью чего они ищут добычу.

Слух. Это нам уже известно. А что если и запах выдает меня?

Девушка останавливается прямо подо мной. Парень еще около пяти секунд кружит на месте и замирает. По проходу ползет сидячий.

С полной уверенностью заявляю, что это самый неудачный поход в библиотеку на моей памяти.

Парень снова рычит.

Двое других чудиков не реагируют на этот звук. Почему? Он ведь шумит. Неужели они стали умнее? Это нам вообще не на руку.

Короткий свист заставляет обернуться. Дилан находится через ряд от меня, он тоже забрался на лестницу и поднимает вверх рюкзак. Вроде бы губами произносит, *нашел*, но я не уверена в этом. Указываю ему на чудиков снизу. Дилан показывает на ухо.

В этот момент снаружи здания визжит сирена. Это моя

машина.

Боже мой! Лея!

Я ведь позабыла о ней...

Беру книгу с полки и бросаю ее как можно дальше, в противоположную сторону от той, куда мне сейчас нужно бежать.

Ползучий чудик ускоряется и движется в сторону звука, парень тоже срывается и с рыком бежит на звук. Но не девушка. Она продолжает крутить головой, вижу, как ее грязные кудри вздрагивают от действий.

Беру еще книгу и снова бросаю. Еще одну. И еще.

Она не уходит.

Гадство чистой воды!

Сирена от машины орет и отзывается болью в груди.

Дилан говорил, что я должна выбирать себя, а не Лею, но это выше моих сил.

Начинаю спускаться и когда до головы девушки остается сантиметров двадцать, я прыгаю на нее. Действую, не думая.

Мы обе падаем. Ее тело смягчает мое приземление. Боль от столкновения с полом – ничто, по сравнению со страхом за Лею. Сползаю с чудачки за мгновение и бегу в сторону выхода. Бегу недолго. Один шаг. Второй мне мешает сделать девушка, схватившая меня за ногу ниже колена. Валюсь лицом вниз, успеваю подставить ладони и отпинываюсь, будто танцовщица ускоренной чечетки. Ногу отпускают, и через один громкий удар сердца я снова несусь вперед. Дилан

где-то предо мной. Краем глаза вижу, как по соседнему ряду несется чудик-парень. Мы уже выдали свое местоположение, поэтому я кричу Дилану:

– Справа!

Я хотела прокричать еще и чудик, но не успела. Воздух покинул легкие от удара в спину. Девушка догнала меня и сбила в прыжке. Мы снова завалились, и теперь мое тело послужило бустером. Мычу от боли, но стараюсь перевернуться на спину, чтобы суметь оттолкнуть гадину.

Она впивается зубами мне в плечо! Кожаная куртка спасает от прокола зубов, но боль все равно разливается жгучей лавой. Визжу, что есть дури. Ползучий чудик уже возле нас. Как он так быстро добрался?

Все сливается воедино. Какофония звуков, издаваемых чудиками, крик Дилана, мой визг и сирена за дверью.

– Не шевелись! – орет Дилан.

Невозможно выполнить его просьбу, мне рычат прямо в шею. Чувствую смрадное дыхание чудачки и брыкаюсь, как только могу.

Чудачка падает рядом. Ее голова проломлена, и я вижу мозги...

Отползаю, Дилан помогает мне подняться. Ползучий продолжает преследовать нас до самой двери.

Дилан бледный, как смерть.

Я вообще плохо понимаю, что происходит.

Вой сирены не умолкает.

Выбегаем из библиотеки, запираем дверь и останавливаемся, смотря на машину. Ее облепили по меньшей мере десятка три чудиков.

– Лея, – пищу я и шагаю вперед.

Дилан хватается меня за руку. Небо гремит, будто по нему проехала божественная колесница.

– Да стой ты! – орет Дилан.

Пытаюсь оттолкнуть его, но он сильнее. Шок и страх руководят мной. Первые крупные капли дождя падают на асфальт, и я вскидываю лицо. Словно по волшебству небо раскалывается надвое и на площадь обрушивается ливень. Из-за шума не так слышно сирену, но я знаю что она продолжает вопить.

Чудики издают ужасающие звуки. Они кричат, рычат, пищат, мычат и стрекочут во всю глотку.

Теперь Дилану не приходится меня удерживать. Я просто молча стою и смотрю на то, как от чудиков исходит пар и они разбегаются от машины в разные стороны. Их будто облили кипятком. Кожа сползает с тел, и они становятся черными. Обезумев от боли, а я ведь думала, что они ее не испытывают, чудики срывают кожу с себя и в облаке пара бегут кто куда.

– Это дождь, – говорит Дилан.

Чудики врезаются в витрины, разбивают их и как побитые собаки прячутся внутри. Там, где нет воды.

Их кожа слезает с тел и чернеет на глазах.

Их кожа слезает... и чернеет...

Им больно, но они ведь не чувствуют боли.

Почему нам дождь не вредит? Или вредит, но мы еще об этом не знаем и побочка вылезет позже?

– В машину! – командует Дилан.

Бросаюсь вперед и замечаю, что тумана нет. Он пропал! Я все вижу практически четко, только дождь мешает.

Дилан открывает машину и вырубает сигнализацию. Лея визжит ультразвуком, поэтому я запрыгиваю к ней и прижимаю к себе. Я мокрая с головы до ног. Шепчу тете слова утешения, но она в истерике, прихода которой я безумно боялась.

Дилан выезжает на дорогу и практически сразу же останавливается.

Лея бьется в моих объятиях, пытается укусить меня и не останавливаясь визжит.

– Поехали! – прошу я.

Безумно хочу домой.

– Не могу, – обреченно говорит Дилан.

Выглядываю в лобовое окно между сидений.

Дорогу нам перекрыла машина, а перед ней стоят два мужчины с автоматами, направленными на нас.

Ужасный день.

Самый мой нелюбимый день в этом году.

– Оставайся в машине, – говорит Дилан и тут же выходит из салона, напоследок хлопнув дверью. Он оставил ключ на

пассажирском сиденье. На случай, чтобы мы с Леей могли сбежать.

Глава 18

Лея никак не может успокоиться, она хватается за меня, машет руками, и в итоге ее локоть прилетает в глаз. Морщусь и пытаюсь отбиться, но так, чтобы не поранить тетю.

Схватка продолжается, хаотичные удары прилетают по плечам, животу и голове.

– Успокойся, – прошу я, стараясь поймать ее конечности.

Борьба длится несколько минут. Пару раз бросаю взгляд в лобовое окно, но мне не удастся увидеть Дилана. Что он там делает? В порядке ли?

– Хватит! – ору я, когда Лея снова попадает мне по лицу.

Я не знаю, как ее остановить. Отстраняюсь как можно дальше и шлепаю ее по щеке. Это не милое похлопывание, а звонкая пощечина. Эхо удара отзывается где-то в душе. Я никогда не поднимала на Лею руку. Даже в мыслях подобного не было, но в данный момент у меня нет времени, чтобы успокаивать ее разговорами. Что если с Диланом случилась беда и ему нужна помощь? А если его убили? Я уже должна была перебраться на водительское сиденье и дать по газам.

Лея замирает, и я тут же переключаю внимание от нее на вид за пределами машины. Сердце колотится о ребра, будто я пробежала несколько километров, не останавливаясь. Ладонь жжет, а нервная система вот-вот отпустит педаль тормоза.

Облегченно выдыхаю, когда удается разглядеть сквозь стену дождя человеческие фигуры.

Дилан жив. Это точно он. Стоит перед двумя мужчинами, те ему что-то говорят, сосед кивает.

– Ты меня ударила, – потрясенно шепчет Лея дрожащим голосом.

Возвращаюсь к ней, и законопослушный гражданин тут же выпрыгивает из своего подвала. Он читает мне долгую и нудную нотацию, игнорирую его, как только могу. Сейчас мне не до схватки с совестью. Отложу это на более подходящее время, но в тайне буду надеяться, что оно никогда не настанет.

– Прости, – искренне прошу я. – Ты истерила.

– Не было такого. – Лея глядит по сторонам кристально чистым взглядом и спрашивает. – Куда мы едем?

Снова бросаю взгляд на Дилана. Он медленно, я бы даже сказала, расслабленно идет обратно в машине. Двое, что с ним разговаривали, так и стоят под дождем.

– Не знаю, – отвечаю рассеянно.

Дилан садится за руль и тут же запирает двери. Он мокрый с головы до ног.

– Что им нужно? – в эту же секунду спрашиваю я.

Дилан машет незнакомцам, при этом улыбается и выглядит совершенно расслабленным.

– Мы едем в гости, – говорит он мне. – Если не отправимся за ними, то они откроют по нам огонь.

Дилану отлично удается скрывать свои эмоции. Я бы на его месте бежала в машину сломя голову, а забравшись внутрь, тряслась бы, как будто меня ударили током.

Глядя на фигуры за окном, спрашиваю:

– Зачем мы им нужны?

– Пытаются понять, из какой мы банды, – устало отвечает Дилан.

– Ни из какой. Нас никогда туда не приглашали. Сами мы тоже не пытались к ним попасть, – с запалом напоминаю я.

– Не верят.

Двигатель урчит, машина просыпается от краткого сна и страгивается с места. Откидываюсь на спинку и пытаюсь понять, как нужно себя вести с людьми, у которых есть оружие? Быть покладистой и честно отвечать на вопросы. Постараться как можно быстрее отделаться от них и вернуться домой.

Мыслительный процесс больше похож на хождение по лабиринту, в котором слишком много тупиков. Думаю про Лею и ее травму, так глупо нанесенную мной. Упираюсь в стену и двигаюсь в другую сторону. Что случилось с чудиками? Почему дождь так на них повлиял? Он причинял им боль и разрушал кожу. Что эти знания приносят мне? Носить с собой водяной пистолет?

Какие глупости.

Пока машина медленно едет за незнакомцами, мысли наконец-то возвращаются к цели нашего недавнего визита в библиотеку. Немного наклонившись вперед, спрашиваю:

– Ты нашел книги?

– По оружию нет, а вот по природным явлениям и радиосвязи, да.

– Уже что-то. А пистолет...

– Они забрали.

Поджимаю губы и киваю. Мы только что лишились единственного средства защиты. Ладно, что сделано, то сделано. Я просто буду покладистой и постараюсь убедить незнакомцев, что мы не примкнули ни к какой из банд.

Продолжаем ехать в тишине. К счастью Лея притихла, если бы ее истерика не закончилась, я бы вообще не знала, что делать. Если наш разговор с незнакомыми пройдет нормально, и мы попадем домой в полном составе, то я даже не буду сожалеть, что взяла Лею с собой. Да, она учинила тусовку чудиков у машины, впала в истерику и дважды ощутимо врезала мне, но для первой встречи с опасным миром, она отлично продержалась.

Осталось пережить встречу с людьми.

– Мне жутко, – признаюсь я, когда Дилан останавливается рядом с двухэтажным домом.

– Все нормально, поговорим и поедем домой.

Не думаю, что Дилан сам верит в это. Вижу, с какой силой он сжимает руль и как внимательно следит за незнакомцами.

Из машины, за которой мы безропотно следовали, выходят пассажиры и водитель. Всего четверо. Все вооружены.

– Твой пистолет бы нам сейчас не помешал, – замечаю я.

– Пришлось его им подарить. Поверь, я не хотел с ним расставаться, – безэмоционально сообщает Дилан.

В этом тоже есть плюсы. Теперь Дилан никого из нас не пристрелит. Но есть и минусы. Нас в любом случае могут пристрелить.

Водитель подходит к нашей машине и кивает Дилану.

– Выходим, – командует сосед и отпирает все двери.

Поворачиваюсь к Лее, ее взгляд больше не чистый, она снова ушла в свои миры.

– Нам нужно зайти в этот дом. Ненадолго, – говорю ей я, стараясь казаться спокойной. Даже выдавливаю из себя улыбку.

Лея берет мое лицо в фокус и кивает.

– А потом? – спрашивает она.

– А потом мы поедem домой, – обещаю я.

Выхожу под дождь. Я и без этого была мокрая с головы до ног, даже в кедах хлюпает. Беру Лею за руку, Дилан встает перед нами. Мы все смиренно ждем, когда двое незнакомцев обыщут машину. Они даже в багажник заглянули. Там осталась канистра бензина, но они не тронули ее. Я бы на их месте забрала.

– Ничего особенного, – говорит один из них и указывает нам дулом автомата на дверь. – Вперед и без резких движений.

Поднимаемся по белоснежным ступеням и входим в просторный холл. Меня трясет, но я не понимаю из-за чего. От

страха перед этими людьми или из-за холода и мокрой одежды.

В холле вообще нет мебели, но все свободное пространство заставлено большими деревянными коробами. Боюсь представить, что в них лежит. Трупы предыдущих грабителей библиотек?

Мужчина ведет нас вглубь помещения, стучит о закрытую дверь и отступает в сторону.

– Войдите, – доносится изнутри.

Мягкий женский голос обещает лучшую участь из уже придуманных мною.

Переступая порог следом за Диланом, еще теснее прижимаю к себе Лею, она не сопротивляется.

Дверь за нами закрывается, и полумрак кабинета тут же заставляет напрячь зрение. Одинокая лампа на массивном столе – единственный нормальный источник света.

На огромном кресле темного цвета сидит миниатюрная женщина. Светлые волосы собраны в идеальную баранку, ни одна волосинка не посмела покинуть прическу. Круглые очки в тонкой оправе бросают блики на лист исписанной бумаги, который женщина откладывает в сторону.

– Ронни, кто это? – спрашивает крошечная дама, осмотрев нас с ног до головы.

Как понимаю, она тут босс, но ее вид никак не вяжется с представлением, что громилами с автоматами руководит блондинка, которая мне до макушки достанет с прыжка. Воз-

можно, даже не с первого.

– Не знаю, – отвечает Ронни, – встретил их случайно, но они отказываются сотрудничать.

Бросаю на Дилана короткий взгляд и снова возвращаю все внимание на женщину. О каком сотрудничестве идет речь?

– Из какой они банды? – спрашивает блондинка.

– Мы не из банды, – отвечаю я.

Женщина не меняется в лице и переводит на меня безразличный взгляд.

– Я не с тобой разговариваю, – произносит она ровным тоном.

– Не признаются, – отвечает Ронни и только после этого женщина отводит от меня свой прицел.

Она еще раз смотрит на нас и спрашивает у Леи:

– К какой из банд вы примкнули? Банда Даниэль? Банда Падальщиков? Или какая-то новая банда, о которой я еще не знаю?

– Соловей, – отвечает Лея, и мы с Диланом тут же поворачиваемся к ней.

– Соловей? – переспрашивает женщина нахмурившись.

Ронни перехватывает оружие так, что в случае чего, быстро расстреляет нас.

Открываю рот, чтобы дать блондинке информацию о состоянии Леи, но тетя опережает меня и совершенно серьезно рассказывает:

– Птица такая, я ее никогда не видела, но когда человек

хорошо поет, говорят, поет, как соловей.

Я делаю вперед небольшой шаг и говорю, пока мне не напомнили, что со мной никто не разговаривает:

– Она не в себе, – осторожно говорю я. – Мы не состоим ни в какой банде и даже не знаем, как они называются.

– Соловья, точно не было, – спокойно сообщает блондинка. Ее внимательный взгляд перемещается от меня к Лее, а потом обратно. Она спрашивает: – Вы родственники?

– Она моя тетя, – тут же отвечаю я.

Делаю, как планировала. Веду себя тихо, отвечаю честно. Законопослушный гражданин должен гордиться мной, но его нет. Этот прихвостень появляется только когда меня надо наставлять.

Кивок и следующий вопрос:

– Где вы живете?

Я только открываю рот, но Дилан перебивает меня:

– На окраине города, на заправке.

Зачем он лжет?

– А где жили раньше? – допытывается женщина.

– Мы не местные, приехали посмотреть на остров и застряли тут.

Блондинка снимает очки, загибает дужки и аккуратно кладет окуляры на стол. В следующее мгновение, она простреливает Дилана ледяным взглядом. Теперь все встает на свои места. Этой женщиной никто не может руководить, а вот она – кем угодно. Не удивлюсь, если чудики кланяются,

когда она проходит мимо.

– Если солжешь мне еще раз, я выкину тебя из дома со связанными руками и ногами, – равнодушно сообщает она Дилану.

– Ладно, – тут же сдается он. – Мы жили здесь раньше, но сейчас реально базируемся на заправке, в наших домах чудики. Нам пришлось уйти, чтобы выжить.

– Чудики? – удивляется блондинка. – Так ты называешь зомби?

Дилан бросает на меня взгляд «я же говорил» и снова поворачивается к женщине.

– Да.

Около минуты босс местного разлива молча смотрит на нас, она о чем-то размышляет, ведь взгляд покрыт дымкой и немного рассеян.

– Сколько вас? – спрашивает она.

– Трое, – отвечает Дилан.

– Сколько было изначально?

– Трое.

– Повезло, – шепчет она. – В этом доме раньше жили семь человек. Осталась я одна.

– Мне жаль, – искренне произношу я, но женщина даже не кивает в знак принятия моего сочувствия.

– Хочу вас предупредить, что мы против банд и если я узнаю, что вы примкнули к одной из существующих, то буду недовольной.

– А сколько сейчас банд? – спрашиваю я.

– Мы знаем о шести.

– Мы?

– Люди, кто еще не потерял облик человечности, – произносит Ронни. – Мы стараемся придерживаться былых устоев. Не воровать, не убивать и так далее. Для нас закон выше всего.

– И поэтому вы заставили нас приехать сюда? – не успев затормозить свой язык, спрашиваю я, обернувшись к Ронни.
– Это ведь, фактически, похищение.

– Я предложил сопровождение до вашего дома, но твой парень отказался.

Не парень он мне.

– Мы можем идти? – спрашивает Дилан. – К бандам мы не примкнули и разделяем ваши ценности. Быть человеком – круто.

Блондинка прожигает Дилана непрерывным взглядом. Кажется, что она может заглянуть к нему в голову и понять, лжет он или говорит правду.

– Оставайтесь, скоро придет Мишель и если скажет, что не видела вас ни с одной из банд, то вы можете уйти на заправку или остаться с нами.

– Спасибо за приглашение, но думаю, мы пойдем к себе, – сообщает Дилан с легкой улыбкой.

– Помните, если вы когда-нибудь вступите в одну из банд или создадите свою и станете нарушать закон и нормы

человеческой морали, то я не буду столь благосклонной к вам, – медленно проговаривает блондинка и переводит внимание на Ронни: – Помоги им расположиться в холле, если Мишель даст отмашку, то отпусти. Если она скажет, что видела их с бандами, то запри с остальными.

Женщина резко теряет к нам интерес и снова опускает задумчивый взгляд на листы, надевает очки и погружается в чтение. Нас выводят, когда она бодро начинает что-то писать.

Встаю возле короба и притягиваю к себе Лею. Нет конца нашим бедам.

– Хорошо, что мы ни к одной из банд попали, – говорит Дилан, вставая рядом со мной. – Эти хотя бы помнят, что такое быть человеком.

– Действительно.

Они что-то вроде новой полиции? Не знаю, особого доверия они у меня не вызывают.

Не проходит и пяти минут, как парадная дверь распаивается, и в холл вваливается компания разномастных личностей. Во главе идет женщина, которую скорее всего правильнее называть бабушкой. Или нет. Я не могу понять, сколько ей лет.

– Главное, что они не знают, где мы живем, – говорит Дилан мне на ухо. – Это залог нашей безопасности. На окраину никто не будет соваться, смысла нет. Все необходимое для выживания в городе.

Согласно киваю и еще ближе подтягиваю Лею.

Дверь закрывается за восьмым участником компании. Итого я насчитала троих взрослых высоких мужчин, одну бабулю, двоих парней, девушку и подростка, у которого еще прыщи не сошли с лица.

– Мишель, – зовет наш конвоир, и старушка оборачивается на его зов.

– Ронни, чего тебе?

Голос у нее скрипучий, седые волосы собраны в тугий пучок, в правой руке раскладной нож, и он замаран чьей-то кровью. Вот тебе и Мишель.

– Босс велела посмотреть тебе на эту троицу и сказать, из какой они банды?

Вот засранец, не так она сказала. Он заранее подтолкнул старушку к развороту событий, что мы определенно из какой-то банды. А это клевета.

Кто решил, что Мишель отвечает за зрительную память? У нее скорее всего зрение уже давно село. Может, ей принести очки босса хотя бы?

Черт. А если мы похожи на кого-то из банды?

Мишель быстро отдает распоряжения оставшимся и подходит сначала к Лее. Она почти касается скрюченным носом лица тети, оглядывает ее ястребиным взглядом и четко отвечает:

– Эту не видела ни в одной.

Делает достаточно бодрый шаг в мою сторону и прищури-

вается. Дыхание замирает, пока бабуля сканирует мое лицо.

– Не из банды, – бросает она.

– А он? – допытывается Ронни.

– Нет. Где ты их подобрал? – спокойно спрашивает Мишель, продолжая смотреть на нас по очереди.

– Возле библиотеки.

Мишель щурится еще сильнее.

– Что вы там делали? – спрашивает она у меня.

– Книги взяли, – честно признаюсь я.

Она не дала мне право на размышления для ответа. Если эта компания против банд, значит они против правонарушений. А я только что созналась в краже.

– Зачем? – уточняет Мишель.

– Чтобы читать.

Мишель кивает и тут же спрашивает у нашего охранника:

– Они остаются с нами или уходят?

– Решили уйти, – отвечает Ронни.

– Жаль, – шепчет она, отправляясь восвояси. – Как жаль, нам быгодились лишние руки.

– Мы свободны? – спрашивает Дилан, и в этот момент в холл возвращается один из парней. Он был в числе тех, кого с собой привела Мишель.

– Дилан? – аккуратно спрашивает он и расплывается в улыбке. – Точно ты, а я думал тебя уже сожрали давно.

Парень начинает смеяться собственной шутке, а я косо смотрю на соседа, который еще недавно успокаивал меня

тем, что о нашем жилье никто не знает.

– Мы знакомы? – прищурившись, спрашивает Дилан.

– Я был у тебя на тусовке, около полугода назад. Эй, Мишель, у него огромный дом, если здесь что-нибудь пойдет не так, то можно перебраться к Дилану.

Мишель не успевшая далеко уйти, тут же возвращается.

– Где? – спрашивает она, смотря на Дилана.

– Не получится там обосноваться, – пожав плечами и с почтительной скорбью на лице отвечает сосед. – Чудики побили все окна и двери. Часть из них до сих пор живет там. Они и меня выгнали, приходится жить на заправке.

– Я спросила *где?* – давит Мишель.

– Да он прямо на пляже живет, – говорит неизвестный парень. – Мишель, Дилан наш парень, таких добряков еще поискать надо.

Сейчас Дилан вообще не похож на добряка. Он смотрит на Мишель, она на него. Дуэль взглядов.

– Я буду иметь это в виду, – говорит она и бросив на нас с Леей короткий взгляд, уходит.

– Можете ехать к себе на заправку, – сообщает Ронни.

– А мой пистолет? – спрашивает Дилан с протянутой рукой. – Вы ведь против воровства.

Ронни кривит губы, но все же отдает Дилану оружие, выпроваживает нас под дождь и захлопывает дверь.

Дорога до дома занимает меньше времени. Дождь сделал то, чего не смогли люди. Он изгнал всех чудиков и туман.

Теперь ужасное состояние города пугает. Повсюду валяются тела, перевернутые или брошенные посреди дорог машины. Выбитые окна, мусор, тела...

Дворники работают на максимуме всю дорогу. Тишину никто не нарушает. Не знаю, о чем думают Лея или Дилан, все мои мысли заключаются в одном, мы получили книгу, которая способна помочь нам выбраться с острова, позвать на помощь. Все остальное не имеет значения. Главное – убраться отсюда как можно дальше и позабыть о чудиках и сумасшедшем мире раз и навсегда.

Глава 19

Каждый минувший день проходит в ожидании настойчивого стука в дверь. Мы больше не в безопасности. Если компания Мишель, Ронни и блондинки решат забрать себе мой дом, то я не смогу им противостоять. Я не умею драться, не владею никакими навыками борьбы. У меня нет оружия, способного отстоять жилье. У меня есть Лея, которая скорее заставит меня пойти на уступки, лишь бы остаться внутри дома. Если повезет, то меня оставят в качестве прислуги. Буду бродить по собственному особняку в белом переднике и кланяться всем так низко, что на лбу никогда не исчезнет алое пятно.

Нет. Я не могу уступить им. Если *друг* Дилана покажет дорогу до его дома, то они точно обнаружат мой. Выбор упадет не на жилище соседа. У него нет пуленепробиваемых окон и серьезной защиты в виде запирающихся дверей.

Мысли об этом мучают меня, но есть и другие, не менее печальные. Дилан заболел. Через два дня после того, как мы оказались в гостях у блондинки, я нашла «Любовное послание», в котором сосед сообщил, что несколько дней будет недоступен для меня. У него температура и кашель, как у дворовой собаки.

Как неудобно и опасно болеть в наше время.

Я практически дочитала книгу про аномальные туманы,

которые были зафиксированы и описаны в работе. Самое туманное место Ньюфаундленд – остров, расположенный в Канаде. Бедным людям там приходится мириться с туманом от двухсот до двухсот сорока дней в году. Я-то думала, что туман не может держаться больше недели, а вот как оказалось. Но канадский туман обусловлен множеством факторов, которые имели место испокон веков. Рельеф местности, Лабрадорское течение, спускающиеся из Арктики, холодная поверхность моря и прочее. Все это позволяет туману забрать большую часть года, но наша местность иная. Она совсем не подходит под найденные мною описания. Туман не может взяться просто так, этому всегда есть научное обоснование. По крайней мере были всегда. Но в этом году все изменилось.

Закрываю книгу и откидываюсь на спинку дивана. Глаза болят. Сколько бы я не искала информацию о тумане, о нашем я не узнала *ничего*.

Как только дождь прекратился, мгла снова заполонила все пространство. Чудики вышли. Те, что слонялись по дому Дилана тут же покинули стены и отправились в неизвестном направлении. В какой-то степени мне было спокойнее, когда я знала, где они находятся. Теперь и это знание ускользнуло от меня. Чудик в шапке обуглился. Я видела его из окна своего дома. Он ходил по заросшему газону, будто не знал, куда деться. Его облик стал в разы страшнее былого. Его как будто бросили в костер, а потом облили чем-то вязким и черным.

Сейчас за окном должен быть яркий солнечный день, но там по-прежнему мгла.

Ненавижу серый цвет. Угнетает.

Лея перестала проситься выйти из дома. Она превратилась в затворницу. Поездка в библиотеку не прошла для нее бесследно. Кажется, я навредила ее разуму больше, чем кто-то свыше. Сожалею ли я об этом? Не более чем на пять процентов и то, это случается в моменты, когда из склепа выполняет законопослушный гражданин. Теперь тетя стала более осмотрительной. Ей было достаточно одного эмоционального всплеска, чтобы запомнить – чудики опаснее всего, что есть на планете.

Мысли о папе стали посещать меня реже. Стыдно признаться себе в этом, но меня сильнее волнует наше с Леей положение. Я не могу находиться в постоянном унынии по прошлой жизни. Она была замечательной, *но она прошла*. Настал новый этап, где восемнадцатилетняя я должна взять себя в руки и спастись от всех. От людей. От стандартных чудиков. От обгоревших чудиков.

Глава 20

Рукоять кухонного ножа обжигает ладонь, но я ни за что на свете не опущу руку. Как бы я сейчас была рада дождю, чтобы он убрал проклятую пелену.

Иду в сторону сторожки Дилана, сканируя местность перед собой, потом слева, справа и прислушиваюсь к миру так, как никогда не старалась этого делать. До боли в висках. Рюкзак за спиной отдает мне тепло еды, которую я так старательно готовила.

Останавливаюсь у сторожки и стучу по двери рукоятью ножа.

Спустя слишком долгие секунды, она отворяется, и я моментально ныряю внутрь.

– Почему так долго? – требовательно спрашиваю я, но шарф, намотанный вокруг рта, приглушает силу моего негодования.

– Пока встал, дошел, открыл, – отмазывается Дилан и тут же заходится в кашле.

Он заболел чертовски не вовремя. Не думала, что обычная простуда будет меня так пугать. Каждый раз, когда Дилан кашляет, я жду, что он вот-вот выплюнет легкие, а на его лбу можно пожарить яичницу.

При мысли об яичнице в желудке начинает урчать. Скучаю по нормальной еде. Вкусной, душистой и такой доступ-

ной. М-м-м... Я бы еще и бекона добавила и сверху все засыпала нарубленной петрушкой.

Чтобы не подавиться слюной, встряхиваю головой, прогоняю мысли и концентрирую все внимание на больном.

– Не вздумай умирать, – приказываю я, скидывая с плеча рюкзак. – Даже не смей.

Рация или радиостанция (я так и не поняла, как ее правильно называть) его приемного отца беспрерывно шипит. Дилан еще до болезни наладил ее и уверяет, что смог подать сигнал SOS, но полной уверенности ни у кого из нас нет.

– Если бы я хотел умереть, то уже умер бы, – говорит он. – Была уйма возможностей.

На соседа больно смотреть. Синяки под глазами, потрескавшиеся губы и тяжелый взгляд.

– Милый шарфик, – замечает Дилан.

– Нарядилась, чтобы отпугнуть твоих бацилл, – парирую я и, тут же смягчившись, добавляю: – Иди ложись, я принесла тебе суп.

Брови на больном лице взлетают. Не могу понять, он сейчас удивлен или не верит, что я могу сделать добрый, бескорыстный поступок? Кого я обманываю? Корысть все же двигала мною. Мне нужно, чтобы Дилан встал в строй как можно быстрее.

– Ты раньше когда-нибудь готовила суп? – спрашивает он и снова кашляет в ладонь. Его сгибает пополам, кашель настолько сильный, что на глазах соседа выступают слезы.

– Пару раз, – отвечаю я.

Прокашлявшись, Дилан спрашивает:

– Сколько было пострадавших?

– Те, кто смогли бы пожаловаться? – уточняю я. – Ноль.

– Это и пугает, – выдыхает он.

– Меня пугает только твое состояние, – признаюсь я.

Вот как он умудрился заболеть? Два дня у него была температура под сорок. Когда нашла записку, что Дилан приболел, думала, у него диарея, мы ведь едим сейчас что попало, но уж никак заболевание такого рода.

– Из кого суп? Из ароматной курочки? – допытывается Дилан, усаживаясь на кровать.

– Из бодрого картофеля, менее бодрой морковки и...

– Не продолжай, – просит он.

Выполняю его просьбу и достаю из рюкзака кастрюлю, перемотанную парой полотенец. Она маленькая, но все равно контейнер был бы более удобным, жаль, ничего подобного на полках я не нашла. Пришлось использовать ее.

– Ты всю кухонную утварь растащила.

Ставлю кастрюлю на колени Дилана и строго глядя ему в глаза, приказываю:

– Ешь.

– Руками?

Показываю Дилану язык, но из-за шарфа он этого не видит. Какой капризный.

Приношу ему ложку и сажусь рядом.

– Температура? – спрашиваю я, стараясь по виду определить, какая она в данный момент. Точно не под сорок.

– Уже меньше.

– Сколько?

– Ну ма-а-а-ам, – протягивает он.

Дилану точно лучше. Он уже пытается шутить, а до этого мог только лаять как собака.

– Сколько, Дилан? – давлю я.

– Тридцать девять.

– Ночью спал?

– Не особо. Октавия, все нормально. Я скоро снова встану на ноги.

Не диалог, а какой-то допрос. Все же я немного отпускаю ситуацию и заставляю себя не злиться на Дилана. Он не виновен в том, что заболел.

– Обещаешь? – тихо спрашиваю я.

– Обещаю, – едва слышно отвечает он.

Вот пусть только умрет, я его с того света достану. Вспоминаю былую угрозу Дилана и возвращаю ему ее.

– Помнишь, ты как-то грозился приходить ко мне после смерти и бродить у моего дома?

– Да, было такое, – говорит он, мешая суп.

– Вот если умрешь, я буду каждый день подходить к окну и показывать тебе фак.

Он улыбается и спрашивает:

– Вероятнее всего, ты не хочешь моей смерти?

– Конечно. Ведь тогда я останусь одна.

Дилан становится серьезным, он ловит мой взгляд и удерживает его достаточно долго.

– Я тебя не оставлю, – серьезно сообщает он. – Мы вместе оказались на краю тумана, вместе выйдем из него.

Сердце замирает от его слов. Не из-за того, что ему удалось красиво составить слова в предложение, а из-за посылы.

– Поэтично, – замечаю я, испытывая неловкость.

– На меня так температура влияет, – отзывается Дилан и все-таки отправляет первую ложку супа в рот. – Спасибо за заботу.

Последнее он говорит с такой искренностью, что у меня щемит сердце. Кажется, что бывшие добродетели стали роскошью. Не хочу терять человеческий облик и озлобиться. Это не про меня. Мама бы не поняла такого.

– Как Лея? – спрашивает Дилан, продолжая медленно есть суп.

Пожимаю плечом и отрицательно качаю головой.

– Она замкнулась, но я этому больше рада, чем опечалена.

– Все будет нормально, – успокаивает он. – Мы сделали невозможное. Показали Лее чудиков и донесли, что они опасны. Мы получили книги и настроили приемник, он теперь круглосуточно отправляет SOS. Мы до сих пор живы.

Бросаю на него короткий взгляд и спрашиваю:

– Надолго ли?

Он лишь пожимает плечами и прожевав очередную ложку

супа, отвечает:

– Пока не выберемся с острова.

– А потом?

Дилан подает мне кастрюлю, и я забрав ее, отставляю на стол.

– Ты когда-нибудь думала о том, что все это происходит не только на острове? – серьезно спрашивает больной.

Кровь в венах тут же начинает мерзнуть. Почему я никогда не думала об этом? Да потому что это невозможно. Человечество не может быть уничтожено в какой-то рандомный четверг.

– Это невозможно, – слабо замечаю я.

– Но если даже это и так, то по велению логического мышления, к нам приплывет кто-нибудь с незараженным разумом. Значит, они придут откуда-то, где есть другие люди. Значит, жизнь на материках есть, но...

– ... но она изменилась, как и жизнь на острове.

– Вероятнее всего, – выдает Дилан и снова заходится в кашле.

Плечи опускаются под тяжестью новых мыслей. Прежняя я бы стала надеяться на то, что только остров подвергся заразе, но я больше не могу себе позволить розовые сны. Я должна твердо и как можно более правдиво смотреть на происходящее. В любом случае, если даже за пределами острова так же бушуют чудики, там проще выжить. Намного проще.

– Остров ничего не производит, – сообщаю я, снова под-

няв взгляд на Дилана. – В девятом классе я готовила доклад про остров, а точнее про его промышленную сторону. У нас из заводов только цех по переработке пластика. Нам все привозили с большой земли. Единственное, за что этот остров любили, – красота природы и чистые пляжи с белым песком. У нас нет плантаций. У нас нет ничего, что поможет выжить, когда магазины и склады будут полностью пусты.

– Мы попадем на материк, – обещает Дилан.

Киваю, и губы сами по себе превращаются в подобие печальной улыбки.

– Мне пора, – шепчу я.

Не успеваю подняться, как слова Дилана заставляют меня замереть.

– Ты не оставляешь меня, – еле слышно произносит он.

Оборачиваюсь и, нахмутив брови, серьезно говорю:

– Разумеется.

– Мы долгое время были далеки друг от друга, мне не хватало тебя, – искренне признается Дилан.

Когда-нибудь я перестану испытывать неловкость от его неожиданных замечаний или взглядов, но это будет не сегодня.

– Почему ты говоришь об этом сейчас? – спрашиваю я.

Он что, реально решил толкнуть прощальную речь?

– Тебе настолько плохо, что тебя откинуло в ностальгию?

– Нет. Но после сказанного, я могу все скинуть на помутнение рассудка, – произносит он. – Мне *правда* тебя не хва-

тало.

– Ты сам отстранился, – напоминаю я.

– Это так.

– Почему?

– Хочешь честный ответ?

– Да.

– Но после него тебе будет неудобно.

– С появлением чудиков уют перестал иметь значение.

Дилан легонько кивает и, не отводя от меня внимательно-го взгляда, размышляет. Вижу, как меняются его глаза и понимаю, что он прав, после сказанного я...

– Когда в твоей жизни появился парень, я понял, что теряю тебя. За всю жизнь я не встречал настолько подходящего мне человека и был вынужден наблюдать, как ты постепенно уходишь из моей жизни.

Тяжело смотреть Дилану в глаза, кажется, что он решил оголить передо мной душу, а я не уверена, что готова принять этот шаг. Но я не отвожу взгляда.

– Это неправда, – перечу я. – Ты сейчас перекладываешь ответственность на меня.

– Нет. Я не мог наблюдать, как ты встречаешься с ним. Ревновал.

Дилан говорит все это будничным тоном, словно желает скрыть, насколько это признание важно для него.

– Глупость какая, – отмахиваюсь я. – Мы были только друзьями, я не давала тебе поводов думать иначе.

– Ты мне нравилась не только как друг. Я был в тебя...

– Прекрати, – прошу я, перебив Дилана на середине предложения.

Сердце несется галопом, пытаясь пробить грудную клетку и вывалиться на пол.

Дыхание становится более глубоким и медленным, а сердце сжимается.

– Я предупреждал, что тебе будет неловко, – напоминает Дилан.

Все это время он так и не отводил от меня внимательного взгляда. Хотел понять, как я отреагирую на его неожиданные заявления? А настолько ли они неожиданные?

– Почему ты ничего не говорил?

– Получить отказ казалось большее, чем попытаться получить тебя полностью. Мне сложно объяснить, почему я ничего не говорил.

Неуютно мне? Да я хочу выбраться из собственной кожи. Жар, разбежавшийся по щекам, опалает шею и опускается вниз.

– Ты должен был сказать тогда, а не спустя несколько лет, – шепчу я. – Ты даже не представляешь, что я себе только не придумывала, чтобы понять, почему ты вычеркнул меня из своей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.